

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

90 лет

10

2016

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

10/2013 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

А.С. Стыкалин — XX съезд КПСС и роспуск Коминформа 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Ю.П. Соловьёв — Иван Михайлович Лабинцов 20

СООБЩЕНИЯ

С.В. Холяев — Трансформация «Союза 17 октября» в сторону революции 44

Р.И. Порошин — П.А. Шувалов и П.П. Альбединский: карьера и политические взгляды друзей-сановников 65

С.Г. Малкин — Армия и шотландская политика Великобритании в середине XVIII в. 87

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Т.А. Воробьёва, В.Т. Юнгблюд — Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. 105

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

В.Г. Бухерт — Нина Теймуразовна Берия 126

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Д.В. Перовощиков — Госпитали для иностранных военнопленных на территории Удмуртии в 1943—1949 гг. ...	139
А.А. Гуляев — Е.А. Щаденко и репрессии в Красной армии в 1937—1938 гг.	145
И.В. Кучумов, Э.В. Мельник, Л.Ф. Сахибгареева — Пьер-Шарль Левек — французский исследователь истории и этнографии России	153
Ш.Г. Алиев — Из истории политического объединения Шекинского царства и Кахетинского княжества	162

ИСТОРИОГРАФИЯ

М.С. Искендерова — Политика России на Южном Кавказе в XVIII — начале XIX в. в трудах современного историка	168
И.Н. Гребёнкин — Болгарская армия в первой мировой войне (1915—1918)	174

XX съезд КПСС и роспуск Коминформа

А.С. Стыкалин

Аннотация. В статье рассматриваются конкретно-исторические обстоятельства и выявляются причины роспуска в апреле 1956 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий. Автор приходит к выводу, что задачи сближения с Югославией времен И. Броз Тито сыграли первоочередную роль в числе факторов, ускоривших упразднение этой структуры, уже переставшей играть значительную политическую роль.

Ключевые слова: XX съезд КПСС, Н.С. Хрущёв, Коминформ, Югославия, И. Броз Тито.

Abstract. The concrete circumstances and the reasons of the dismissal of Cominform in April 1956 are revealed. The author came to conclusion that the Yugoslavian factor played the most important role in the decision to liquidate the structure which lost its previous political role till Spring 1956.

Key words: XX-th Congress of CPSU, N.Khrushchev, Cominform, Yugoslavia, Iosip Broz Tito.

Созданное в сентябре 1947 г. для «обмена опытом и координации деятельности компартий на основе взаимного согласия»¹ Информационное бюро коммунистических и рабочих партий стало механизмом централизации мирового коммунистического движения и инструментом идейно-политического руководства деятельностью компартий со стороны Москвы, перенеяв в этом смысле функции распущенного в 1943 г. Коминтерна. Известно, что именно Коминформ стал главным орудием осуществления массивированной антиюгославской кампании, предпринятой в 1948—1949 годах². Но, убедившись в ее неудаче, Сталин довольно быстро утратил интерес к этой организации, попытавшись (по совету Пальмиро Тольятти) активнее использовать в интересах советской внешней политики всемирное движение сторонников мира³. После 1949 г. большие совещания Ко-

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. E-mail: zhurslav@gmail.com.

Stikalin Alexander S. — candidate of historical sciences, leading researcher at the Institute for Slavic Studies RAS. E-mail: zhurslav@gmail.com.

минформа не проводились, после ноября 1950 г. не состоялось ни одного заседания Секретариата Информбюро. К 1953 г. роль структур Коминформа все более низводилась к выполнению функций одного из каналов передачи в Москву информации о происходящем в других компартиях.

После смерти Сталина его недавние соратники, стоявшие во главе СССР, также не предприняли серьезных попыток оживить деятельность Коминформа. Так, в начале 1954 г. не был дан ход соответствующей инициативе, с которой выступил, ссылаясь на мнения представителей других партий, шеф-редактор печатного органа Информбюро газеты «За прочный мир, за народную демократию!» академик М.Б. Митин ⁴. Очевидно, в руководстве КПСС не было ясности относительно места Информбюро во внешнеполитическом инструментарии СССР на новом этапе. Если во времена Сталина сотрудники аппарата Информбюро, выезжавшие с инспекционными миссиями в страны «народной демократии», принимались на самом высоком уровне для обсуждения наиважнейших внешнеполитических вопросов ⁵, то после 1953 г. советская политика на восточноевропейском направлении все более проводилась не по партийным, а по традиционным дипломатическим каналам, причем ее методы подлежали определенной корректировке. Так, в феврале 1954 г. получила резкое осуждение работа посла СССР в Польше Г.М. Попова, который, как отмечалось в соответствующем постановлении Президиума ЦК КПСС, «нарушил указания ЦК КПСС и Советского правительства о недопустимости какого-либо вмешательства послов СССР во внутренние дела народно-демократических стран и пытался взять на себя функции контроля за деятельностью ЦК ПОРП и Польского правительства», кроме того, позволял себе произвольное толкование советов ЦК КПСС по вопросам государственного и партийного строительства, допускал «высокомерное отношение к польским товарищам», что «могло нанести серьезный ущерб советско-польским отношениям» ⁶. Попов был отстранен от работы, одновременно послам в том же постановлении было указано на недопустимость превышения полномочий и вмешательства во внутренние дела стран пребывания ⁷.

С созданием в мае 1955 г. Организации Варшавского договора возникли новые механизмы влияния СССР на страны Восточной Европы, в первую очередь, Политический Консультативный Комитет (ПКК) ОВД, что дало основания вновь задуматься над конкретной ролью Информбюро во внешней политике Москвы. В руководстве КПСС, очевидно, не были удовлетворены этой организацией, хорошо осознавая его системные изъяны. Главным из них был ограниченный состав его участников. Так, ни компартия второй коммунистической державы мира — Китая, ни компартии обеих Германий, ни Союз коммунистов Югославии (установка на примирение с которым проявилась в политике КПСС начиная в 1954 г.) ⁸ не входили в Информбюро, что подчас блокировало возможности использования этой структуры при проведении линии КПСС на приоритетных внешнеполитических направлениях. Влияние через Коминформ на западные компартии сводилось по сути дела к публикации в его газете директивных статей. Еще меньше было определенности в применении механизмов Информбюро при выстраивании отношений с акти-

визировавшимися антиколониальными движениями в странах «третьего мира», которым в советской политике с каждым годом уделялось все большее внимание как потенциальному союзнику в антиимпериалистической борьбе.

В условиях некоторого ослабления напряженности в межблоковых отношениях западные наблюдатели, видя малую результативность Коминформа, высказывали предположения относительно скорого роспуска Москвой этого координирующего центра, сильно раздражавшего самым своим существованием общественное мнение на Западе (особенно в свете шумных разоблачительных судебных процессов по «делу Райка» 1949 г.⁹ и т.д.). Так, 16 октября 1954 г. председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову, принимавшему (в присутствии не менее влиятельного министра иностранных дел В.М. Молотова) делегацию британских парламентариев-лейбористов, был задан прямой вопрос: какое значение для советской внешней политики имеют связи КПСС с другими компартиями, осуществляемые через Коминформ. «Если эти связи, — отмечалось далее, — не имеют большого значения, то нельзя ли было бы ликвидировать Коминформ и тем самым устранить одну из основных причин для трений между СССР и западными государствами»¹⁰. Всего за две-три недели до этого, в условиях происходившей нормализации советско-югославских отношений¹¹, было принято решение о ликвидации коминформовских структур, выступавших в качестве рупоров антититовской пропаганды. Союз югославских патриотов за освобождение народов Югославии, уже с конца 1953 г. сокративший масштабы своей деятельности, в конце сентября 1954 г. был упразднен. Прекратила работу и радиостанция «Свободная Югославия». На фоне этих событий Маленков в разговоре с англичанами не был склонен преувеличивать значение Информбюро для советской политики и сравнивать его в этом плане с Коминтерном. В то же время он указал на возможность использования этой структуры (по его версии, исключительно канала межпартийных связей) в интересах дела мира. «В этот вопрос, — говорил он, — надо внести ясность и указать, что Информационное бюро, которое на Западе называют Коминформом, — это не то же самое, что Коминтерн. Информационное бюро существует для поддержания связей между некоторыми коммунистическими партиями Европы. Такие же связи существуют, например, между социалистическими партиями различных стран, что нам представляется вполне естественным. Кроме того, следует сказать, что деятельность Информационного бюро и связи между компартиями направлены на то, чтобы содействовать обеспечению мира в Европе. Существование Информационного бюро — это дело коммунистических партий, и Советское правительство, как известно, не является членом Информационного бюро»¹².

По мере того, как набирал динамику процесс нормализации советско-югославских отношений, вопрос о переоценке всей прошлой деятельности Коминформа становился все актуальнее. В мае 1955 г. полным ходом шла подготовка визита в Югославию советской делегации во главе с Н.С. Хрущёвым, призванного стать прорывом в восстановлении диалога двух коммунистических режимов (если учесть растущий внешнеполитический вес титовской Югославии, то речь,

по сути, шла о преодолении обозначившегося раскола в мировом коммунистическом движении). За три дня до отлета делегации в Белград, 23 мая, Президиум ЦК КПСС утвердил телеграмму в адрес Центральных Комитетов партий — членов Информбюро¹³. Для того, чтобы устранить препятствия, мешавшие возвращению Югославии в содружество государств, строящих социализм, в ней предлагалось отменить резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» (ноябрь 1949 г.), принятую в условиях, когда «стороны находились в состоянии вражды и обоюдных нападок». В документе признавалось, что многие обвинения со стороны Коминформа были необоснованными; вина за их фабрикацию в соответствии с доминировавшими весной 1955 г. установками возлагалась на злонамеренные действия Берии, Абакумова и их агентуры. Что касается резолюции Второго Совещания Информбюро (июнь 1948 г.) о положении в Коммунистической партии Югославии, то ее предполагалось оставить в силе с некоторыми оговорками. Хотя критика в ней КПЮ по ряду принципиальных вопросов была признана в целом справедливой и допустимой в отношениях между компартиями, вместе с тем, отмечалось, что в резолюции содержались также необоснованные обвинения и неприемлемый призыв к смене руководства КПЮ, что выходило за пределы компетенции Информбюро. Об этом предполагалось самокритично заявить югославам в ходе переговоров. Таким образом, руководство КПСС не только инициировало отмену одной из ключевых резолюций Коминформа¹⁴, но и уточняло функции Информбюро, круг его компетенции. Для советских лидеров, конечно, не было секретом отрицательное отношение руководства СКЮ к Коминформу вследствие его роли в массовой антиюгославской кампании. Отчасти в силу этого вопросы, связанные с его деятельностью, на переговорах с югославами старались не затрагивать¹⁵.

Для Хрущёва сверхзадачей поездки в Белград было возвращение Югославии в сферу влияния СССР и включение ее в формирующийся советский блок, чего достичь в ходе переговоров явно не удалось. Используя «югославский фактор» для нанесения на следующем (июльском 1955 г.) пленуме ЦК удара по своему влиятельному конкуренту Молотову, считавшему целесообразным ограничиться восстановлением с «ревизионистской» Югославией нормальных межгосударственных отношений «как с обычным капиталистическим государством», первый секретарь ЦК КПСС, однако, вскоре и сам вынужден был признать нерешенность задачи-максимум. В документе ЦК КПСС (январь 1956 г.) отмечалось, что, хотя и происходит (не без шероховатостей) «сближение Югославии в ряде коренных вопросов с социалистическим лагерем», вместе с тем, «нельзя признать удовлетворительными итоги в деле сближения по партийной линии»; до установления между двумя партиями прочного единства взглядов на принципах марксизма-ленинизма, «надо прямо сказать, еще далеко»¹⁶.

Одно из разногласий касалось отношения руководства СКЮ к тем методам сотрудничества компартий, которые предполагали наличие идеологического и организационного центра в мировом коммунистическом движении (а именно в этом качестве в Белграде продолжал восприниматься Коминформ). При всех дежурных оговорках о необходимости взаимного обмена опытом стран, строящих социализм,

критика практики неравноправия и навязывания одной партией своего мнения другим партиям присутствовала в письме ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. по вопросам межпартийных отношений¹⁷. Негативное отношение к Коминформу как скомпрометировавшему себя неблагоприятными акциями инструмента сталинской внешней политики, препятствующему доверительным отношениям между странами, никогда не скрывалось югославской стороной в ходе бесед на разных уровнях¹⁸. По мнению представителей СКЮ, существование Коминформа, созданного в свое время для того, чтобы держать рычаги управления мировым коммунистическим движением в руках одного человека, приносило СССР огромный вред уже тем, что давало западной пропаганде повод указывать на наличие мирового коммунистического заговора, советской агентуры по всему миру и т.д. Причем многие компартии едва ли нуждались в таком руководящем органе.

Осенью 1955 г. в Москве обратили внимание на программную статью, которую опубликовал в еженедельном издании СКЮ «Коммунист» (№ 6—7) видный деятель партии Велько Влахович. Решение о роспуске Коминтерна в 1943 г., писал он, было совершенно правильным, однако наметившиеся позитивные тенденции в развитии коммунистического движения были прерваны созданием Коминформа, пытавшегося навязать компартиям те же порочные методы централизации. По мнению Влаховича (представителя КПЮ в структурах Коминтерна в годы войны), вся деятельность Коминформа показала нелогичность оживления изживших себя форм и методов сотрудничества, неадекватных современной ситуации. Функционер СКЮ при этом не преминул отметить «противоречащий любым коминформовским шаблонам» югославский опыт сотрудничества с самым широким спектром сил, выступающих за социализм.

Со статьей Влаховича был ознакомлен член Президиума ЦК КПСС А.И. Микоян, находившийся осенью 1955 г. на отдыхе в Югославии и, по отзывам югославских коммунистов, долго отмахивавшийся от разговора о Коминформе. Влаховичу он все же при встрече сказал, что можно понять позицию югославских коммунистов в отношении Информбюро, однако стоило ли публиковать такие статьи после недавних переговоров и примирения двух стран? Но суть дела заключалась не только в этом. Объявив создание Коминформа восстановлением Коминтерна в новой форме, Влахович, по мнению Микояна, не прав, прежде всего, потому, что Информбюро ограничивало свою деятельность узким кругом европейских партий, к тому же давно не собиралось¹⁹, фактически его работа сводилась к изданию газеты. Микоян спросил своих югославских собеседников: если они против Коминформа, то чем предлагают его заменить, ведь нельзя же не иметь канала для поддержания связей между компартиями. Он сослался на состоявшийся весной 1955 г. на Президиуме ЦК КПСС предварительный обмен мнениями по вопросу о будущем Информбюро (не нашедший отражения в известных нам документах), сказав о возобладавшем в руководстве КПСС убеждении «еще серьезно обдумать и посоветоваться с руководителями иностранных компартий при личных встречах с ними»²⁰.

Первым дружественным СССР некоммунистическим зарубежным лидером, который, хотя и в тактичной форме, но довольно от-

кровенно поставил перед Москвой вопрос о целесообразности дальнейшего существования Коминформа, был премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Это произошло при посещении Хрущёвым и Н.А. Булганиным Индии в декабре 1955 года. Индийские коммунисты, говорил он, как, очевидно, и коммунисты других стран, не только решают при помощи КПСС свои материальные проблемы, но и до сих пор руководствуются в своей политике импульсами, идущими извне, рассматривая в качестве директив для себя статьи в газете «За прочный мир, за народную демократию». Неру осторожно попытался подвести Хрущёва к мысли о том, что на деле Коминформ является скорее тормозом при мобилизации антиколониальных движений на решение тех задач, которые в Москве считали служащими делу мира и прогресса.

Полемизуя с Неру, руководители КПСС все же восприняли его позицию довольно серьезно, увидев в ней настороженное отношение к Информбюро не просто лидера большой азиатской страны, но и одного из инициаторов фактически начавшего формироваться после Бандунгской конференции (апрель 1955 г.) движения неприсоединения, считавшегося в Москве стратегическим союзником в борьбе с империализмом. Именно Неру призвал вновь задуматься над недостаточной эффективностью работы с идейно близкими партиями. «Видно мы работаем аляповато», — заметил в той же связи Хрущёв на заседании Президиума ЦК КПСС 22 декабря ²¹. С этих пор внимание Москвы было в большей мере приковано к проблеме улучшения деятельности Коминформа.

Осознавая его несовершенство, а значит и неизбежность реорганизации, Хрущёв в первое время считал явно несвоевременной публичную постановку вопроса о роспуске этой структуры, воспринимая это как уступку тем силам в мире, которым не по душе «международная солидарность рабочего класса». Показательно, что он весьма нервно реагировал на прогнозы западных наблюдателей о том, что Коминформ изжил себя и вскоре будет упразднен и, прежде всего, как явный символ неудачи прежней советской политики на югославском направлении. Повод для резких высказываний советскому лидеру дали западные журналисты, которые на пресс-конференции в Дели 14 декабря прямо задали соответствующий вопрос. Согласно ответу Хрущёва, сохранение привычных форм обмена опытом между компартиями не дает спокойно спать лишь тем, кто «хотел бы сохранить навечно старую, отжившую свой век систему эксплуатации человека человеком». «На каком, собственно говоря, основании коммунистические партии должны отказаться от общепринятой формы международного общения и сотрудничества? Почему, например, те, кто ставят вопрос о ликвидации “Коминформа”, не высказывают никаких возражений против деятельности Социалистического Интернационала», не говоря уже о «международных монополистических объединениях», когда капиталисты «регулярно встречаются для того, чтобы сообща вершить свои дела», тогда как рабочему классу они хотели бы отказать в праве на международное сотрудничество — спрашивал он иностранных журналистов ²². Через две недели, на сессии Верховного Совета СССР 29 декабря 1955 г., Хрущёв вновь вернулся к проблеме Коминформа, затронув ее в контексте ответа на вопрос: кто укрепля-

ет «дух Женевы»²³ и кто подрывает его? Пафос довольно пространного и эмоционального выступления советского лидера опять-таки заключался в том, что вопрос о дальнейшем существовании Информбюро — это внутреннее дело компартий, не зависящее от воли тех, кому не по душе единство рабочего класса и международная солидарность трудящихся, говорить же о предстоящем его роспуске нет никаких оснований²⁴. Та же позиция нашла отражение и в передовой статье журнала «Коммунист», где речь шла о значении Информбюро как формы общения и сотрудничества компартий²⁵.

31 декабря на последнем в 1955 г. заседании Президиума ЦК КПСС при обсуждении текста информационного письма для братских партий «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией»²⁶ были отмечены разногласия с СКЮ в вопросе об оптимальных формах сотрудничества компартий²⁷. Как было зафиксировано в утвержденном документе, «по всем данным, руководство СКЮ придерживается мнения о том, будто какой-либо объединяющий орган коммунистических партий вообще не нужен. Совершенно очевидно, что эта позиция неправильна. Мнение нашей партии по вопросу об Информбюро коммунистических и рабочих партий было ясно выражено в речи т. Хрущёва на сессии Верховного Совета СССР»²⁸.

Однако весьма однозначно выраженная Хрущёвым позиция в течение считанных недель претерпела эволюцию. Как следует из документов, к началу XX съезда КПСС в советском руководстве возобладала точка зрения о необходимости коренной реорганизации Коминформа, совсем не отвечавшего в новых условиях своим задачам, а в дни съезда уже был поставлен вопрос о ликвидации этой структуры. Учитывая декабрьские высказывания Хрущёва, ясно, что подвижки произошли после долгих колебаний.

30 января при обсуждении на Президиуме ЦК КПСС проекта отчетного доклада ЦК XX съезду КПСС вопрос об Информбюро, судя по записям, не поднимался²⁹. Очевидно, в Кремле при определении стратегии и тактики мирового коммунистического движения уже не придавали большого значения этой структуре и не могли найти ей достойного места. Соответственно и в отчетном докладе, зачитанном в день открытия съезда, 14 февраля, эта тема фактически была обойдена стороной³⁰. Насколько можно судить по известным записям заседаний Президиума ЦК КПСС, Хрущёв впервые со всей определенностью заговорил о перспективах ликвидации Коминформа 22 февраля 1956 года. В этот день при обсуждении вопроса о проведении рабочего совещания представителей компартий, приглашенных в Москву в качестве гостей XX съезда КПСС³¹, он обозначил имеющиеся планы весьма однозначно: «Ликвидируем Коминформ»³².

В представленной в Президиум ЦК КПСС записке зав. отделом ЦК по связям с иностранными компартиями Б.Н. Пономарёва от 7 февраля³³ отмечалось, что, несмотря на существование Информбюро, «между собой зарубежные компартии связаны мало и плохо взаимно информированы о своей деятельности», их представители то и дело поднимают вопрос о неэффективности Информбюро и его слабом политическом весе, ряд партий обращается с просьбой о включении в эту организацию. Особенно большое значение в Москве придавали мнению компартии Китая (КПК). Было решено в предвари-

тельном порядке выяснить отношение ее представителей к возможному подключению КПК к работе Коминформбюро, а затем в ходе встреч с зарубежными коммунистами узнать их мнение о созыве в мае-июне нового совещания Информбюро, определив его повестку дня. Витала в воздухе и нашедшая отражение в записке Пономарёва, идея издания не только газеты Информбюро (подлежавшей улучшению), но и международного теоретического журнала мирового коммунистического движения. В повестку дня будущего совещания Пономарёв предлагал также включить (наряду с вопросом о расширении состава Информбюро) вопросы о корректировке некоторых положений экономической теории марксизма-ленинизма с учетом реального опыта развитых капиталистических стран ³⁴, о расширении контактов с социалистическими и социал-демократическими партиями (ввиду наметившейся в ряде соцпартий тенденцией активизировать связи с компартиями, правда, в первую очередь, с СКЮ). Кроме того предлагалось активизировать контакты между компартиями на региональном уровне (в Азии, Латинской Америке, Скандинавских странах и т.д.), создав соответствующие региональные структуры.

Уже в дни работы съезда в ЦК КПСС поступило письмо П. Тольятти ³⁵. Наиболее влиятельный деятель западного коммунистического движения не хотел подвергать сомнению пока еще публично не пересмотренную позицию КПСС о перспективах Информбюро ³⁶, однако указал на слабое выполнение им главной своей функции (обмена опытом), требовавшее коренной, системной реорганизации всей деятельности этой структуры ³⁷. По мнению Тольятти, к обсуждению проблем, связанных с улучшением работы Информбюро, должны были привлекаться представители не только компартий — членов этой организации.

С учетом позиции Тольятти, на заседании Президиума ЦК КПСС 22 февраля речь шла о возможной трансформации Информбюро в «бюро контактов коммунистических и рабочих партий стран, строящих социализм» (без входивших в Информбюро итальянской и французской компартий, перед которыми стояли иные задачи), создании ряда других региональных объединений компартий и усилении посреднической роли КПСС в поддержании контактов между этими объединениями. Никто из членов советского руководства не высказался за сохранение прежней структуры в неизменном виде, а Хрущёв именно в ходе этого обсуждения обозначил свою новую позицию — о необходимости ликвидации Коминформа. В то же время М.А. Суслов, курировавший в Президиуме ЦК КПСС вопросы мирового коммунистического движения, считал, что компартии соцстран Европы, замкнувшись на себя, утратят влияние на компартии стран, еще не приступивших к строительству социализма ³⁸.

Записи рабочего совещания представителей компартий, состоявшегося в дни XX съезда, пока не стали достоянием исследователей. Судя по материалам, подготовленным для Президиума ЦК, до конца марта оставалось в силе лишь предложение о создании Бюро компартий стран, строящих социализм ³⁹. В марте 1956 г. при обсуждении на партактивах разных компартий мира итогов XX съезда КПСС фактически не скрывалось, что Коминформу не суждена долгая жизнь, в

связи с чем, к идее его роспуска мировое коммунистическое движение оказалось вполне подготовленным.

17 марта Сулов и Пономарёв представили в ЦК КПСС проекты Информационного сообщения о прекращении деятельности Информбюро и письма ЦК КПСС лидерам партий — членам Информбюро. Существование этих документов ⁴⁰ свидетельствует о том, что уже к этому времени вопрос об упразднении Коминформа был фактически решен, оставалось определить, какие формы взаимодействия и сотрудничества придут ему на смену. Судя по записи заседания Президиума ЦК КПСС от 28 марта, советских лидеров в это время более всего занимала проблема, как и в какие сроки следовало обнародовать сообщение о ликвидации Информбюро (Хрущёв предлагал не затягивать) ⁴¹.

Информационные письма зарубежным коммунистам и записи заседаний Президиума ЦК составляют круг источников, по которым можно судить как о мотивах роспуска Коминформа, так и о причинах форсирования этого события. Несомненно, в Москве заботились об улучшении отношений с европейской социал-демократией, которая довольно скептически восприняла отчетный доклад Хрущёва XX съезду КПСС и прозвучавшие в нем положения о многообразии путей, возможностях мирного перехода к социализму и т.д. ⁴² В «Правде» в те недели была опубликована программная статья Пономарёва с предложением возродить традиции сотрудничества коммунистов и социал-демократов в рамках народных фронтов ⁴³. Хотя она и не нашла большого отклика в мире, в ЦК КПСС продолжали считать актуальными задачи активизации связей с европейской социал-демократией. 28 апреля — 14 мая СССР посетила делегация Французской социалистической партии. Во время поездок в Великобританию в марте-апреле 1956 г. сначала зампреда Совмина СССР Маленкова, а затем Хрущёва и председателя Совета Министров СССР Булганина имели место контакты с лейбористами, которые, хотя и не обошлись без скандала (к большому неудовольствию советских лидеров, им был передан список социал-демократов стран советского блока, до сих пор находившихся в заключении), но все же не перечеркнули установок Кремля на сближение с социал-демократией.

Говоря о мотивах роспуска Коминформа, надо иметь в виду, что считалась актуальной и задача улучшения имиджа СССР в Азии и на арабском Востоке: активизация советской политики на этом направлении была связана, как уже отмечалось, со стремлением использовать формирующееся движение неприсоединения в качестве союзника. Роспуск Коминформа должен был стать сигналом антиколониальным движениям о том, что Москва будет выстраивать отношения с ними не на основе проведения своей линии через маргинальную силу — компартии, строго подчиненные единому центру (именно от этого предостерегал Хрущёва Неру).

Учитывая особую роль Коминформа в антиюгославской кампании рубежа 1940—1950-х гг. и негативное отношение к нему югославских коммунистов, можно предположить, что главным мотивом его форсированного роспуска стало все же стремление КПСС сделать жест доброй воли в адрес СКЮ в условиях, когда в Москве считалась приоритетной задача налаживания тесных межпартийных связей ⁴⁴. Некоторое дистанцирование СКЮ от коммунистического движения

вызывало в Кремле озабоченность. Для достижения более значительного прорыва требовались, очевидно, решительные шаги. В преддверии намеченной на июнь новой встречи с И. Броз Тито руководство КПСС попыталось устранить едва ли не самое существенное препятствие, стоявшее на пути дальнейшего выстраивания советско-югославского диалога, дав югославам понять, что и само считает непригодным использование в новых условиях этого основанного во времена Сталина инструмента внешней политики. При этом, безусловно, принимались во внимание влияние Югославии в мире, ее международный авторитет, завоеванный смелым сопротивлением сталинскому диктату. Особая позиция СКЮ в мировом коммунистическом движении, учитывая популярность идеализированной югославской модели как среди коммунистов-реформаторов Восточной Европы, так и в «третьем мире», оставалась потенциальным источником схизмы, ради искоренения которой можно было пожертвовать неэффективной структурой, которая в любом случае нуждалась в коренной реорганизации.

В Белграде в целом позитивно отреагировали на риторику XX съезда не только в части разоблачения Сталина, но и там, где дело касалось декларирования многообразия путей продвижения к социализму и сотрудничества с социал-демократией, а также провозглашения принципа мирного сосуществования⁴⁵. Правда, дипломатические донесения фиксируют и скептические высказывания югославских дипломатов о том, что «решения XX съезда КПСС только по форме отличаются от прошлых решений, а содержание их остается старым, поскольку во главе КПСС остаются те же руководители, и что культ личности в Советском Союзе не изжит»⁴⁶. Отмечалось также, что теоретические положения съезда (о многообразии путей перехода к социализму, мирном сосуществовании, сотрудничестве с широким спектром сил, выступающих за социализм, и т.д.) не несут новизны в сравнении с тем, что давно уже вошло в идеологический арсенал СКЮ⁴⁷. Как бы то ни было, в Белграде с удовлетворением приняли к сведению причисление Югославии в отчетном докладе к социалистическим государствам и заверения в готовности к поддержанию с ней дружеских отношений. Главный идеолог СКЮ Э. Кардель 3 марта на новисадской партконференции (еще до своего ознакомления с содержанием закрытого доклада Хрущёва о культе личности) говорил о том, что решения XX съезда создают более благоприятные условия для равноправного сотрудничества всех сил, приверженных борьбе за социализм, преодоления догматического балласта, накопившегося в теории марксизма-ленинизма, а потому этот съезд полностью подтвердил правильность избранного ФНРЮ курса на нормализацию отношений с СССР. Но от Москвы при этом явно ждали следующего шага — упразднения централизующего механизма, навязывающего всем компартиям общую волю⁴⁸. Роспуск Коминформа, считали в Белграде, явился бы пробным камнем подлинной готовности КПСС встать на путь коренного обновления.

Все вышеназванные мотивы роспуска Информбюро не должны, однако, заслонять существенного обстоятельства: к середине 1950-х гг. эта структура, созданная в иных условиях, для решения уже утративших актуальность задач, все менее удовлетворяла руководство КПСС.

13 апреля 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О прекращении деятельности Информбюро»⁴⁹. Этому предшествовала поездка Микояна в Китай, где в ходе бесед с Мао Цзэдуном и другими лидерами КНР он мог выслушать их мнение в связи с прозвучавшей на XX съезде КПСС в закрытом докладе Хрущёва жесткой критикой Сталина. При отсутствии в распоряжении исследователей записей бесед можно только предполагать, что в них был затронут и вопрос о роспуске Коминформа, а также новых формах сотрудничества, которые должны прийти ему на смену.

Сообщение о прекращении деятельности Информбюро было опубликовано в газете «За прочный мир, за народную демократию!» 17 апреля, а на следующий день и «Правда» напечатала этот текст вместе с редакционной статьей «Важное решение». В этих программных публикациях отмечалось, что создание в 1947 г. Информбюро «сыграло положительную роль в устранении разобщенности между компартиями, образовавшейся после роспуска Коминтерна». Вместе с тем, положительные изменения в международной обстановке в последующие годы (превращение социализма в мировую систему, образование обширной «зоны мира», рост и укрепление компартий и т.д.) создали новые условия для деятельности компартий. «Информбюро как по своему составу, так и по содержанию своей деятельности, уже не отвечает» задачам «укрепления единства рабочего класса в интересах успешной борьбы за мир, за социализм». Обменявшись мнениями по вопросам деятельности Информбюро, партии, в него входившие, признали, что оно исчерпало свои функции, и необходимо привести формы взаимоотношений компартий в соответствие с изменившейся исторической обстановкой.

Вопрос об оптимальных формах сотрудничества обсуждался на совещании руководителей компартий социалистических стран, которое состоялось в Москве 22—23 июня 1956 года⁵⁰. По мнению делегации КПСС, упор должен быть сделан на периодически созываемых совещаниях для обсуждения вопросов, представляющих общий интерес. И хотя обязательных для выполнения решений они принимать не будут, но могут выносить согласованные всеми участниками рекомендации. Такая форма сотрудничества получила поддержку лидеров разных компартий, включая Тито, ознакомленного в июне, в дни своего пребывания в СССР, с новой инициативой КПСС.

Визит югославского лидера в Советский Союз, длившийся более 20 дней (с 1 по 23 июня), был организован с большой помпой⁵¹. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на московском стадионе «Динамо» 9 июня призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. В угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Буквально в день приезда Президента ФНРЮ произошла «смена караула» на Смоленской площади — ортодокса и консерватора Молотова, упорно продолжавшего сохранять особую позицию в югославском вопросе, сменил на посту министра иностранных дел СССР более молодой, либеральный (по кремлевским меркам) и мобильный Д.Т. Шепилов, имевший репутацию главного интеллектуала партии. Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров так и не была решена — результатами визита Тито в Кремле не были

довольны. Осознавая выгоду более тесного экономического сотрудничества с СССР, Югославия в то же время не хотела поступаться своим суверенитетом и продолжала дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению в ОВД и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация⁵² носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней не получил развитие тезис о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, как и о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. В то же время отмечалось, что обе стороны «чужды всякой тенденции навязывания своего мнения в определении путей и форм социалистического развития». Протоколы заседаний Президиума ЦК отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. Так, уже при утверждении проекта Декларации на Президиуме было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»⁵³. Позже, в июле, та же позиция нашла отражение в письме ЦК КПСС, адресованном компартиям социалистических стран. Таким образом, связанные с роспуском Коминформа ожидания большого прорыва в советско-югославских отношениях и пристегивания Югославии к советскому блоку не оправдались. Это однако не означало, что в руководстве КПСС отказались от давно назревшего замысла реформировать недостаточно эффективный, отживший свой век механизм осуществления советского влияния на мировое коммунистическое движение. Югославский фактор мог ускорить и действительно ускорил роспуск Коминформа, но задача обновления форм взаимодействия компартий существовала, конечно же, независимо от этого фактора.

В дальнейшем важнейшей формой координации коммунистического движения стали совещания компартий. Проведение первого совещания в ноябре 1957 г. было приурочено к 40-летию юбилею Октябрьской революции в России⁵⁴. В нем приняли участие представители 68 партий. Опыт Коминформа, как и Коминтерна, живо обсуждался, при этом в выступлениях некоторых ораторов звучали весьма критические высказывания. Большое внимание было уделено ему, в частности, в выступлении Тольятти. В сравнении с Коминтерном, говорил он, «опыт Информбюро был менее удачен и не только в силу разрыва в 1948 г. с югославскими товарищами, но и потому, что Информбюро, прежде всего, не выполняло как раз задач информации» — из публиковавшихся в издании Коминформа пропагандистских статей коммунисты тех или иных стран мало, что могли узнать о происходящем в других партиях. «Когда мы встречались с товарищами из компартий других стран и спрашивали, как у них идут дела, как, например, развивается социалистическое строительство, они отвечали, что все идет хорошо. Затем неожиданно мы узнавали о судебных процессах над тем или иным партийным руководителем, а это означало, что не все шло так уж хорошо. Теперь же нам стало известно, что в некоторых странах имели место серьезные трудности и промахи». По мнению Тольятти, «в данный момент для того, чтобы наше движение развивалось как крупное массовое движение, требуется высокая степень самостоятельности отдельных партий в определении своих лозунгов и форм сотрудничества с другими политическими силами с учетом конкретных условий каждой страны». «Нетрудно со-

здать впечатление единства общих установок, но нам нужно не такое единство»; для успеха нашей борьбы в каждой конкретной стране «требуется постоянная творческая деятельность, не исключая применения смелых, продуманных политических действий, которые будут тем более эффективными, чем больше они будут учитывать реальную обстановку».

Как резюмировал Тольятти, «не нужно спешить с созданием новых международных органов. Необходимо уметь сочетать самостоятельное развитие каждой партии с максимумом солидарности и единства нашего движения». В то же время итальянский коммунистический лидер призвал к тому, чтобы «все партии содействовали друг другу партиям в ознакомлении со своими проблемами, чтобы все обменивались необходимыми информационными материалами, устанавливали возможно чаще непосредственные контакты, проводили дискуссии и обмен делегациями, не исключая встреч между несколькими партиями для обсуждения общих проблем»⁵⁵. Со стороны делегации ПОРП на совещании также звучали высказывания о том, что любые попытки централизации могут нанести ущерб коммунистическому движению, при этом содержались ссылки на опыт Коминтерна и Коминформа.

В ноябре 1957 г. была в целом успешно апробирована новая форма сотрудничества и взаимодействия компартий, призванная заменить упраздненный Коминформ. Прошедшие под знаком единства московские совещания компартий (широкое и узкое, то есть совещание компартий ряда социалистических стран⁵⁶) свидетельствовали о том, что к 40-летию юбилею Октябрьской революции в России мировое коммунистическое движение преодолело временные трудности, связанные с необходимостью разоблачения Сталина и публичного отмежевания от его методов. Выход мирового коммунизма из кризиса в немалой мере был связан со значительным ростом военно-политической мощи СССР, что проявилось в запуске в октябре 1957 г. спутника и испытании в августе того же года межконтинентальных ракет. По версии журнала «Тайм», именно Хрущёв был признан в 1957 г. «человеком года», символически перенеся эстафету у олицетворявшего глубокий кризис мирового коммунизма «венгерского повстанца» (собираемый образ человека 1956 г. по версии того же журнала).

В Москве ценой взаимных уступок удалось достичь временного компромисса между КПСС и китайской компартией, хотя различие позиций, проявившееся на совещании по самым принципиальным вопросам, предвещало последующее, довольно скорое расхождение компартий двух великих коммунистических держав. Явной неудачей закончилась только новая, очередная попытка хрущевского руководства теснее привязать к СССР режим Тито в Югославии.

Через несколько месяцев, с принятием весной 1958 г. новой программы СКЮ, была развязана антиюгославская кампания. Она, конечно, не достигла остроты конца 1940-х — начала 1950-х гг., но во время следующего большого совещания компартий, проведенного в ноябре 1960 г., стала общей платформой, способной на считанные месяцы отсрочить открытый конфликт КПСС и КПК. Только в 1960-е гг., в условиях глубокого раскола между СССР и КНР, в Москве в определенной мере смирились (зная о непримиримом в то время отноше-

нии Пекина к югославским «ревизионистам» и о поддержке Белградом КПСС по основным пунктам советско-китайских разногласий) с особым статусом Югославии среди соцстран и сделали менее навязчивыми все заведомо бесплодные попытки вовлечь нейтральное социалистическое государство, заинтересованное, прежде всего, в экономическом сотрудничестве с СССР, в советскую сферу влияния. Что же касается проблемы созыва последующих совещаний компартий, то она в 1960-е гг. стала предметом острой борьбы между КПСС и КПК, стремившихся в целях реализации собственных геополитических и идеологических амбиций заручиться поддержкой тех или иных отрядов мирового коммунистического движения.

Примечания

1. Об обстоятельствах возникновения Коминформбюро см.: ГИБИАНСКИЙ Л.Я. Как возник Коминформ. По новейшим архивным материалам. — Новая и новейшая история. 1993, № 4, с. 131—152.
2. Фундаментальную публикацию материалов трех совещаний Коминформа с большим научным аппаратом и статьями Л.Я. Гибианского, Г.М. Адибекова см.: Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М. 1998; АДИБЕКОВ Г.М. Коминформ и послевоенная Европа. М. 1994.
3. АДИБЕКОВ Г.М. Почему Тольятти не стал генеральным секретарем Коминформа. — Вопросы истории. 1996, № 4, с. 152—156.
4. Митин предлагал ежеквартально проводить совещания Секретариата Информбюро и начать издание, наряду с газетой, теоретического журнала компартий. Его записку в ЦК КПСС от 4 января 1954 г. см.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 575. Информбюро коммунистических и рабочих партий, оп. 1, д. 283, л. 15—16.
5. В качестве примера можно назвать регулярные поездки в Будапешт курировавшего вопросы Венгрии инспектора Информбюро С.Г. Заволжского, с которым лидер Венгерской партии трудящихся М. Ракоши и его ближайший соратник М. Фаркаш делились ближайшими внутривластными планами, докладывали о подготовке «дела Райка» и т.д. См.: Восточная Европа в документах российских архивов, 1944—1953. Т. 2. 1949—1953. М.-Новосибирск. 1998.
6. Президиум ЦК КПСС. 1954—1958. Т.2. Постановления ЦК КПСС. 1954-1958. М. 2006, с. 25.
7. Опыт Попова должны были учитывать все послы, работавшие в восточноевропейских странах, и, в том числе, Ю.В. Андропов, посол в Венгрии в 1954—1957 годах. Он поддерживал внешне совсем иной стиль в отношениях с венгерскими лидерами, не только категорически не допускал окриков, но соблюдал все правила дипломатического этикета, облакая даже самые жесткие рекомендации Москвы в форму «советов» и там, где можно, проводя линию СССР чужими руками — через наиболее доверенных, преданных Кремлю представителей венгерской партноменклатуры.
8. Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) на ее VI съезде в ноябре 1952 г. была переименована в Союз коммунистов Югославии (СКЮ).
9. Фальсифицированный судебный процесс, организованный по инициативе венгерского коммунистического лидера Ракоши при участии советских спецслужб, состоялся в сентябре 1949 г. в Будапеште. На скамье подсудимых оказались видные деятели венгерской компартии во главе с Ласло Райком. Основываясь на материалах этого дела, в ноябре 1949 г. третьи Совещание Коминформа приняло резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов».
10. РГАСПИ, ф. 83 (Маленков Г.М.), оп. 1, д. 34, л. 102.
11. Подробно см.: ЕДЕМСКИЙ А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953—1956 годах. М. 2008.

12. РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 34, л. 102.
13. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964, т. 2. с. 88—90.
14. В прессе было опубликовано сообщение о том, что коммунистические и рабочие партии, входящие в Информбюро, вновь рассмотрели вопрос о резолюции 1949 г. по югославскому вопросу. Как отмечалось, «в результате проведенной дополнительной проверки всех обстоятельств, послуживших основанием для принятия этой резолюции, было установлено, что обвинения по адресу руководства югославской компартии, содержащиеся в данной резолюции, оказались необоснованными». Вследствие этого резолюция была отменена. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964, т. 2, с. 90.
15. Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946—1980 гг. Т. 1. 1946—1964. М. 2014.
16. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964, т. 2, с. 179—183 (Записка М.А. Сулова, Б.Н. Пономарёва и А.А. Громыко «О некоторых итогах нормализации отношений с Югославией», подготовленная для информирования глав делегаций стран народной демократии, присутствовавших на совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшемся в Москве 6—11 января 1956 г.) В Кремле прекрасно знали о том, что в беседе с госсекретарем США Дж.Ф. Даллесом, состоявшейся на о. Бриони 6 ноября 1955 г., Броз Тито в очередной раз подтвердил свою приверженность принципам внеблоковой политики и согласился со своим собеседником в том, что необходимо возвратить полный суверенитет странам, входящим в советский блок. Там же, с. 184—185
17. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 3. Политбюро ЦК КПСС (1952—1990 гг.), оп. 8, д. 254, л. 17—19.
18. См., например, докладную корреспондента «Правды» В. Платковского (лето 1955 г.). РГАНИ, ф. 5. Аппарат ЦК КПСС (1949—1991 гг.), оп. 30, д. 121, л. 77. Сообщения о критике Коминформа югославскими дипломатами были общим местом в посольских донесениях в МИД СССР из разных стран. См., например: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 077. Референтура по Венгрии, оп. 37, папка 187, д. 7, л. 178—179.
19. Высказывавшиеся летом 1955 г. в ряде компартий идеи провести новое совещание Информбюро в связи с изменением курса в отношении Югославии не получили продолжения.
20. Отчет Микояна о его пребывании в Югославии см.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946—1980 гг., т. 1, с. 630—644.
21. Как отмечалось в информационном письме в адрес ЦК компартий стран «народной демократии» об итогах азиатского турне советских лидеров, «наши товарищи в соответствующей форме отвели доводы Неру, [заявив], что КПСС не скрывает своего сочувствия коммунистам других стран, [имеющего] идеологическую основу». Хрущёву и Булганину пришлось объяснять президенту Индии, что компартии имеют не меньшее право создавать свои организации, чем, например, социалистические партии, организовавшие «так называемый “Социалистический Интернационал”, или капиталисты, создающие свои международные организации» (РГАНИ, ф. 3, оп. 10, д. 211, л. 17, 87—94). Беседа с Неру нашла отражение и в краткой записи заседания Президиума ЦК КПСС от 22 декабря 1955 г., на котором обсуждался доклад Хрущёва и Булганина о поездке в Индию, Бирму и Афганистан. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М. 2003, с. 74.
22. Правда. 15.XII.1955.
23. Речь идет о Женевском совещании глав правительств СССР, США, Великобритании и Франции 18—23 июля 1955 г., ставшем шагом к разрядке международной напряженности.
24. Правда. 30.XII.1955.
25. Коммунист. 1956, № 2, с. 3—14.
26. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964, т. 2, с. 178—187.
27. Там же, т. 1, с. 78.
28. Там же, т. 2, с. 184.
29. Там же, т. 1, с. 88—93.

30. Правда. 15.II.1956.
31. Приглашен был и Союз коммунистов Югославии, который, однако, не проявил готовности послать свою делегацию. В Белграде мотивировали свой отказ несколькими соображениями: чтобы не создавать в мире впечатления, будто ФНРЮ сближается с советским блоком и готова присоединиться к Варшавскому договору; чтобы не дать западным державам повода отказать Югославии в экономической помощи, и из-за того, что некоторые восточноевропейские компартии не готовы порвать вслед за КПСС с пагубной линией на изоляцию СКЮ от мирового коммунистического движения и не спешат устанавливать контакты с СКЮ. Посол ФНРЮ Д. Видич присутствовал на съезде в качестве наблюдателя. Было направлено также приветственное письмо от ЦК СКЮ, зачитанное под аплодисменты собравшихся.
32. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964, т. 1, с. 106—107.
33. Там же, т. 2, с. 200—202.
34. Так, шведская и некоторые другие компартии выдвинули инициативу пересмотреть как устаревший тезис о неизбежном обнищании пролетариата по мере дальнейшего развития капитализма.
35. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964, т. 2, с. 205—206.
36. Такой же тактики последовательно придерживались и представители других компартий кроме СКЮ. Так, политбюро Французской компартии еще в письме от 7 октября 1955 г., адресованном в ЦК КПСС, сделало акцент на том, что причины, обусловившие создание в 1947 г. Информационного бюро, продолжают сохранять свою актуальность. Там же, с. 200.
37. В конце декабря 1956 г., уже после венгерских событий, Тольятти на VIII съезде ИКП уделил довольно большое внимание проблеме Коминформа и его возможных преемников, четко обозначив свою позицию. Он подчеркнул, что ИКП «против возврата к любой форме централизованной организации», хотя и считает полезными встречи представителей компартий — «не с целью разработки обязательных для всех решений, а с целью прояснения позиций, сопоставления разных путей». По его мнению, к участию в таких встречах следовало приглашать и социал-демократов, склонных к союзу с коммунистами, например, лидера итальянских социалистов П. Ненни. См.: Материалы VIII съезда ИКП (Рим, 8—14 декабря 1956 г.). М. 1957, с. 67—69.
38. В соответствии с принятым Президиумом ЦК КПСС 23 февраля постановлением «О проведении совещания представителей компартий, прибывших в Москву в связи с XX съездом КПСС», Хрущёву, Микояну и Сулову поручалось «провести встречу сначала в узком составе с руководителями французской и итальянской компартий по вопросам, связанным с работой Информбюро коммунистических и рабочих партий и организацией в дальнейшем контактов между партиями в их деятельности», и доложить членам Президиума ЦК. С французской и итальянской сторон на встрече предполагалось пригласить М. Тореза, Ж. Дюкло, П. Тольятти, М. Скочичмарро. После этого намечалось совещание «в более широком составе для обсуждения вопросов о контактах в деятельности коммунистических и рабочих партий». Этому совещанию должны были также предшествовать беседы с представителями отдельных партий, не только входящих в Коминформ (ПОРП, КПЧ), но и не входящих (КПК, СЕПГ). См.: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964, т. 2, с. 199—200.
39. РГАНИ, ф. 3, оп. 14, д. 14, л. 76—79.
40. Там же, оп. 12, д. 21, л. 181; оп. 14, д. 14, л. 76—79.
41. Президиум ЦК КПСС. 1954—1964, т. 1, с. 116—117.
42. Участники сессии Социнтерна в Цюрихе 2—4 марта еще не имели представлений о закрытом докладе Хрущёва о культе личности, прозвучавшем в последний день работы съезда — 25 февраля. Но на основании ряда съездовских выступлений (например, Микояна) ими был сделан вывод о том, что критика методов Сталина не изменила характера советского режима — он остается диктатурой, и социалистам, не разделяющим коммунистической доктрины, по-прежнему отказано в праве на политическую деятельность; декларированное же «коллективное руководство», призванное сменить сталинское единовластие, по сути, есть коллектив-

ное руководство диктатурой. Минимальным предварительным условием для идеологического примирения с коммунистами, по мнению Социнтерна, должно было стать восстановление подлинно свободных демократических рабочих движений во всех странах, где они существовали раньше, но были подавлены коммунистическими диктатурами. Некоторые оговорки в социал-демократических кругах обычно делались применительно к СКЮ, снискавшему уважение смелым противостоянием сталинскому диктату. Подробнее см.: ЧУКАНОВ М.Ю. Отклики Социалистического Интернационала на XX съезд КПСС. — Отечественная история. 2006, № 1, с. 107—117.

43. См.: ПОНОМАРЁВ Б.Н. Насущная задача рабочего движения. — Правда. 31.III.1956.
44. О продолжении политики, направленной на постепенное вовлечение ФНРЮ в советскую сферу влияния, свидетельствовало и включение в отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду формулы о многообразии путей перехода к социализму. Сама постановка этого вопроса в 1956 г. для КПСС была актуальна прежде всего в силу необходимости отразить в документах своеобразие отношений СССР как с великой дальневосточной державой — Китаем, так и с относительно небольшой, но значимой в области внешней политики титовской Югославией, чью специфику трудно было подогнать под общий ранжир (хотя принималась во внимание и активизация антиколониальных движений в странах «третьего мира», часть которых также брала на вооружение социалистические лозунги). Показательно, что в отчетном докладе о Югославии говорилось, прежде всего, в разделе, где обосновывался тезис о многообразии форм перехода к социализму.
45. ЕДЕМСКИЙ А.Б. Ук. соч., с. 544—552.
46. Из беседы советского дипломата с югославским военным атташе в Венгрии 9 мая 1956 года. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 077, оп. 37, папка 191, д. 39, л. 76.
47. Известно также, что в мае 1958 г. Хрущёв на пленуме ЦК КПСС, ссылаясь на свои беседы с югославами, говорил об их некоторой обиде на то, что в выступлениях на съезде уделялось недостаточно внимания югославскому опыту строительства социализма и констатации немалой роли Югославии в мире. РГАНИ, ф. 2. Пленумы ЦК КПСС (1952—1991 гг.), оп. 1, д. 318, л. 32.
48. См. в этой связи запись беседы главного идеолога СКЮ Э. Карделя с послом СССР Н.П. Фирюбиным, датированную 23 марта 1956 года. Там же, ф. 5, оп. 28, д. 403, л. 85.
49. Там же, ф. 3, оп. 14, д. 14, л. 3. Обсуждалась также записка с предложениями о новых формах межпартийных контактов и об издании нового печатного органа.
50. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954—1964, т. 2, с. 338—347.
51. О поездке Тито в СССР 1—23 июня 1956 г. и ее политических итогах см.: ЕДЕМСКИЙ А.Б. Ук. соч., с. 553—577.
52. Правда. 21.VI.1956.
53. РГАНИ, ф. 3, оп. 12, д. 65, л. 5.
54. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). Серия: Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий. М. 2013.
55. ТОЛЪЯТТИ П. Избранные статьи и речи. Т. II. М. 1965, с. 113—115.
56. Делегация СКЮ во главе с Карделем, к негодованию Хрущёва нарушив единство, отказалась принять участие в этом узком совещании и подписать его итоговую декларацию, приняв участие лишь в широком совещании и подписав Манифест мира.

Иван Михайлович Лабинцов

Ю.П. Соловьёв

Аннотация. Биография русского генерала от инфантерии Ивана Михайловича Лабинцова (1802—1883), героя кавказских войн, содержит описание ряда военных операций, в которых Лабинцов участвовал (взятие турецкой крепости Карс в 1828 г., Даргинская экспедиция 1845 г. и т.п.), деталей тактики и военного быта Русской Армии на Кавказе в 1828—1845 годах.

Ключевые слова: Императорская Русская армия, Кавказские войны России в XIX в., генерал Иван Михайлович Лабинцов.

Abstract. Biography of a Russian General of infantry Ivan Mikhailovich Labintsov (1802—1883), the hero of Caucasian wars describes the series of military operations in which Labintsov participated (the capture of the Turkish fortress Kars in 1828, Darginskaya expedition of 1845, etc.), parts of tactics and military life of the Russian Army in the Caucasus in 1828—1845.

Key words: Imperial Russian army, Caucasian war of Russia in the XIX century, general Ivan Mikhailovich Labintsov.

19 июня 1828 г. войска русского Отдельного Кавказского корпуса, которыми командовал генерал от инфантерии И.Ф. Паскевич, граф Эриванский, подошли к расположенной в Закавказье турецкой крепости Карс. Шла война с Турцией, одной из целей которой было добиться независимости для поработенной турками Греции. Основные боевые действия велись Императорской Русской армией по Дунаю и на Балканах, а войска Паскевича должны были отвлечь часть турецких сил с этого театра военных действий.

К вечеру 19 июня, после двух «усиленных обозрений», Паскевич исходной точкой, более всего подходящей для атаки предместий Карса, избрал расположенную напротив форштадта Урта-капы (или южного) высоту на левом берегу Карс-чая. 20 июня эта высота была отбита русскими. В ночь с 20 на 21 июня там выстроили батарею и

Соловьёв Юрий Павлович — кандидат филологических наук, сотрудник Брянского филиала Московского психолого-социального университета. E-mail: yur.solovjev@yandex.ru.

Solovjev Yuri P. — candidate of philological sciences. Bryansk branch of the Moscow Psychological and Social University. E-mail: yur.solovjev@yandex.ru.

начали обстрел Карса. К вечеру под Карс прибыл русский артиллерийский парк. Тогда же Паскевич приказал генерал-майору Н.В. Королькову с 39-м и 42-м егерскими и Крымским пехотным полками строить батареи № 2 и № 3 на левом берегу Карс-чая и одновременно прикрывать эти работы ¹.

Унтер-офицер 39-го егерского полка Е.Е. Лачинов, разжалованный декабрист, писал: «Наконец, с 22-го на 23-е июня и нам приказано взяться за дело; к рассвету на возвышениях левого берега сделаны две батареи, против западной стороны укреплений, а на правом — главная, образующая первую параллель. Дабы скрыть от осаждаемых настоящие намерения наши, с вечера еще, часть кавалерии, с 4-мя конными орудиями, пошла к укреплению Карадаг, а батальон пехоты, при двух легких орудиях, растянувшись как можно длиннее, заходил в тыл цитадели. Гарнизон, считая движения эти за приготовления к действительному приступу, почти все силы свои обратил к угрожаемым местам, производя сильный пушечный и ружейный огонь на стук барабанов, звук труб и громогласное ура, мало препятствуя в тишине производимым траншейным работам.

С восхождением солнца, действие 20-ти батарейных орудий, 6-ти легких и 4-х мортир изумили турок; цитадель, крепость и башни форштата начали отстреливаться, дым, не успевая разноситься, покрыл окрестности; непрерывные взрывы гранат и бомб, свист ядер, показывали, что с обеих сторон не шутя намерены драться и что нелегко будет овладеть Карсом. Брустверы наших батарей загорались от вспышек пороха при своих выстрелах и разваливались от неприятельских, очень метко пускаемых. С нашей стороны понесли уже несколько человек раненых; положение турок было еще хуже» ².

Рассказ Лачинова дополняют записанные в 1831 г. воспоминания генерал-майора Н.Н. Муравьева (будущего Карского), опытного военного, побывавшего не в одном бою на Западе и на Востоке. Вот что говорил об артиллерийской перестрелке 23 июня между Карсом и осадившими его русскими Муравьев: «Обоюдный огонь... продолжался более четырех часов сряду. Вряд ли мне случалось во всю свою службу быть когда-либо в сильнейшем огне, как в сей день, и мы бы не выдержали одного еще более двух часов: ибо брустверы и амбразуры во многих местах были почти совершенно разрушены неприятельскими ядрами, которые начинали уже подбивать нашу артиллерию и бить людей, но неожиданным образом обстоятельства переменились» ³.

Всю ночь работы по строительству укреплений в центре русских позиций прикрывала 4-я (по другим данным 7-я) егерская рота 39-го егерского полка (в егерском полку были еще карабинерные роты) под командованием 26-летнего поручика Ивана Михайловича Лабинцова (Лабинцева, Лабынцева).

Дворянин Тульской губернии Лабинцов родился 15 января 1802 года. Образование получил в Дворянском полку ⁴, откуда 15 апреля 1819 г. был выпущен офицером в 39-й егерский полк. В 1827 г. за участие в Русско-персидской войне был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». К 1828 г. он уже полковой казначей ⁵. Лабинцова очевидно не случайно выбрали казначеем: «До крайности расчетливый, даже просто скупой, иногда до мелочности,

до смешного, он был, однако, чужд корыстолюбия и также строго берег казенные деньги, как и свои собственные» ⁶.

Итак, 23 июня 1828 г., на четвертый час артиллерийской перестрелки, около половины одиннадцатого утра, поручик Лабинцов заметил движение среди турецких солдат, защищавших укрепленную высоту над Армянским форштадтом Карса. Опасаясь, что неприятель займет удобную позицию на местном кладбище, Лабинцов со своими егерями, как рассказывает очевидец и участник событий Лачинов, «решился без приказа двинуться вперед и занять кладбище. Пули и картечь посыпались на приближающихся, но Лабинцов, видя возможность овладеть высотой и батареею, на оной устроенной,ждавши на своем месте егерей 42-го полка, бросился на шанцы неприятельские» ⁷.

Историю появления на том же направлении атаки егерей 42-го полка поведал генерал-майор Муравьев. В то время, когда рота 39-го егерского полка под командой Лабинцова пошла на турок, на другом участке русских позиций — «на батареях, устроенных на левом берегу реки, несколько отдаленных от крепости» — распоряжались генерал-лейтенант князь И.М. Вадбольский и полковник (позже генерал-майор) И.Г. Бурцов, недавно назначенный Паскевичем «траншейным начальником». «Желая что-либо предпринять», названные начальники послали занять то же самое кладбище две роты 42-го егерского полка во главе с подполковником А.М. Миклашевским ⁸.

Соединившись, егеря Миклашевского и Лабинцова ударили по турецким укреплениям-шанцам. Лачинов, который сам был в рядах роты Лабинцова, писал: «Пустивши батальный огонь, турки не успели более зарядить ружья и таким же образом, разрядивши пистолеты свои, принялись за сабли, кинжалы, а некоторые вздумали отбиваться камнями, — без выстрела подошли наши к шанцам и закипела рукопашная схватка. Ужасны были минуты эти; две роты 42 егерского полка, поспешавшие с кладбища на подкрепление Лабинцову, видят, что новые толпы бешенных несутся на них и продолжают путь. С яростным криком напали турки — и резня распространилась: храбрость должна была уступить множеству. Сомкнувши роту свою, Лабинцов, всегда впереди, бросается в сечу и принятый с двух сторон штыками, неприятель смешался и побежал. Егеря заняли батарею, где взяли 4 знамя (по другим данным знамен было 5. — Ю.С.), 2 орудия, палатки и множество разного оружия...» ⁹

Турецкую батарею (или укрепленный лагерь) брали 4-я рота Лабинцова из 39-го егерского и 2-я рота капитана М.А. Черноглазова из 42-го егерского полка. При этом Лабинцов был сильно контужен, а Черноглазов получил три пулевых ранения в левый бок, в шею и грудь ¹⁰. Дело, как видим, складывалось непросто. В ответ на атаку Миклашевского и Лабинцова до 2 тыс. турецких пехотинцев из Армянского предместья пошли на вылазку «с холодным оружием в руках и с ужасным криком». Генерал-майор Муравьев осыпал этих турок со своей батареи гранатами и картечью — но неприятель упорно шел вперед, опрокинул левый фланг егерей 42-го и заставил их вернуться к кладбищу. Правый фланг наших застрельщиков, на котором находился Миклашевский, был окружен на месте захваченного только что турецкого лагеря — и стойко оборонялся. Миклашевский

рассказывал генерал-майору Муравьеву: «Наших было тут... не более 30 человек» ¹¹.

А вот что писал сам генерал-майор Муравьев, на глазах которого произошло действие этой драмы: «В то же время Вадбольский отрядил 42-й егерский полк, который встретил сперва бегущих и остановил неприятеля. 42-е егеря, подходя колонною быстрым шагом, несколько растянулись и открыли огонь из колонны, стреляя вверх без всякого вреда неприятелю, как то обыкновенно делают наши войска, когда теряется в строю присутствие духа...» «Когда они уже стали подходить к тому месту, над коим Миклашевский держался, — продолжает Муравьев, — то турки, преследовавшие бежавших, были уже на берегу скалы, к коей прижали наших. С неимоверною храбростию егеря, повернув налево, полезли на скалы, на которые очень трудно было взбираться, кроме того, что их встречал над головами разъяренный и победоносный неприятель. Но ничего их не остановило; они вступили на верхнем краю скалы в рукопашный бой с турками. Все сие дело было очень хорошо видно с моей батареей... Люди смешались толпами, как на картинах рисуют; наши кололи штыками, турки саблями рубились; сие продолжалось несколько минут; наши одолели, турки бежали опять через свою батарею в предместье, и Миклашевский был выручен» ¹².

Более того, на плечах противника русские ворвались на улицы Армянского предместья Карса. На захваченной Лабинцовым, Черноглазовым и Миклашевским высоте установили батарею из шести орудий, открывшую огонь по Карсу. При этом штурм турецкой крепости продолжался как бы сам собой. Все происходило стремительно и неожиданно для русских не менее, чем для турок. Лачинов вспоминал: «Все... сделалось так быстро и с таким неизъяснимым единодушием, что отчаянно защищающиеся турки, совершенно потерялись и не понимали, что вокруг их происходит, а непрерывная пушечная пальба со всех сторон еще сильнее распространяла между ними ужас. Несколько раз опускались знамена на башнях, в знак того, что крепость покоряется, — отбой прекращал ружейный огонь, умолкали и орудия. Вдруг раздавался выстрел с крыши, или из окна, мало-помалу, снова загоралась стрельба, и снова свистели пули, лопались гранаты, и сыпалась картечь. Более десяти раз повторялось это; но вот, в нескольких местах, показались наши на стенах, на бастионах — и стих звук оружия и прекратилось кровопролитие — турки, видя невозможность устоять, решились сдаться. Испуганный паша с важнейшими чиновниками скрылся в цитадель, пославши к графу (Паскевичу-Эриванскому. — Ю.С.) с предложением условий. Вся крепость в наших руках и часть войск стояла у запертых ворот цитадели, и стены оной усеяны были гарнизоном, который с обращенными на нас ружьями, ожидал окончания переговоров. На улицах страшное смятение, вооруженных неприятелей повсюду гораздо более, нежели наших, но они испытали, что ни многолюдство, ни завалы, ни самые стены, не спасают их... Корпусный командир прибыл из лагеря на главную батарею, к нему и от него скакали офицеры с донесениями и приказами, важные турецкие чиновники тихо ездили на гордых жеребцах своих, сохранивших свойственную им бодрость и в те минуты, когда сердца всадников наполнялись унынием и робостью.

Пешие продирались между нами, конница, остановившаяся в разных местах, кидала свирепые взгляды, но взгляды эти никого не пугали. Быстро приготовлены средства — заставить трепетать засевших в цитадели, если бы они осмелились держаться; но они все видели, отворили ворота, и с покорностью предстал бледный паша перед графом Эриванским»¹³.

Начавший утром 23 июня 1828 г. атаку на Карс поручик 39-го егерского полка Иван Михайлович Лабинцов был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени 16 ноября 1828 года¹⁴. Следует сказать, что, бросившись в атаку на Карс, поручик Лабинцов рисковал по нескольким причинам. Во-первых, Паскевич не давал команды на штурм. Более того, когда главнокомандующий увидел уже шедшую за Лабинцовым атаку Миклашевского, то буквально закричал на стоявшего рядом генерал-майора Муравьева: «Что это значит? Кто это приказал? С какого повода сие сделалось без приказа...? Как смели?»¹⁵ Во-вторых, Паскевич, считавший военные действия 1827 г. под Ошаканом, когда русский трехтысячный отряд под началом генерал-лейтенанта А.И. Красовского прорвался с большими потерями сквозь 30-тысячную персидскую армию Аббаса-мирзы на выручку осажденному персами армянскому первопрестольному монастырю Эчмиадзин, за поражение, перенес неприязнь свою к Красовскому на действовавший в отряде этого генерала 39-й егерский полк. Накануне импровизированного штурма Карса на глаза Паскевичу попался офицер, наклонивший голову при пролете неприятельского ядра. Паскевич «послал спросить, какого он полка? и когда ему донесли, что 39-го егерского, он вскричал: «Так я и знал! Этот полк бежал с Красовским!» Поручик 8-го пионерного батальона, бывший декабрист А.С. Гангеблов, наблюдавший эту сцену, возмущался: «И это тогда, как Красовский спас Эчмиадзин, пробившись сквозь неприятеля, который с лишком в десять раз был его сильнее»¹⁶.

Однако, несмотря ни на что, военная карьера Ивана Михайловича Лабинцова складывалась блестяще. К 1831 г. он уже штабс-капитан и адъютант командира 3-й (егерской) бригады 20-й пехотной дивизии генерал-майора А.П. Берхмана¹⁷. Все очередные свои чины Лабинцов получал за отличие. Как писал о нем по воспоминаниям 1845 г. граф К.К. Бенкендорф: «Солдат с ранних годов своей жизни и все время на службе на Кавказе, Лабинцев, без малейшей протекции, все свои чины и награды добыл себе исключительно только своими личными заслугами и подвигами храбрости»¹⁸.

В 1828 и 1829 гг. Лабинцов был премирован годовым жалованием. В марте 1834 г., когда 39-й егерский полк расформировали, Лабинцов, прослуживший в этом полку 15 лет, состоял старшим адъютантом штаба 20-й пехотной дивизии. И вот 14 августа 1834 г. штабс-капитана Лабинцова переводят в Лейб-гвардии Волынский полк тем же чином и с оставлением в прежней должности при 20-й дивизии. Но засидеться при штабе Лабинцов не успел — как раз в 1834 г. начался ряд «усиленных экспедиций» за реку Кубань и на черноморское побережье Кавказа. Здесь на Лабинцова обратил внимание командующий войсками Кавказской линии и начальник Кавказской области генерал-лейтенант А.А. Вельяминов. Как раз Вельяминов — в свое время ближайший сподвижник А.П. Ермолова — рассмотрел в

Лабинцове выдающегося боевого офицера и стал поручать ему командование стрелковыми цепями, арьергардными частями и даже отдельными колоннами.

Одним словом, служба ладилась: в 1835 г. Лабинцов был награжден орденом Св. Анны 2-й степени, в 1835 г. — знаком отличия за 15 лет беспорочной службы, в 1837 г. — Императорской короной к ордену Св. Анны 2-й степени, 15 августа 1838 г. произведен в полковники. После этого последнего производства Лабинцова перевели в Кабардинский егерский полк с откомандированием на учебу в образцовый пехотный полк ¹⁹.

Первую серьезную кампанию в составе Кабардинского полка, которым командовал еще А.Г. Пирятинский (позже генерал), полковник Лабинцов провел осенью 1838 г. вместе с отрядом генерал-майора А.П. Крюкова. Это был поход в Ичкерию с целью принудить к миру верные Шамилю аулы. Жители некоторых из них согласились с условиями мира, раскаялись в набегах и грабежах, отправили к русским заложников-аманатов. Упорствовал в нежелании мириться аул Миятлы, в который начальник экспедиции привел 18 октября 1838 г. три батальона Кабардинского и батальон Куринского полка, несколько казачьих сотен и 12 орудий.

В задачу Лабинцова, под началом которого были батальон егерей Кабардинского полка и сотня казаков, входило обогнуть аул с левой стороны, занять переправу и дорогу на Зубут, то есть место возможного отступления противника. С фронта аул был атакован полковником Пирятинским также с одним батальоном Кабардинского полка при 6 орудиях. После артподготовки Пирятинский повел своих егерей в штыковую атаку. Жители аула, приготовившиеся к перестрелке, не выдержали натиска и побежали по зубутской дороге, где их встретил Лабинцов и вытеснил в лес — на позиции батальона Куринского полка. Горцы понесли большие потери. Среди погибших оказался, например, абрек-разбойник, недавно предательским образом убивший прапорщика Апшеронского полка. В плен попали шестеро мюридов Шамиля. Всех захваченных женщин и нескольких тяжело раненых горских воинов русские отпустили. «Аул был razoren, но сады были пощажены из уважения к вековым трудам, создавшим на камнях столь ценное достояние, которое вместе с жителями, рано или поздно, должно же было остаться в нашей власти», — сообщает история Кабардинского полка. В донесении генерал-майора Крюкова были, между тем, отмечены хладнокровные и благоразумные распоряжения Лабинцова ²⁰.

22 декабря 1838 г. полковник Лабинцов был назначен командиром Кабардинского егерского полка, но принял полк только 15 марта 1839 года ²¹. Тогда же 1-й и 2-й батальоны полка вошли в состав Чеченского отряда генерал-лейтенанта, графа П.Х. Граббе. На май 1839 г. отряду был назначен набег на Ичкерию, а позже последовал поход в аул Ахульго — тогдашнее убежище Шамиля. Участником этих походов стал будущий военный министр, граф и генерал-фельдмаршал, а в 1839 г. — гвардии генерального штаба поручик Д.А. Милютин. Он дважды описывал этот поход: в монографии 1850 г. и в мемуарах, изданных посмертно. Из обоих текстов следует, что Лабинцову в экспедициях 1839 г. доверялись самые ответственные и

опасные участки: либо авангард, либо арьергард, либо фланговое прикрытие, которое вместе с Лабинцовым осуществлял еще один бывший офицер 39-го егерского полка полковник — Пулло, командир Куринского полка²². Во главе передового летучего отряда, состоявшего из двух батальонов Куринского полка, сотни казаков и двух горных орудий Лабинцов как минимум дважды в мае 1839 г. по забытым даже горцами лесным тропам выходил к убежищам Ташав-Хаджи, соратника Шамиля, контролировавшего Чечню. Оба раза Ташав-Хаджи был вынужден бежать, в первом случае в урочище Ахмет-Тала он оставил Лабинцову свое знамя²³. Начальник отряда граф Граббе считал, что с Лабинцовым «все предприятия удаются». Егеря Кабардинского полка в авангарде Чеченского отряда отличились также при Саясани и Буртупае.

Бой при Аргуани, где полковник Лабинцов возглавил правую штурмовую колонну, длился непрерывно 36 час.: с 4 час. вечера 30 мая до рассвета 1 июня. В результате горцы были побеждены. Генерал Граббе в донесении о взятии Аргуани главной причиной успеха назвал необыкновенное мужество батальонов Кабардинского и Куринского полков. Особо был отмечен «храбрейший из храбрейших полковник Лабинцов, для которого нет ничего невозможного». Путь для экспедиции Граббе был теперь свободен «во все стороны», большая часть людей Шамиля рассеялась на несколько дней, сам Шамиль с вернейшими сподвижниками заперся в ауле Ахульго, где, в конце концов, был вынужден отдать в заложники русским одного из своих сыновей. За штурм Аргуани полковник Лабинцов был 25 июня 1839 г. произведен в генерал-майоры²⁴.

29 июня 1839 г. 1-й и 2-й батальоны Кабардинского полка неудачно штурмовали Сурхаевскую башню, которую обороняла сотня мюридов во главе с Али-беком. Там Лабинцов был во второй раз контужен. Взяти башню 4 июля, а 22 августа Кабардинский полк занял Старый Ахульго, за что был награжден Георгиевскими знаменами. Лабинцова же за кампанию 1839 г. пожаловали орденом Св. Владимира 3-й степени и украшенной алмазами золотой шпагой с надписью «За храбрость».

С сентября 1840 г. 3-й и 4-й батальоны Кабардинского полка действовали против горцев наиба Шамиля Ахверды-Магомы. 18 октября эти батальоны во главе с полковым командиром Лабинцовым пришли в крепость Грозную, откуда 2 ноября были посланы для истребления мятежных чеченских аулов по направлению к селению Самашки. На этом пути Ахверды-Магома со своими людьми оказывал упорное сопротивление в каждом удобном для обороны месте. Он ожидал подмогу и до ее прибытия старался задержать колонну Лабинцова. Но Лабинцов, потеряв 18 чел. ранеными, за сутки уничтожил четыре аула с припасами и вышел к Казак-Кичу. 3 ноября он был в Галай-юрте, 4-го вышел к рекеASSE, за которой на его арьергард напали до 2 тыс. горцев во главе с самим Ахверды-Магомой. Выручил бойцов арьергарда подошедший вовремя генерал Граббе. 16 ноября Лабинцов уже с четырьмя батальонами жег мятежные аулы по обоим берегам реки Гонсауль. В тот же год он был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. В октябре 1841 г. Лабинцов с четырьмя батальонами своего Кабардинского полка участвовал в походе на Малую и Большую Чечню. 26 октября при движении на Шали

колонна Лабинцова шла отдельно, лесами, слева от основных сил, истребляя чеченские хутора, запасы сена и кукурузы. 30 октября при движении на Бата-юрт Лабинцов шел справа от основного отряда. Здесь весь его лесной марш до реки Мичик превратился в сплошной жаркий бой ²⁵. В 1841 г. генерал был награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

21 февраля 1842 г. Иван Михайлович стал командиром 1-й бригады 20-й пехотной дивизии, а Кабардинский полк сдал своему другу полковнику В.М. Козловскому. Передача полка происходила оригинальным способом. Лабинцов вел весьма скромный, спартанский образ жизни, презрительно относился к полковым командирам, «любившим хорошо поесть, выпить, вообще, хорошо пожить». По правилам того времени накопившуюся годовую экономию вещей и материалов уходящий командир полка продавал и либо оставлял деньги себе, либо передавал для кутежа своему преемнику. Лабинцов же свою немалую экономию подарил полковым ротам ²⁶.

27 мая 1842 г. в расположение отряда генерал-адъютанта Граббе, к разоренному аулу Хасав-юрт, генерал-майор Лабинцов привел четыре батальона Кабардинского полка и под их прикрытием — транспорт с припасами. 30 мая весь отряд Граббе двинулся из Герзель-аула вверх по реке Аксаю. Лабинцов с 1-м и 2-м батальонами Кабардинского полка составлял авангард отряда и в течение только одного дня — 1 июня — не менее 30 раз штурмовал по пути следования чеченские засеки. После взятия главного завала в урочище Кажалык, что далось большой кровью, Граббе 2 июня решил возвращаться. Теперь Лабинцов с двумя батальонами Кабардинского егерского полка, потерявшими накануне своих командиров, составил арьергард отряда и вновь боевую задачу выполнил ²⁷. В 1843 г. он был награжден Императорской короной к своему ордену Св. Анны 1-й степени ²⁸.

24 октября 1844 г. горцы в двух верстах от Кизляра угнали табун лошадей, принадлежавший Кабардинскому егерскому полку (с 11 апреля 1843 г. официально полк именовался Егерским генерал-адъютанта князя Чернышёва), причем был убит денщик генерала Лабинцова и ранен рядовой фурштата. Поднятые по тревоге казаки сумели отбить большую часть табуна. 15 ноября Лабинцов с четырьмя батальонами пехоты отправился за реку Аргунь, разорил несколько хуторов и, забрав горские запасы сена, двинулся назад. Чеченцы упорно преследовали своих обидчиков. Арьергард Лабинцова потерял двух человек убитыми, одного пропавшим без вести и 18 ранеными ²⁹.

К этому времени Иван Михайлович Лабинцов стал легендой Кавказа. Граф К.К. Бенкендорф в своих французских мемуарах писал: «Лабынцев имел на Кавказе одну из самых громких боевых репутаций. Это был типичный старый пехотный офицер и столь же типичный российский ворчун. В нем чувствовался человек, немало сгибавшийся под тяжестью ранца. Вечно не в духе, вечно занятый критикой, фрондер, какие водятся только у нас, с готовым всегда на устах ругательством, Лабынцев являлся блистательным офицером в день боя, особенно командуя арьергардом; это был поистине Ней Кавказской армии. С своими преданными кабардинцами, которыми он когда-то долго командовал, Лабынцев пройдет всюду и всегда, прорвет и опрокинет всякое сопротивление, хотя бы для того, как это было с

ним в 1840-м году, и пришлось ему, несмотря на свое генеральское звание, лично стать во главе предпринимаемого им удара в штыки»³⁰. Здесь любопытно обращение мемуариста к наполеоновской эпохе не только в сравнении Лабинцова с французским маршалом Неем, но и в использовании слова «ворчун», ведь так — *de vieux grogneurs*, «старые ворчуны» — называли солдат наполеоновской старой гвардии.

А вот каким предстал знаменитый Лабинцов перед 28-летним штабным офицером М.Я. Ольшевским (с 1861 г. генерал-лейтенант): «Вот этот среднего роста, крепкого сложения, с толстою шеей, с простоватым, ничего не выражающим лицом, едущий на маленькой, довольно плохой лошадке, в засаленном сюртуке, ситцевой рубашке и курящий отвратительную сигару, которая вас одуряет, — это герой Кавказа, генерал Лабинцов. Он очень скуп, а потому у него и лошадь плохая, и засаленный сюртук, и ситцевая грязная рубашка, и курит он одуряющую сигару. Генерал Лабинцов грубый брюзга, всегда угрюмый, недовольный, насупившийся, вечно ругающийся. Но если он нелюбим посторонними и подчиненными, то уважаем ими за мужественную храбрость и неустрашимость. Солдаты его боятся и недолюбливают, но охотно идут с ним в бой, потому что знают, что с ним не попадут в беду; а если и случится беда, то знают, что Иван Михайлович постоит и за себя, и за них. И действительно, много опасностей пережил генерал Лабинцов во время продолжительной своей службы на Кавказе, но, кроме контузии камнем при штурме Сурхаевой башни под Ахульго, не был ни разу ранен. Недаром солдаты считали его заговоренным от пуль и ядер»³¹. Похожим образом описывают Лабинцова и другие мемуаристы³². И еще одна интересная деталь — в тексте Ольшевского запечатлена, кажется, та «героическая неопрятность», которая была характерным обычаем среди егерей еще в пору наполеоновских войн, и которой, помимо скупости, можно объяснить засаленный сюртук и ситцевую рубашку Лабинцова.

То, что можно назвать нарочитой неопрятностью прежде всего при ношении униформы, было для солдат-егерей свидетельством геройства и, как принято теперь говорить, «элитного статуса» их части. Поэтому труды начальства по переодеванию таких «неопрятных» полков встречались, видимо, с небольшим энтузиазмом. Например, командир 14-го гренадерского егерского полка полковник Я.О. Отрощенко в воспоминаниях подчеркивал, что весной 1815 г. учил своих егерей, дабы «амуниция... была чиста, как и в пехотных полках»³³. Полковник С.И. Маевский, назначенный в сентябре 1813 г. шефом 13-го егерского полка, рассказывал, что егерей его полка «все и всегда называли» замарашками, и что «храбрый полк как будто бы гордился именем ч е р н е н ь к о г о; парадными назывались только полухрабрые, а сочетанием того и другого никто еще не дорожил»³⁴. В других армиях того времени также встречалась своеобразная традиция «героической неопрятности». Например, солдат английского 95-го стрелкового полка (аналог русских егерей), прославленного в 1980-х — 1990-х гг. романами Б. Корнуэлла о стрелке Шарпе и сериалом по этим романам, также в 1808—1814 гг. называли «трубочистами» («Sweeps») ³⁵. Позже «героическая неопрятность» культивировалась у воинственных горцев Кавказа (воспетые Лермонтовым в «Валерике» (1840) «рукава худые» — от привычки горцев обрывать с рукавов своих черке-

сок ткань для пыжей ³⁶) и пластунов. Как писал в своих «Казаках» (1852—1862) Л.Н. Толстой: «На настоящем джигите все всегда широко, оборвано, небрежно; одно оружие богато. Но надето, подпоясано и пригнано это оборванное платье и оружие одним известным образом, который дается не каждому и который сразу бросается в глаза казаку или горцу» ³⁷.

Слухи о своей неуязвимости для пуль и ядер Лабинцов употреблял на пользу дела, чему был свидетелем в Даргинской экспедиции 1845 г. 25-летний князь А.М. Дондуков-Корсаков (в будущем ге-

нерал-адъютант и генерал от кавалерии): «Я очень хорошо помню, как, отступая с последнею цепью, при сильном натиске неприятеля, Лабинцев, желая ободрить пару молодых оробевших солдат, сказал им: “Становитесь за мной, вы знаете, что меня пуля не берет”, и велел одному из них лечь и отстреливаться между ног его, а другому из-под мышки. Можно себе представить, как подобные выходы нравились солдатам, которые были уверены, что Лабинцев, участвовавший в стольких сражениях и никогда не раненный, имел заговор против пуль» ³⁸. В это время, заметим, Лабинцов был уже начальником 19-й пехотной дивизии.

Не забыли на Кавказе к 1845 г. и подвиг поручика 39-го егерского полка Лабинцова при взятии Карса, о чем писал, например, граф Бенкендорф ³⁹. Более того, атака навстречу неприятельскому залпу с последующей рукопашной схваткой, примененная Лабинцовым в 1828 г. при Карсе, стала, как теперь говорят, «фирменным приемом» кавказского генерала. Князь Дондуков-Корсаков вспоминал: «Раз, помню я, при штурме Дарго, когда мы подходили к завалу, в несколько рядов амфитеатром преграждавшему нам дорогу и переполненному горцами, с приготовленными против нас ружьями, генерал Лабинцов остановил на ружейный выстрел, сколько мне помнится, 2-й батальон Кабардинского полка, шедший во главе колонны, и вызвал взвод этого батальона. Как теперь вижу молоденького офицера, им командовавшего. Генерал приказал взводу, состоящему из нескольких десятков человек, штурмовать завал. Офицер с удивлением выслушал это приказание. Лабинцов тогда сказал: “Прохвост (любимое его выражение), молокосос, у тебя молоко на губах не обсохло, ты здешней войны не знаешь. Вы броситесь в штыки штурмовать, эти дураки на вас все свои ружья разрядят, мы будем кричать ура и бросимся за вами, покуда они не успеют вновь зарядить ружья — вся потеря одного только взвода”. Как офицеры, так и вся эта колонна, состоявшая из старых кабардинцев, вполне одобрили это распоряже-

ние. Солдаты говорили: “Старый пес знает свое дело”. Со словами “с Богом, марш” бросился взвод на завалы... Большая часть людей была из строя, офицер убит, а вся колонна прошла без потери, как предполагал опытный Лабинцов»⁴⁰.

Еще одним «фирменным приемом» Лабинцова стало отступление «перекатными цепями», при котором одна цепь давала залп, после чего по-егерски бегом пряталась за другую цепь и перезаряжала ружья, в то время, как передняя цепь давала свой залп. Такой прием, как говорят, был очень действенным и полезным маневром в лесных чащах. Как раз в чаще Ичкерийского леса в 1845 г. наблюдал его в исполнении самого Лабинцова князь Дондуков-Корсаков: «Наши батареи скоро заставили замолчать неприятельские орудия, но зато верному нашему арьегарду, состоящему из славных кабардинцев, с такими начальниками, как Лабинцев и Козловский во главе, пришлось вынести на штыках весь напор горцев. Как только арьегард спустился в овраг, неприятель бросился в шашки и кинжалы, и кабардинцы, отступая шаг за шагом перекатными цепями и засадами, могли только при своей стойкости совершить это опасное движение в полном стройном порядке и относительно с умеренной потерей»⁴¹.

Из обычаев кавказской войны неукоснительно соблюдался Лабинцовым тот, согласно которому не следовало оставлять неприятелю своих раненых и убитых. Это не только требовалось для поддержания морального состояния солдат и офицеров, но и диктовалось поведением противника, поскольку горцы «имели обыкновение после ухода войск вырывать тела, забирать платье покойников и истязать трупы»⁴².

Все без исключения мемуаристы, рассказывавшие о Лабинцове, вспоминают злой язык кавказского генерала. Например, Г.И. Филиппсон, генерал от инфантерии, писал: «Лабинцев не стеснялся выражаться обо всех с циническою грубостию, хотя не без своего рода юмора и остроумия, что делало ему много врагов»⁴³. При этом высказывания Лабинцова оставались в памяти кавказских войск. Например, князь Дондуков-Корсаков рассказывал: «Мне памятен рапорт... Лабинцева, временно начальствовавшего в Темир-Хан-Шуре в 1846 году, к главнокомандующему князю Воронцову о двух командирах — Брестского и Белостокского полков. Он писал в официальной бумаге с обычной ему резкостью: “Полковники Владимиров и фон Лейн, опасаясь скорого производства в генерал-майоры, не отпускают ни положенного провианта, ни вещевого довольствия чинам своих полков, пришедшим в положительную нищету” и т.д. в этом смысле. По производстве дознания, оба полковых командира были отрешены князем Воронцовым от командования...»⁴⁴

Доставалось от Лабинцова и переведенному на Кавказ генерал-губернатору Новороссии графу (позже князю) М.С. Воронцову, обладавшему, надо сказать, смолоду немалым боевым опытом и благородным характером. Дело в том, что первым военным предприятием Воронцова на Кавказе стала неудачная для русских Даргинская экспедиция 1845 г., инициатива которой исходила из Петербурга. Идею этой экспедиции старые кавказские офицеры не одобряли, а спасением своим во время Даргинского похода войска Воронцова были обьязаны, по общему мнению, именно Лабинцову.

Однажды во время Даргинской экспедиции Лабинцов сказал в сердцах о Воронцове: «Нам нужен главнокомандующий, а прислали нам генерал-губернатора»⁴⁵. Разногласия Лабинцова с главнокомандующим разрешились во время той же экспедиции довольно характерным образом, о чем вспоминал князь Дондуков-Корсаков: «Старые кавказцы недоверчиво относились к Даргинской экспедиции, не понимая, что в этом деле князь Воронцов был только искупителем той пагубной системы, которою руководствовались в Петербурге и которой тот же кн. Воронцов положил конец в последующие годы. Между порицателями князя отличался между прочими Ив. Мих. Лабинцев, со свойственной его натуре резкостью и грубостью. Кн. Воронцов все это очень хорошо знал. Раз, разговаривая с Лабинцевым в Шаухал-берды перед своей палаткой, куда преимущественно направлялись неприятельские выстрелы, князь открыл табакерку, желая понюхать табак, когда в нескольких шагах от них упала граната, грозившая разрывом своим убить или изувечить обоих разговаривавших. Первым движением князя было посмотреть в глаза Лабинцева, а сего последнего пристально впереться в глаза князя — в таком безмолвном испытании прошло несколько секунд. Гранату, между тем, не разорвало, потому что скорострельная трубка выскочила при падении. Князь, рассмеявшись, протянул Лабинцеву руку и сказал: “Теперь можно посмотреть, куда легла граната”. С тех пор не слыхал я, чтобы Лабинцев когда-либо дурно отзывался о князе Воронцове как военном»⁴⁶. И даже стал приговаривать временами в адрес князя: «Однако он солдат!»⁴⁷

Даргинская экспедиция получила название по главной точке своего назначения — чеченскому аулу Дарго, расположенному, как тогда говорили, «в глухих трущобах Ичкеринских лесов, у истоков Аксяя». Шамиль после нескольких поражений, понесенных его горцами от русских, избрал Дарго местом своего постоянного пребывания, разместил здесь небольшой арсенал и склады различных припасов. В Петербурге тем временем был разработан план окончательного поражения Шамиля. Для этого 6 июля 1845 г., после занятия Анди (Андии или, как называли ее солдаты Кавказского корпуса, «Индии»), граф Воронцов, имевший в своем распоряжении десять с половиной батальонов пехоты, три роты стрелков, две дружины Грузинской пешей милиции (ополчения), четыре сотни казаков, девять сотен конной милиции, два легких и четырнадцать горных орудий (всего 7690 пехотинцев, 1218 кавалеристов и 342 артиллериста) выступил к Дарго.

Надо сказать, что в свите Воронцова было много золотой военной молодежи, находившейся в поисках славы и отличий: принц Александр Гессенский — брат цесаревны (с 1855 г. императрицы) Марии Александровны, флигель-адъютанты, гвардейцы, генштабисты и т.п. Как минимум двое петербургских гостей в надежде на орден Св. Георгия получили в командование по батальону: адъютант наследника цесаревича (будущего императора Александра II) князь А.И. Барятинский — батальон Кабардинского егерского полка, флигель-адъютант граф Бенкендорф — батальон Куринского егерского⁴⁸.

Двигался отряд Воронцова в следующем порядке: авангард, правая и левая обходные колонны, главные силы и арьергард, которым командовал генерал-майор Лабинцов. В подчинении Лабинцова были

2-й батальон Замостского егерского и 3-й батальон Апшеронского пехотного полков, четыре орудия 3-й горной батареи ⁴⁹.

В ночь на 7 июля русские вышли к Дарго, преодолев труднейший путь через горный хребет, обрывистые и глубокие овраги, едва проходимые лесные тропы, под градом пуль, летевших из-за преграждавших путь частых завалов. Шамиль не стал оборонять Дарго, уничтожил в этом ауле все, что было возможно, и скрылся со своими сподвижниками в окрестном дремучем лесу. Воронцов разрушил в Дарго то, что не успел разрушить Шамиль, после чего устроил для своих войск лагерь вблизи аула. Здесь-то и началась самая трагичная часть похода. Как вспоминает граф Бенкендорф, «в день занятия Дарго силы Шамиля были слабее наших, но уже на другой день вся Чечня и весь Дагестан собрались вокруг него, и теперь многочисленный противник, словно громадный муравейник, окружал нас со всех сторон. Горцев собралось несомненно не менее 30 000 человек» ⁵⁰.

Шамиль тогда же, 7 июля, на господствующей высоте у аула Белгатой, на левом берегу реки Аксай, собрал несколько тысяч горцев и открыл огонь из трех своих артиллерийских орудий по правому флангу русского лагеря. Воронцов перенес лагерь на недоступное для артиллерии горцев место, а потом распорядился, чтобы Лабинцов повел колонну из пяти с половиной батальонов, в которой преобладали чины пришедшего из России 5-го корпуса на высоту, откуда Шамиль вел огонь. Недолюбливая, по обычаю Кавказского корпуса, части, прибывшие из России, Лабинцов «подошел к князю Воронцову и своим обыкновенным, т.е. грубым, тоном сказал: “Что вы, ваше сиятельство, дали мне эту кучу милиции? Позвольте мне взять батальон или два Кабардинского полка; это будет вернее” ⁵¹. Упрек был несправедлив, потому что 5-й корпус уже два года как находился на Кавказе. Стоит заметить, что в 1827 г. под Ошаканом Аббас-Мирза со своими персами отважился напасть на части русской 20-й пехотной дивизии, в том числе и на 39-й егерский полк, в котором служил поручик Лабинцов, как раз потому, что дивизия недавно пришла из России (вернее, с Крымского полуострова) и, якобы, не знала особенностей кавказской войны...

Около 12 час. дня Лабинцов выстроил порученные ему войска в три линии. Первую линию составили 3-й и 4-й батальоны «кавказского» Навагинского и первый «российского» Люблинского полков при четырех горных орудиях. Во второй линии находились батальон «российского» Замостского полка и «кавказцы»: 3-й батальон Апшеронского, две роты Куринского полков, две роты стрелков и рота саперов при двух орудиях. В третью линию, которая была одновременно резервом Лабинцова, входили четыре сотни казаков и две сотни конной милиции под началом генерал-майора Безобразова.

Очевидец вспоминал, что едва лишь первая линия войск Лабинцова подошла к Аксаю, «как завязалась перестрелка, перешедшая в ожесточенный бой. Навагинцы стремительно атаковали лес, защищаемый огромной массой горцев, и последние должны были быстро его очистить. Горцы, заняв аул Белгатой, упорно в нем держались; но опять навагинцы, поддержанные люблинским батальоном, выбили их оттуда штыками». Далее началось «общее преследование бегущего неприятеля до тех пор, пока он не был отброшен в овраги и леса. Но

едва наши войска начали обратно отступать эшелонами, как опять горцы собрались со всех сторон, и завязали упорный бой, особенно около аула Белгатой и его кладбища, которое несколько раз переходило из рук в руки. Навагинцы и апшеронцы лихо держались и этим облегчили отступление прочих войск. На спуске к реке Аксаю генерал Лабинцев остался с батальонами навагинским и апшеронским, и пока все войска не переправились, все упорные натиски неприятеля отбивал штыками, так как почти все патроны были уже выпущены. Только в сумерки войска возвратились в лагерь, покрыв себя славою, особенно навагинцы и апшеронцы. Из лагеря было видно стройное движение войск, особенно при отступлении, что составляло на Кавказе всегда самую трудную задачу, но генерал Лабинцев, старый боевой кавказец, был мастером своего дела. Это славное дело стоило нам убитыми: 1 штаб-офицера — подполковника Познанского, командира апшеронского батальона, храбрейшего и дельнейшего офицера армии; 1 обер-офицера, 28 нижних чинов; ранеными: штаб-офицера 1 — командира люблинского батальона подполковника Корнилова, молодого, дельного офицера, весьма много обещавшего в будущем, он был ранен смертельно; обер-офицеров 8, нижних чинов 178. Надо полагать, что 7-го июля и горцы понесли значительную потерю»⁵². Как видим, Лабинцев не зря выпросил у графа Воронцова «кавказские» батальоны.

Дни 8 и 9 июля прошли в незначительных перестрелках. Горцы начинали стрельбу всякий раз, как только русские фуражиры спускались на равнину, отделявшую с одной стороны наш лагерь от неприятеля. На русских надвигался голод. 10 июля Воронцов выслал 6 батальонов, часть конницы и 4 орудия навстречу большому продовольственному обозу, пришедшему из Темирхан-Шуры (Буйнакса). Посланные должны были разгрузить остановленные горскими завалами повозки, отправить их назад — и на вьючных лошадях, а также в своих заплечных мешках доставить сухари в расположение главного отряда. За два дня посланным за продовольствием войскам пришлось выдержать ряд упорных боев, которые получили у солдат название «Сухарной экспедиции». В ходе этой экспедиции у русских были убиты два генерала, 17 офицеров и 537 нижних чинов, а также оставлены в лесу три орудия. По мнению участника тех боев В.А. Геймана, дослужившегося на Кавказе до чина генерал-лейтенанта, исход «Сухарной экспедиции» был бы иным, если бы во главе ее поставили не генерала Ф.К. Клюки-фон-Клугенау, привычного к военным действиям в Дагестане, а как раз Лабинцова, который «всю свою службу был в лесных походах, требующих особого навыка»⁵³.

13 июля в 6 час. утра отряд Воронцова оставил Дарго и начал отход по той же дороге, по которой шесть дней назад Лабинцев водил в атаку «российские» батальоны. Накануне на военном совете у Лабинцова спрашивали, по какой дороге лучше будет отходить из Дарго. «Дойдем по всякой, если только пойдем не торопясь», — отвечал Лабинцев⁵⁴. В ночь перед выступлением главнокомандующий граф Воронцов приказал собрать ружья убитых и тяжелораненых и зарыть в укромном месте, палатки порвать на бинты, все лишние вещи сжечь. «Всех тешило auto-da-fé имущества приезжих, особенно петербургских военных дилетантов. Солдаты и офицеры немало смеялись, видя,

как сжигалось имущество принца Гессенского, особенно же серебро и прочие затеи князя Барятинского, которыми он так щеголял до того времени», — вспоминал князь Дондуков-Корсаков ⁵⁵.

Однако настроение в войсках было тревожное, если не сказать обреченное. Граф Бенкендорф, который накануне выступления из Дарго был тяжело ранен, вспоминал: «Я сам сжег свои эполеты и аксельбанты с вензелями Государя, чтобы быть уверенным, что они не попадут в руки неприятеля; свою гербовую печать я передал барону Николаи, так как канцелярия и дела самого графа Воронцова, понятно, имели больше прав на сбережение и сохранение. Затем я положил в карман 4 плитки сухого бульона, а мои слуги оставили, кроме того, кастрюлю и рис; вот и все наши запасы на восемь дней марша. Мы высчитали, что нам потребуется восемь дней, чтобы пройти 40 верст. Это одно дает понятие, какую трудность представляли местность и дороги, по которым нам нужно было двигаться. Наше выступление из Дарго состоялось при мрачном молчании войск» ⁵⁶.

Тот самый барон Николаи, которому граф Бенкендорф перед выступлением из Дарго отдал свою гербовую печать, рассказывал потом: «Когда неприятель заметил направление, которое приняло наше движение, он стал поспешно возвращаться на прежнюю свою позицию, которую мы уже оставили за собою, и подвез несколько орудий, из которых стал нас обстреливать, но безвредно. Один только наш арьергард, состоявший из двух батальонов Кабардинского полка, под начальством генерала Лабинцова, вступал в дело с неприятелем, блистательно совершая отступление как бы на учебном поле, несмотря на упорные нападения, которым он подвергался» ⁵⁷. Еще один участник Даргинского похода и биограф князя Воронцова — М.П. Щербинин — вспоминал, что солдаты Лабинцова действовали тогда «словно как на шахматной доске» ⁵⁸.

Так или иначе, но русские выбили Шамиля с высот у аула Центери (Центорой), после чего тем же левым берегом реки Аксая стали выходить из горной области. Трехдневное движение представляло собой сплошной бой. 16 июля отряд Воронцова вышел на поляну селения Шаухал-берды, где был объявлен привал. Все оставившие воспоминания участники похода сходятся в одном — «войска покрыли себя славой, особенно кавказцы — старые полки Кабардинский, Куринский, Навагинский и Апшеронский; великолепен был и Лабинцев с своим арьергардом, выдержавший на своих плечах в течение длинных пяти дней все яростные атаки горцев...» ⁵⁹

Свидетелем арьергардного боя вблизи от Шаухал-берды, а также эксцентричного поведения Лабинцова и его сподвижников в первой цепи под натиском горцев стал князь Дондуков-Корсаков. Он вспоминал: «В глазах всего отряда Лабинцев совершил замечательное свое отступление; князь Воронцов и все мы восхищались его умением пользоваться местностью и замечательными его распоряжениями. При переходе через следующий овраг, когда колонна двинулась вперед, я остался с арьергардом, желая ближе видеть действия Лабинцева... В этой же цепи видел я достойного командира Кабардинского полка Вик[ентия] Мих[айловича] Козловского под градом пуль, с предлинною трубкою в зубах, ободрявшего цепь с свойственным ему хладнокровием. Лабинцев подошел к нему и палкой выбил у него из губ

трубку при любимом своем ругательстве: “Прохвостина, здесь не место курить”. Козловский, впрочем, весьма дружный с Лабинцевым, только возразил: “Грешно, как, Иван Михайлович, последнюю, как, у меня трубку выбивать”». Полковник (позже, как и Лабинцов, дослужившийся до чина генерала от инфантерии) Козловский «два слова как-как... вставлял без разбора в каждую фразу, хотя не был заикой, отчего речь его делалась иногда очень забавной, особенно, когда ему и без того приходилось употреблять это слово, напр[имер]: “Как ваше здоровье?”»⁶⁰. Козловский, к слову, был любителем погулять, а Лабинцов вел жизнь трезвую.

Надо сказать, что присказки или «поговорки», вроде той, которую употреблял полковник Козловский (ее полный вариант: «Как, как бишь»), были деталью интересного явления — жаргона русских кавказских войск. Не один Козловский имел свою «поговорку». Начальник «Сухарной экспедиции» генерал-майор Клюки-фон-Клугенау постоянно повторял слово «этих», погибший в той же экспедиции командир 2-го батальона Кабардинского егерского полка полковник Ранжевский приговаривал «тен, тен», а командир 1-го батальона того же полка финляндец подполковник Гроденфельд — «как же, как же, таком-то роду»⁶¹.

То небольшое, что мы знаем о солдатском жаргоне Кавказского корпуса, замечательно характеризует культурный кругозор русского воина. Так, например, люди, в прошлом у которых были походы в Европу 1813—1815 гг., довольно быстро переименовывали трудные кавказские названия на более привычный лад. Дагестанскую область Тавлию именовали Италией, Аварию — Баварией, Андию — Индией. Были и библейские ассоциации. Например, горные дороги, которые в наше время известны как «серпантин», кавказские солдаты называли «вавилоннами», потому что гора с такой дорогой напоминала им вавилонскую башню. Из более простых метафор известна такая — если у солдата, заснувшего у костра, начинала от пламени тлеть пола шинели (случай довольно частый), то это называлось «поймать лисицу»⁶².

Находились в жаргоне солдат кавказских войск и особенные выражения, относящиеся к наградам. Обычно высшее командование в отличившуюся в том или ином бою часть присылало определенное количество солдатских наград. Ими могли быть, например, Знаки отличия Военного Ордена — они же Георгиевские кресты, которые частенько (но совсем не обязательно) жаловались по три на роту. Определить того, кому персонально достанется Георгиевский крест, мог и командир части. Но бывало, что награда вручалась не по воле командира, а по приговору роты. То есть сами солдаты выбирали из своей среды достойного. Врученный таким образом «Георгий» назывался «голосовым крестом»⁶³.

Арьергардный бой 16 июля 1845 г., который наблюдал раненый князь Дондуков-Корсаков, имел замечательный в своем роде финал: «Генерал-майор Лабинцов, отражая неприятеля с фронта, но в то же время заботясь об обеспечении следования раненых и вьюков, попеременно посылал влево для занятия высот подходящие роты Навагинского и Замосецкого батальонов, ограждая таким образом колонну, сколько позволяла возможность. Несмотря однако на все принятые меры, горцы успели убить несколько вьючных лошадей, что принуди-

ло оставить находившиеся на них вьюки по невозможности поднять их; при этих схватках от наших пуль и штыков много гибли горцев, но за всем тем со свойственной им жадностью к добыче, они возобновляли нападения с большим ожесточением. При прохождении арриергарда, Суаиб-Мулла, старший наиб Чечни, желая нанести последний решительный удар, соединил в одну массу все толпы свои и бросил их на 3 роту егерского генерал-адъютанта князя Чернышёва (Кабардинского. — Ю.С.) полка, оставленную у мостика; но генерал-майор Лабунцов, зная горцев, предвидел это; он подкрепил егерей скрытыми резервами и так ожидал нападения. Суаиб-Мулла погиб в наших штыках и с ним пало значительное число храбрейших и влиятельных людей Чечни, с которыми он находился в голове толпы: это поражение остановило натиски неприятеля на арриергард»⁶⁴.

Однако в Шаухал-берды положение русских скоро стало критическим: со всех сторон их окружали горцы, а еда и боеприпасы подходили к концу. Из отчаянного положения отряд Воронцова спас генерал-лейтенант Р.К. Фрейтаг, который быстро собрал среди ближайших к Герзель-аулу войск Чеченской линии семь с половиной батальонов пехоты, три сотни казаков и 13 орудий, с которыми двинулся к Мискиту, где 19 июля после жестокого боя соединился с отрядом Воронцова.

В бою 19 июля, еще до подхода войск Фрейтага, в аррьергарде Лабунцова по нерадивости подпоручика Кудрявцева погибла 1-я карабинерная рота Кабардинского полка, которая последней оставила Шаухал-берды. Очевидец вспоминал: «1-я и 2-я карабинерные роты отступали в аррьергарде так называемым перекастным отступлением, 1-я левее 2-й. Последней надо было подняться на горку, а потом на ее место перейти 1-й, потому что на пути ее отступления была тина и густой кустарник, заросший диким виноградом, сквозь который не было возможности пробраться. От генерала Лабунцева послан был с приказанием подпоручик Кудрявцев, чтобы предупредить роты о порядке отступления. В это время был ожесточенный огонь со стороны неприятеля, почему, надо полагать, Кудрявцев ограничился тем, что с горки помахал платком. По этому сигналу 1-я карабинерная рота, видя, что уже 2-я отступила, тоже начала отступать прямо, как была расположена, и лишь только вошли в чашу карабинеры, горцы гикнули и окружили роту, требуя сдачи. Командующий ротой штабс-капитан Тимахович, видя безвыходное положение, обратился к роте: “что, братцы делать?” — “Ваше благородие, ляжем все, а не дадим поживы этим оборванцам”, — был ответ солдат. И действительно, карабинеры легли почти все, но не даром: в рукопашной схватке досталось порядком горцам (их, по данным русского командования, погибло около 150 человек. — Ю.С.). Бой продолжался недолго (четверть часа. — Ю.С.), но был жестокий бой и шел насмерть. Штабс-капитан Тимахович, тяжело раненый, был взят в плен, и потом уже мы слышали от лазутчиков, что с него живого сняли кожу... Из всей роты спаслось, кажется, три человека, пробравшихся кое-как сквозь чашу; они рассказывали подробности дела». По официальным данным, рота потеряла двух офицеров и до 60 нижних чинов. Вскоре однако «генерал-майор Лабунцов, устроив резервы, отразил натиск неприятеля и таким образом охранил безопасность наших раненых и вьюков»⁶⁵.

20 июля объединенные русские отряды вступили в укрепление Герзель-аул, с потерей почти 3-х тыс. чел., в том числе трех генералов ⁶⁶.

31 августа 1845 г. генералу от инфантерии Воронцову, пожалованному за Даргинский поход княжеским титулом, писал из Москвы прежний кавказский главнокомандующий, генерал от артиллерии Ермолов: «Какими молодцами явились у тебя генералы Фрейтаг и Лабинцов! Я знаю неустрашимость последнего...» ⁶⁷ За Даргинский поход три батальона Кабардинского егерского полка получили новые Георгиевские знамена ⁶⁸. В 1845 г. Лабинцов был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени и пожалован чином генерал-лейтенанта со старшинством с 31 июля 1845 года. В 1847 г. генерал-лейтенант Лабинцов был награжден орденом Белого Орла — третьим по старшинству среди русских орденов.

После Даргинского похода Иван Михайлович Лабинцов продолжал командовать 19-й пехотной дивизией. На Кавказе должность начальника дивизии имела свою специфику. Лабинцов, как вспоминает генерал Г.И. Филипсон, «жил в заштатном городе Георгиевске, и при нем был только его дивизионный штат. Все войска были в полном распоряжении кордонных начальников. Лабинцов не мог ими распоряжаться, но ему предоставлено было заботиться о хозяйственном благоустройстве. Конечно, он не делал ни того, ни другого, сидел себе в Георгиевске и ругал всех прохвостами» ⁶⁹. Историк русских кавказских войск, полковник А.Л. Зиссерман писал, что свойственные Лабинцову «ворчливость, угрюмость и капризность были несносны для его подчиненных, особенно бывших в более близких отношениях к нему по службе». Полковые командиры вверенной Лабинцову дивизии «пуще всякой беды» боялись инспекторских смотров Ивана Михайловича ⁷⁰.

Летом 1848 г. генерал Лабинцов лечился на кавказских минеральных водах. Там, в Пятигорске, он, сам будучи еще холост, устроил семейную жизнь своего товарища и преемника в командовании Кабардинским полком генерал-майора Викентия Михайловича Козловского, сосватав за него «не очень молодую барышню» Анну Васильевну Соляникову, которая, хотя и была несколько глуховата, оказалась на поверку достойной во всех отношениях женщиной, прекрасной хозяйкой, доброй женой и попечительной матерью ⁷¹.

Там же, на водах, решила и дальнейшая служебная карьера Лабинцова. Однажды он был приглашен в Кисловодск на обед к главнокомандующему князю Воронцову, о сложных отношениях с которым Лабинцова уже говорилось выше. Когда в определенный час все приглашенные собрались, Лабинцова среди них не было: «Сели за стол, князь был так любезен, что сам, повернув назначенный для Лабинцова стул спиной к столу, сказал громко: “Это место достойнейшего Ивана Михайловича”. А этот, между тем, не только не пришел, но даже не прислал извиниться, потому что считал себя оскорбленным за предпочтение ему другого лица на должность начальника левого фланга Кавказской линии, и подал просьбу о переводе с Кавказа на службу в Россию...» ⁷²

В начале осени 1848 г. Лабинцов был уже в Москве, откуда 22 сентября Ермолов писал на Кавказ князю Воронцову, интересовавшемуся, видимо, судьбой строптивого подчиненного: «Видел я здесь генерала Лабинцова не более получаса, ибо на другой день уехал

я в деревню; но довольно было времени заметить, что он с сожалением оставил Кавказ, где служил так счастливо, приобрел милостивое внимание Государя, пользовался твоим благорасположением. Он, конечно, понимает, что он *Lamorissiere*; но у нас нет баррикад, и не так легко попасть в военные министры ⁷³. Приметно грустит. Но как человек, так давно в дружбе со счастьем и им балуемый, он имеет свои претензии и некоторые хорошо высказывает. Но сплетни не мое дело, и ты, конечно, не пожелаешь их знать. Он был весьма тебе преданный человек и боевой хороший инструмент» ⁷⁴. Обращает на себя внимание сравнение Ермоловым Лабинцова с тогдашней французской знаменитостью генералом Кристофом де Ламорисьером, выходцем из колониальных войск, сыгравшим роль и в победе, и в поражении французской революции 1848 г., после чего недолго занимавшим пост военного министра. Вероятно, Ермолов имел в виду не только сходство биографий и капризных характеров Лабинцова и Ламорисьера, но и угадывал в русском колониальном генерале политический потенциал, так и не реализовавшийся.

К 1849 г. генерал-лейтенант Лабинцов был начальником 5-й пехотной дивизии. В этом году Иван Михайлович принял участие в Венгерской кампании, выручал австрийский престол от раскола государства. 3 июня Лабинцов среди других русских генералов представлялся императору Николаю I в г. Змигороде ⁷⁵. 5 июня 1849 г. главные русские силы генерал-фельдмаршала графа И.Ф. Паскевича-Эриванского, князя Варшавского выступили в Венгрию четырьмя колоннами. Правую колонну, состоявшую из двух батальонов Архангелогородского пехотного полка, из Вологодского пехотного, Костромского и Галицкого егерских полков, двух рот 2-го стрелкового и двух рот 2-го саперного батальонов, трех сотен 32-го Донского казачьего полка и 5-й полевой артиллерийской бригады, возглавлял Лабинцов. Колонна Лабинцова из окрестностей местечка Грибова, через деревню Избы перешла Карпаты и 6 июня достигла деревни Тарно.

8 июля генерал-лейтенант Лабинцов сыграл решающую роль в деле у села Тура. Там кавалерийский отряд графа Толстого (один дивизион Харьковского уланского полка, Елисаветградский Великой Княгини Ольги Николаевны и Лубенский гусарские полки, две сотни 32-го Донского казачьего полка, 4-я конно-легкая и 2-я донская резервная батареи), направленный от Асода к Замбоку, встретился с венгерской кавалерийской дивизией Дежефи (17 эскадронов и 12 артиллерийских орудий). В общей сложности у противника было до 7 тыс. сабель. Венграм в том бою командовал польский генерал Юзеф Высоцкий.

Очевидец вспоминал: «Толстой уже несколько часов боролся против несоразмерной силы Высоцкого; эскадрон Харьковского уланского полка..., служивший ему авангардом, с самого утра удерживал натиск венгерцев, отступая к остальной части отряда. Гусарский В[еликой] К[нягини] Ольги полк сделал несколько блестящих атак, но численность неприятеля была в три раза более. Окруженные и теснимые со всех сторон, наши кавалеристы вступили в рукопашный сабельный бой; и гибель их была неизбежна, ежели бы в эту минуту не пришла 5-я дивизия пехоты (точнее, 7 батальонов из входивших в ее состав Архангелогородского и Вологодского пехотных полков, а также 3-я батареяная батарея. — Ю.С.). Лабинцов находился невдалеке от Тура.

Узнав об опасности Толстого, он велел своей дивизии сбросить ранцы и каски и во главе ее беглым шагом явился на поле сражения. Венгры, не имея даже посредственной пехоты, боялись нашей. Появление Лабинцова обратило их в бегство; мы преследовали их десять верст до замка Сомбола (Замбок. — Ю.С.), где воспользовались обедом, приготовленным для Высоцкого и его окружающих»⁷⁶. Русские потеряли при Туре 8 чел. убитыми и 58 ранеными и контуженными⁷⁷.

21 июля Лабинцов со своей 5-й дивизией участвовал в сражении при Дебречине (Дебрецине), где русские столкнулись с 15-тыс. венгерским корпусом Шандора Надя. 5-я дивизия держалась чрезвычайно стойко. У венгров в начале этого, победного для русских, сражения был серьезный перевес в артиллерии — 36 орудий против 16-ти у наших — и хорошие артиллеристы. В какой-то момент начальник русского 2-го корпуса генерал П.Я. Куприянов был ранен осколком гранаты в правую ногу, которую пришлось ампутировать. Командование корпусом взял на себя Лабинцов. Интересно, что начальником штаба 2-го корпуса был тогда служивший в 1828 г. так же, как и Лабинцов, в 39-м егерском полку А.К. Ушаков⁷⁸.

В 1849 г. генерал-лейтенант Лабинцов был награжден вторым по значимости русским орденом Св. Александра Невского, а в 1851 г. — алмазными знаками этого ордена, в 1850 г. — австрийским орденом Железной Короны 1-й степени, в 1851 г. — прусским орденом Красного Орла 1-й степени, в 1853 г. — австрийским орденом Леопольда 1-й степени⁷⁹.

В 1852 г. генерал-лейтенант Лабинцов оставался начальником 5-й пехотной дивизии, в 1855—1856 гг. числился командующим одновременно 1-й и 3-й пехотными дивизиями⁸⁰. С 1856 по 1862 г. он командовал уже 1-м армейским корпусом. В 1856 г. Иван Михайлович был пожалован табакеркой с императорским портретом, через два года — знаком отличия за 35 лет беспорочной службы. В 1859 г. Лабинцов был произведен в генералы от инфантерии со старшинством с 8 сентября. 26 августа 1862 г. генералу от инфантерии Лабинцову была предоставлена на 12 лет аренда с годовой прибылью в 3 тыс. руб., в 1868 г. выделены 3 тыс. десятин земли, в 1869 г. пожалована украшенная бриллиантами табакерка, в 1874 г. аренда 1862 г. продолжена на 6 лет, в 1880 г. — еще на 6 лет. С 1863 г. Лабинцов числился по армейской пехоте в запасных войсках и по 80-му пехотному Кабардинскому генерал-фельдмаршала князя Барятинского полку⁸¹.

После выхода в запас генерал от инфантерии Иван Михайлович Лабинцов поселился в Вильне, где жил «богатым человеком», «пользуясь заслуженным уважением»: к 1875 г. его избрали в почетные мировые судьи⁸². По обычаю кавказских генералов Лабинцов женился поздно и после перевода в Россию. От этого брака у него была дочь Екатерина, которая вышла замуж за юриста Николая Михайловича Клингенберга, в дальнейшем ковенского, вятского, владимирского и могилевского губернатора, тайного советника и сенатора⁸³.

Генерал от инфантерии Иван Михайлович Лабинцов скончался в возрасте 81 года в Вильне 7 сентября 1883 года⁸⁴. Похоронен в Санкт-Петербургской Александро-Невской лавре на Тихвинском кладбище, возле своей супруги Екатерины Филипповны, умершей 25 августа 1870 года⁸⁵.

Примечания

1. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК). Т. VII. Тифлис. 1878, с. 750.
2. ЛАЧИНОВ Е.Е. Отрывок из «Исповеди». В кн.: Кавказский сборник. Т. I. Тифлис. 1876, с. 138.
3. МУРАВЬЁВ-КАРСКИЙ Н.Н. Первое взятие русскими войсками города Карса (июнь 1828 года). (Писано в 1831 году.) — Русский архив. 1877, т. I, № 3, с. 335.
4. «Происходит из детей боярских и записан в 6-й части родословной дворянской книги по Тульской губернии». КЛИНГЕНБЕРГ, рожденная ЛОБЫНЦЕВА Е.И. По поводу статьи «Воспоминания гр. К.К. Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 г.» — Русская старина. 1911, т. 145, № 3, с. 604; История «дворян» и «константиновцев». 1807—1907. [Б.м., б.г.] В кн.: Алфавитный список, с. 90. (Лобинцов Иван).
5. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб. 1828, с. 542—543; Там же. СПб. 1831, с. 269—270; Список генералам по старшинству. СПб. 1840, с. 380; Кавказский сборник, т. I, с. 138; ПОТТО В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV. Турецкая война 1828—1829 гг. СПб. 1889, с. 59.
6. ЗИССЕРМАН А. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726—1880). Т. II. СПб. 1881, с. 241.
7. Кавказский сборник, т. I, с. 138—139.
8. Русский архив. 1877, т. I, № 3, с. 335.
9. Кавказский сборник, т. I, с. 139.
10. ПОТТО В.А. Ук. соч., т. IV, с. 60.
11. Русский архив, т. I, № 3, с. 335—336.
12. Там же, с. 336.
13. Кавказский сборник, т. I, с. 140—141.
14. Военный Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769—1920. Биобиблиографический справочник. М. 2004, с. 251.
15. Русский архив. 1877, т. I, № 3, с. 337.
16. Воспоминания Александра Семёновича Гангеблова. — Русский архив. 1886, т. II, № 6, с. 258.
17. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Армии..., с. 269.
18. Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года (продолжение). — Русская старина. 1910, т. 144, № 11, с. 285.
19. ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 240; ЛУГАНИН А.И. Опыт истории Лейб-Гвардии Волынского полка. Ч. II. 1850—1879. Варшава. 1889, прил. № 11, с. 16; Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е января. СПб. 1840, с. 380.
20. ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 76—78.
21. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е января, с. 380; ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 87, 240.
22. МИЛЮТИН Д.А. Год на Кавказе. 1839—1840. В кн.: Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб. 2000, с. 207—208.
23. ЕГО ЖЕ. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб. 1850, с. 33—35 и др.
24. ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 105—109; Кабардинский полк. В кн.: Военная энциклопедия в 18 томах, изданная И.Д. Сытиным. СПб. 1911—1915; Список генералам по старшинству, 1840, с. 380.
25. ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 169—173, 198—199.
26. Там же, с. 241.
27. Там же, с. 219—222.
28. Список генералам по старшинству. Исправлено по 17-е марта. СПб. 1844, с. 320.
29. ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 379, 467.
30. Русская старина. 1910, т. 144, № 11, с. 285.
31. ОЛЬШЕВСКИЙ М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год (продолжение). — Русская старина. 1893, т. 79, № 8, с. 300—301.

32. См., например: Воспоминания Григория Ивановича Филипсона (продолжение). — Русский архив. 1884, т. I, № 2, с. 372—373; БЕКЛЕМИШЕВ Н.П. Поход графа Воронцова в Дарго и «Сухарная экспедиция» в 1845 г. (Из записок участника). В кн.: Даргинская трагедия. 1845 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб. 2001, с. 547.
33. Записки генерала Отрошенко (продолжение). — Русский вестник. 1877, т. 132, № 11, с. 262.
34. МАЕВСКИЙ С.И. Мой век или История генерала Маевского. 1779—1848 (продолжение). — Русская старина. 1873, т. 8, № 9, с. 265.
35. FREMONT-BARNS G. The Napoleonic Wars. The Peninsular War, 1807—1814. Oxford. 2002, p. 68.
36. Вот описание черкесского разбойника — карамзады — из романа Е.П. Лачиновой (урожденной Шелашниковой, псевдоним «Хамар-Дабанов»), жены кавказского генерала, «Прodelки на Кавказе» (1844), изображающее как раз черты этой «героической неопрятности»: «Одежда карамзады состояла в простой длинной черкеске темного цвета, из-под которой на груди блестела на белом бешмете кольчуга. Руки также были защищены кольчатыми наручами, приделанными к налокотникам; из-под наручей виднелась пунцовая материя, которая предохраняла тело от трения о сталь. Восемнадцать патронных хозров, заткнутых обернутыми в тряпки пулями, вложены были по обеим сторонам груди в гаманцы черкески. Длинные рукава, оборванные к концу, служили доказательством, что разбойник, находясь в горячих боях, выпустив все хозры, вынимал запасные заряды и, не имея чем обернуть пули, рвал, как водится, концы своих рукавов. Черкеска его в некоторых местах была прострелена и не зачинена. По черкесскому обычаю, там не кладут заплат, где пролетела пуля. Удары шашки обозначались узкими сафьянными полосами, нашитыми изнанкою вверх на тех местах, где было прорублено». ХАМАР-ДАБАНОВ Е. [ЛАЧИНОВА Е.П.] Прodelки на Кавказе. Роман. Ставрополь. 1986, с. 194—195.
37. ТОЛСТОЙ Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 6. М. 1936, с. 24.
38. ДОНДУКОВ-КОРСАКОВ А.М., князь. Мои воспоминания. 1845—1846 гг. В кн.: Старина и новизна. Исторический сборник. Кн. 6. СПб. 1903, с. 146—147.
39. «Будучи еще неизвестным подпоручиком и командуя слабого состава ротой 39-го егерского полка, Лабынцев при штурме Карса в 1828-м году добыл себе офицерского Георгия 4-го класса, когда атаковал по приказанию своего непосредственного начальства, если не сказать — противно приказанию Паскевича. В России нет никого, кто мог бы сравниться по отваге с армейским подпоручиком, сознающим, что за ним только и есть, что его мундир, и воображающим, что весь мир готов ему подчиниться; беззаботно и весело ставит он на одну и ту же карту и свое настоящее и будущее». Русская старина. 1910, т. 144, № 11, с. 286; ГЕЙМАН В.А. 1845 год. Воспоминания. В кн.: Кавказский сборник. Т. III. Тифлис. 1879, с. 289.
40. Старина и новизна, кн. 6, с. 59—60.
41. ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 242; Старина и новизна, кн. 6, с. 133.
42. Старина и новизна, кн. 6, с. 144—145.
43. Русский архив, 1884, т. I, № 2, с. 373.
44. Старина и новизна, кн. 6, с. 53.
45. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона (окончание). — Русский архив, т. II, № 3, с. 109.
46. Старина и новизна, кн. 6, с. 154—155.
47. БЕКЛЕМИШЕВ Н.П. Ук. соч., с. 547.
48. НИКОЛАИ А.П., барон. Из воспоминаний о моей жизни. Даргинский поход 1845. — Русский архив. 1890, т. II, № 6, с. 249—250.
49. Старина и новизна, кн. 6, с. 115.
50. Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года (продолжение). — Русская старина. 1911, т. 145, № 2, с. 275.
51. Русский архив. 1884, т. I, № 2, с. 373.
52. Кавказский сборник. Т. III. Тифлис. 1879, с. 312—314.

53. Там же, с. 370—371.
54. ДЕЛЬВИГ Н.И. Воспоминание об экспедиции в Дарго, с. 437.
55. Кавказский сборник, т. III, 1879, с. 329; Старина и новизна, кн. 6, с. 130.
56. Русская старина. 1911, т. 145, № 2, с. 282.
57. Русский архив, т. II, № 6, с. 270.
58. ЩЕРБИНИН М.П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семёновича Воронцова. СПб. 1858, с. 242.
59. Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года (окончание). — Русская старина. 1911, т. 145, № 3, с. 466; Старина и новизна, кн. 6, с. 133, 135, 146—147.
60. Старина и новизна, кн. 6, с. 146—147; Из воспоминаний А.А. Харитонов (продолжение). — Русская старина. 1894, т. 81, № 3, с. 84.
61. Кавказский сборник, т. III, с. 262, 291.
62. КОСТЕНЕЦКИЙ Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. — Современник. 1850, т. XXIII. № 10, отд. II, с. 82, 89; т. XXIV, № 11, отд. II, с. 74.
63. ВЕНЮКОВ М.И. Кавказские воспоминания (1861—1863). — Русский архив, т. I, с. 443.
64. Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году. Тифлис. 1846, с. 69—70.
65. Там же, с. 74; Кавказский сборник, т. III, с. 342—343.
66. Даргинская экспедиция. Военная энциклопедия...
67. Архив князя Воронцова. Кн. XXXVI. М. 1890, с. 266.
68. Кабардинский полк. Военная энциклопедия... СПб. 1911—1915; Лабинцов Иван Михайлович. Русский биографический словарь. [Электронный ресурс].
69. Русский архив. 1884, т. I, № 2. с. 372.
70. ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 241.
71. Русская старина. 1894, т. 81, № 3, с. 84—85.
72. ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 242.
73. А.П.Ермолов имеет в виду французского генерала и политического деятеля Кристофа Луи Леона де Ламорисьера (1806—1865), стрелка-зуава, с 1830 г. служившего в североафриканских колониях Франции — Марокко и Алжире (генерал-губернатором последнего Ламорисьер был с 1845 г.). В 1847 г. Ламорисьер пленил Абд-Эль-Кадера, чем завершил завоевание французами Алжира. В 1846 г. его избрали в палату депутатов. Когда 24 февраля 1848 г. во Франции началась революция, популярный Ламорисьер стал начальником национальной гвардии. На этом посту генерал отказался стрелять в народ, чем способствовал успеху восстания. Позже, однако, Ламорисьер помог Кавеньяку подавить революцию, стал военным министром, затем чрезвычайным послом в Петербурге и, наконец, вице-президентом законодательного собрания Франции. В ночь накануне государственного переворота 2 декабря 1851 г., когда к власти пришел диктатор Луи Наполеон (будущий император Франции Наполеон III), Ламорисьер был арестован и выслан за границу. В 1860 г. он возглавил армию римского папы Пия IX, но уже 18 сентября того же года был разбит пьемонтскими войсками в битве при Кастельфидардо, бежал в Анкону и был взят в плен вместе с ее гарнизоном. Последние годы жизни провел во Франции.
74. Архив князя Воронцова, кн. XXXVI, с. 380.
75. Дневник барона Л.П. Николаи, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. — Русская старина. 1877, т. XX, № 9, с. 108—109.
76. СОНЦОВ Д.П. Из воспоминаний о Венгерской кампании. В кн.: Девятнадцатый век. Исторический сборник. Кн.1. М. 1872, с. 268—269.
77. Хронологический указатель военных действий Русской Армии и Флота. Т. III. 1826—1854 гг. СПб. 1911, с. 129, 134; Венгерская война 1848—49 гг. В кн.: Военная энциклопедия в 18 томах, изданная И.Д. Сытиным.
78. Дневник барона Л.П. Николаи, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. (продолжение). — Русская старина. 1877, т. XX, № 10, с. 247—249.
79. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е апреля. СПб. 1880, с. 28.
80. Список генералам по старшинству. Исправлено по 21-е декабря. СПб. 1852, с. 153; Список генералам по старшинству. Исправлено по 15-е июля. СПб. 1855, с. 108; Список генералам по старшинству. Исправлено по 17-е февраля. СПб. 1856, с. 108.

81. Там же, с. 28—29; Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е февраля. СПб. 1883, с. 11.
82. Русская старина. 1894, т. 81. № 3, с. 84; ЗИССЕРМАН А. Ук. соч., т. II, с. 242; Памятная книжка Виленской губернии на 1875 год. Вильна. 1875, с. 78.
83. Русская старина. 1911, т. 145, № 3, с. 604; Правительствующий Сенат. СПб. 1912. Сенаторы, присутствующие в департаментах, с. 45—46. 26-летний выпускник юридического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Николай Михайлович Клингенберг в 1879 г. был переведен в Вильну на должность товарища губернского прокурора. Тогда, вероятно, и произошло его знакомство с Екатериной Ивановной Лабинцовой. С 1883 г. Клингенберг был виленским полицмейстером, с 1891 — ковенским, с 1896 — вятским, с 1901 — владимирским, с 1902 — могилевским губернатором. В Могилеве террористы дважды покушались на жизнь Клингенберга: в первый раз бомба, брошенная под экипаж губернатора, не взорвалась; во второй раз террористка дважды выстрелила в Клингенберга из пистолета. После тяжелого ранения Николай Михайлович был переведен в Сенат. К 1914 г. тайный советник Клингенберг был награжден орденом Белого Орла, 1-й степенью орденов Св. Станислава и Св. Анны и орденом Св. Владимира 2-й степени. Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 1-е сентября 1914 г. Пг. 1914, с. 258. В 1917 г. Николай Михайлович и Екатерина Ивановна Клингенберги проживали в Петрограде, Троицкая, 36. Их дочь, Елизавета Николаевна, — на Каменноостровском проспекте, 21. Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда, с. 317. В 1924 г. супругов Клингенбергов в городском справочнике уже не было, а единственная внучка кавказского героя — Елизавета Николаевна Клингенберг — к 1928 г. служила в Свердловске, скорее всего, не по своей воле. Обречены по рождению... По документам фондов: Политического Красного Креста. 1918—1922. Помощь политзаключенным. 1922—1937. СПб. 2004, с. 293.
84. Всемирная иллюстрация. 1883, № 767, т. XXX, № 13, 17 сентября, с. 227.
85. Николай Михайлович, Великий Князь. Петербургский некрополь. Т. 2. СПб. 1912, с. 584.

Трансформация «Союза 17 октября» в сторону революции

С.В. Холяев

Аннотация. В работе показаны конфликты, происходившие в «Союзе 17 октября», вызванные разочарованием от провала либеральных реформ П.А. Столыпина. Вместе с тем, причиной поражения Столыпина частично стали действия самих октябристов, отказавшихся в решающий для Столыпина момент поддержать его.

Ключевые слова: П.А. Столыпин, «Союз 17 октября», А.И. Гучков, Государственная дума, Всероссийский национальный союз, Конституционно-демократическая партия, Партия социалистов-революционеров.

Abstract. Conflicts occurred in “The Union of 17th October” that were caused by disappointment by failure of P.A. Stolypin reforms are shown in the article. Actions of members of “The Union of 17th October” refused to support Stolypin at the most important moment were partly the cause of the defeat.

Key words: P. A. Stolypin, “The Union of 17th October”, A.I. Guchkov, State Duma, All-Russian National Union, Constitutional-Democratic Party, Socialist-Revolutionaries Party.

В отечественной историографии длительное время преобладало представление об октябристах, как о достаточно консервативной партии, упорно стремившейся поддерживать постепенно коснеющее правительство П.А. Столыпина, все дальше уходившее от обещаний Манифеста 17 октября. Октябристы даже получили у современников прозвище «партии последнего правительственного распоряжения» или в более жестком варианте — «партии пропавшей грамоты». Но и у них, в конце концов, закончилось терпение. По свидетельству А.И. Гучкова, сотрудничество со Столыпиным основывалось на своеобразном «договоре о взаимной лояльности», предусматривавшем обоюдное обязательство провести через Думу широкую программу реформ, направленных на развитие основ конституционного строя. Октябристы служили Столыпину «верой и правдой» до тех пор, пока премьер со-

Холяев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного технического университета. E-mail: hollyaevsv@ystu.ru.

Kholyaev Sergey V. — candidate of historical sciences, associate professor of Yaroslavl State Technical University. E-mail: hollyaevsv@ystu.ru.

хранял видимость соблюдения «договора», и разошлись с ним в тот момент, когда правительственный курс окончательно утратил либеральные черты ¹.

Однако в настоящее время оба ключевых положения данного подхода (о консерватизме правительства Столыпина и о ревностном служении ему октябристов) выглядят небесспорными. Сегодня возрастает понимание реформаторских потенций Петра Аркадьевича, того, что целью столыпинских реформ являлась либерализация политического строя, смена политической элиты ². Одновременно становятся более очевидными значительные расхождения октябристов с той тактической линией, которую избрал для достижения поставленных стратегических целей Столыпин. Они предпочитали более радикальный курс и сближались с радикальной частью либеральной оппозиции ³. Настоящая работа ставит задачу определить, насколько реально оценивал политическую ситуацию на переломном этапе российских реформ «Союз 17 октября» и чья позиция (октябристов или премьер-министра Столыпина) привела к поражению либеральных сил в России.

«Союз 17 октября» занимал особое место в спектре дореволюционных партий. Это была единственная из настаивавших на необходимости модернизации политической системы крупных партий, готовая работать вместе с властью и оказывать ей поддержку. Сторонники гражданских и политических свобод, октябристы назвали свою организацию по дате издания Николаем II Манифеста, сделавшего большой шаг по пути продвижения России к свободе и демократии. Появление этого документа октябристы расценивали как «величайший переворот в судьбах нашего Отечества». Отныне, считали они, в государственный строй вводится новое начало — конституционная монархия ⁴.

Но полностью конституционная монархия может быть построена, когда народ и власть перестанут глядеть друг на друга как на врагов. Добиться этого октябристы предлагали путем компромисса, выступая за сокращение неограниченных полномочий царской власти. По их мнению, народное представительство с неизбежностью ограничит права монарха, но «в самом единении с народом, в союзе с землей», он получит высокую задачу быть верховным вождем свободного народа. Перед монархией открывается миссия возвыситься над бесчисленными частными интересами, над односторонними целями разных классов и партий. Она станет арбитром, «умиротворяющим началом» в резкой политической борьбе, национальной и социальной, для которой открывается широкий простор провозглашением политической и гражданской свободы ⁵. Октябристы предлагали царю вариант, сохранявший за ним значительную власть, но одновременно усиливавший полномочия парламента.

В социальной сфере октябристы-дворяне были готовы к определенным уступкам крестьянам, признавая аграрный вопрос «самым острым, самым больным вопросом на пространстве почти всей великой России». Октябристы, находя положение страдавшего от малоземелья крестьянства тяжелым, считали требования крестьян об увеличении наделов справедливыми. Удовлетворить их просьбу они собирались раздачей им через особые земельные комитеты пустующих государственных земель, а также поощряя покупку крестьянами наделов у частных владельцев при посредстве Крестьянского банка. В

крайнем случае, они были готовы поддержать принудительное отчуждение части земель у дворянского сословия с обязательным вознаграждением владельцев, составлявшее одно из главных требований более радикальной кадетской партии ⁶.

Вместе с тем, они подчеркивали, что при наделении крестьян землей нельзя делать основную ставку на сокращение помещичьего землевладения: отбирать землю у частных землевладельцев, значит уменьшать производительность страны, способствовать ее обнищанию. Дворянское землевладение и так тает на глазах. Раздел помещичьей земли не решит крестьянского вопроса — «не количество земли, а ее производительность разрешает вопрос народного благосостояния». «Наша беда с аграрным вопросом состоит в том, что мы не можем всего этого объяснить народу... он нам не верит... Крестьянина у нас перехватили социалисты» ⁷. Проблему крестьянского малоземелья, по их мнению, частично решало переселение крестьян за счет государства в другие регионы страны, прежде всего в Сибирь, и переход от общинного землевладения к частному. Эти мероприятия позднее легли в основу столыпинских аграрных преобразований, что, несомненно, способствовало сближению октябристов со Столыпиным ⁸.

На меньшие уступки были готовы октябристы-буржуа, больше думавшие об интересах российской промышленности, а не рабочих. Но ведь стремление защитить промышленность было типичным проявлением для либерализма. «Союз думает, что рабочий вопрос не может быть решен удовлетворительно в интересах самих же рабочих без поддержки промышленности вообще...» ⁹ Среди предложений октябристов выделялось установление законодательным путем максимального времени рабочего дня (не восьмичасового, но все же ограниченного) на основании всестороннего парламентского изучения рабочего вопроса ¹⁰.

Октябристы предлагали наиболее реалистичную программу из всех консервативных и либеральных партий России. К сожалению, они составляли меньшинство в либеральном лагере, и их программа не могла устроить большинство приверженцев либеральных идей, отдававших симпатии другой партии — кадетской. Кадеты развернули критику октябристов, называя их скрытыми единомышленниками черносотенцев. Член Ярославского отдела кадетской партии М.П. Бобин публично обвинял «партию 17 октября» в том, что за ней стоит капитал, порабошающий трудящийся класс. «Мы желали бы быть в Думе, чтобы мешать октябристам хозяйничать на Руси» ¹¹. В октябристскую партию, по словам Бобина, входят люди знатные, сановные и богатые, высшее чиновничество и дворянство ¹². Бобин призывал слушателей «колебаться только между конституционно-демократической партией и партиями, которые стоят левее» ¹³.

Противостояние кадетов и октябристов по дихотомии капитал-наемные работники действительно имело существенное значение. Бобин подчеркивал, что интеллигентский характер кадетской партии связывает ее с наемными работниками. В частности, он говорил о бесправии приказчиков, находящихся в полном подчинении хозяев ¹⁴. Предприниматели, напротив, видели в октябристах защитников. Они неоднократно обращались к ним с записками, в которых информировали октябристское руководство о сложном положении российской

промышленности. «Мы до сих пор не смотрим на наше отечество как на промышленную страну. У нас до сих пор думают, что в России, как стране земледельческой, все заботы должны быть отданы земледелию...» — жаловались саратовские купцы¹⁵.

Два фланга русского либерализма — левый и правый (кадетская партия и «Союз 17 октября») предлагали обществу принципиально разные модели реформ. Первые, предполагая, что их поддерживает весь народ, обращались к власти языком категоричных требований. Вторые стремились предотвратить возможный социальный взрыв и делали главную ставку на соглашение с властью.

Кардинально повлиял на тактику октябристской партии конфликт двух лидеров «Союза 17 октября» — Д.Н. Шипова и А.И. Гучкова. Первоначальным лидером Союза был Д.Н. Шипов, дворянин и крупный землевладелец. Длительное время он боролся за единство всего либерального движения, представляя земскую часть русского либерализма. Столкнувшись с радикальными настроениями интеллигенции, Шипов был вынужден пойти на разрыв с ней и начал создание собственной организации — «Союза 17 октября»¹⁶. В первый год существования Союза на его позицию сильно влияла психология его основателя — принципиального сторонника соблюдения каждой буквы закона. Дмитрий Николаевич был крайне неудобен для правительства, требуя от него невозможного — проведения реформ в полном объеме в условиях почти что гражданской войны, развернувшейся в 1905—1907 гг., считая что «... объединенное правительство (Совет министров) обязано вводить положения манифеста 17 октября независимо от своего успеха в деле устранения прямых проявлений беспорядка»¹⁷.

Заявление Гучкова о правильности роспуска I Государственной думы и о поддержке октябристами правительства Столыпина вызвало категорическое несогласие Шипова. Он заявил о выходе из партии и переходе в партию мирного обновления, которая занимала промежуточное положение между кадетами и октябристами. Ее образовали, с одной стороны, члены «Союза 17 октября» П.А. Гейден и М.А. Стахович, продолжавшие оставаться в его рядах вплоть до самого завершения рассматриваемого конфликта, и бывший кадет Н.Н. Львов, вышедший из прежней партии сразу же после роспуска I Думы. В первом воззвании обновленцы торжественно заявляли: «Мы отстаивали в Государственной думе увеличение площади крестьянского землевладения, уравнение всех в свободах и перед законом». В программу этой партии вошли многие положения кадетской партии¹⁸.

Ранее, летом 1906 г., во время председательства Шипова, в Союзе намечался сдвиг влево. Октябристы были готовы сблизиться с кадетами и, как шаг в этом направлении, предполагали объединиться с партией мирного обновления. Такой шаг казался неизбежным. 24 августа кадетская «Речь» сообщала, что вскоре состоится общеимперский съезд партий мирного обновления и «Союза 17 октября». Причем, прекратить существование после их слияния должен был «Союз 17 октября»: члены Союза намеревались перейти в партию мирного обновления. На воззвании об объединении стояла и подпись Гучкова¹⁹.

Однако опубликованное в том же номере «Речи» заявление Гучкова вызвало раскол в октябристской среде. Центральный комитет

Союза, рассмотрев на трех заседаниях, 14, 15 и 18 сентября, спор Гучкова и Шипова, почти единодушно высказался в пользу Александра Ивановича, посчитав, что, поскольку правительство Столыпина приступило к решительному подавлению революционного движения, «Союз 17 октября» не может примкнуть к неистовой травле этого правительства, которую развернули левые партии ²⁰. Огульные нападки на правительство, подчеркнул ЦК, способны поколебать в народном сознании государственное начало и надолго задержать конституционное развитие России ²¹.

С уходом Шипова планы слияния отпали, и октябристы взяли курс на совместную работу с правительством: 29 октября 1906 г. Гучков стал председателем Союза. Уход Шипова не изменил либеральной природы партии. Наоборот, впервые появилась надежда на сотрудничество правительства с либеральной партией, а либералы получили шанс на приобщение к власти ²².

Разделял октябристов и правых крестьянский вопрос, отношение к возможной поддержке крестьянами радикальных воззрений усиливающейся крупнейшей социалистической партии — социалистов-революционеров. Традиционалистская часть дворянства недооценивала влияние эсеров на крестьянство, полагая, что договорится с ним. Черносотенцы, веря в монархизм крестьян, ожидали, что крестьяне останутся равнодушными к программе эсеров. Но таких иллюзий не испытывала более умеренная часть дворянства, то есть октябристы, видевшие, что эсеры представляют угрозу для всей правящей элиты. Столыпин ²³ считал эсеров самой опасной партией для России — не просто России монархической, России для богатых, но России как страны и государства в целом.

Это была рациональная точка зрения. Выбранная эсерами тактика, с полуанархической программой, направленной против российской государственности, вела к элементарному распаду страны. Она практически полностью уничтожала государство. «Социалистическое общество, — писали эсеры, — прежде всего не государство, а самоуправляющийся союз производительных ассоциаций, сельскохозяйственных общин-коммун и синдикатов индустриальных рабочих...», которые связываются между собой исключительно на добровольных началах (по стовору) в целях обмена производимой ими продукцией и услугами ²⁴.

Легко представить, что произошло бы при реализации эсеровской программы. Страна, привыкшая к централизованному управлению, получала бы слабую, номинальную власть. В таком случае сразу же почувствовали бы ничем не ограниченную силу те, кто был в большинстве, то есть народные массы. Крестьяне, прежде угнетаемые, начали бы гонения на прежнюю элиту. Несложно догадаться, какой размах это могло приобрести. Многомиллионные массы вскоре перестали бы считаться и с партией, сделавшей их привилегированным классом общества. Отдельные проявления этого беспорядка частично наблюдались в февральской России — с той лишь разницей, что эсеры действовали тогда вместе с другими политическими силами и, следовательно, не могли до конца реализовать свои намерения. А потому общая картина в феврале получалась мягче той, какая могла быть при иных обстоятельствах. Но и этого хватило, чтобы понять, насколько слабо представляют эсеры действительные настроения на-

рода. Они не понимали, какой опасности подвергают страну, разжигая в народе революционные настроения. Столыпин полагал, что предотвратить приход к власти эсеров можно лишь проведением внутренних преобразований. Он считал более вероятным победу не большевиков, а эсеров, за которыми стоял самый многочисленный класс русского общества — крестьянство. Вот почему центральное место в столыпинских планах занимала аграрная реформа.

Насколько опасна была, по мнению Столыпина, для России эсеровская угроза, говорит и его желание не допустить участия России во внешнеполитических конфликтах. Пока в стране не улучшится положение крестьянства, существует опасность, что в случае войны эсеры воспользуются ухудшением положения народных масс и на волне народного недовольства захватят власть. «Пока я у власти, я сделаю все, что в силах человеческих, чтобы не допустить Россию до войны, пока не осуществлена целиком программа, дающая ей внутреннее оздоровление. Не можем мы меряться с врагом внешним, пока не уничтожены злейшие внутренние враги величия России — эсеры»²⁵. Таким образом, октябристы и стоявшие за ними слои государственной власти серьезно относились к этой партии. Не оставались в долгу перед ними и эсеры, постоянно разоблачавшие октябристские круги, как представлявшие наибольшую опасность для торжества революции. «Октябристов, как официальную, правительственную партию, рассматривать как самую вредную и вероломную партию, не делая никакого различия между ними и откровенными черносотенцами»²⁶ — заявляли они.

В результате принятия нового избирательного закона 3 июня 1907 г. октябристы стали крупнейшей фракцией в Думе, получив 154 места. Председателем Государственной думы избрали октябриста Н.А. Хомякова²⁷. Это было большой победой Столыпина, объединившего и сплотившего такие разнородные политические силы как либералы-октябристы и умеренную часть правого лагеря. Образовавшийся в ходе выборов в III Государственную думу единый правый блок, сумевший в итоге провести 147 депутатов, распался на первых же думских заседаниях на две фракции: умеренно правых и крайне правых. Причем большинство избранных в Думу лиц перешло в умеренно правую фракцию, готовую работать совместно с правительством (лидеры П.Н. Балашов, В.А. Бобринский)²⁸. В 1908 г. на базе фракции была создана партия Всероссийский национальный союз. Ее идеологом стал известный публицист М.О. Меньшиков. Тактика русских националистов нацеливалась на сохранение и упрочение политической системы, сложившейся в результате «третьеиюньского переворота». Русские националисты оказывались в роли ситуативных консерваторов «постманифестной монархии». На первый план в их деятельности выходила безусловная лояльность к правительству, назначенному императором²⁹.

Столыпин видел в октябристах двигатель реформ, а в правых — силу, закрепляющую пройденный путь. Союз правых и октябристов призван был объединить власть и общество и постепенно преодолеть противоречия между ними³⁰.

Казалось, планы Столыпина приобретают реальные основы³¹. Решительность Столыпина вызывала восторг октябристов. Гучков го-

ворил: «Наши политические группировки определяются в настоящий момент не столько внутренним содержанием партий, их задачами и программами, сколько... фактом того или другого отношения к революции, к революционному способу борьбы. Революция, а не правительство является помехой к обновлению нашего отечества. Я не только считаю политику репрессий по отношению к революционному террору совместимой с вполне либеральной, даже радикальной общей политикой, но я держусь того мнения, что они тесно между собой связаны»³².

Данное высказывание предназначалось для кадетов, не соглашавшихся с жесткими методами подавления социалистических партий, применяемыми Столыпиным³³. Новый избирательный закон кадеты называли дворянской конституцией: «государство наше помогает сильным помещикам, да крупным магнатам капитала»³⁴. Октябристы, напротив, были уверены, что бывают моменты, когда умеренные элементы должны спланиваться вокруг верховной власти и сказать решительное нет попыткам радикалов вовлечь страну в гражданскую войну.

Аграрная реформа обязана была окончательно вырвать саму основу существования левого радикализма. Прежде, чем начинать политические реформы, считал Столыпин, правительство должно расколоть крестьянство, далекое от идеалов либерализма, как единый класс, и снизить его удельный вес в общей массе населения. Он полагал, что малоземелье связано не с тем, что много земли принадлежит помещикам — как раз количество помещичьих земель с каждым годом сокращается — а с тем, что в стране слишком много крестьян. В среднем каждые 8 из 10 граждан России являются крестьянами, и численность крестьян с каждым годом продолжает расти. Значит, ну-жен процесс раскрестьянивания³⁵.

Община — институт, спланивающий крестьян, постепенно должна ликвидироваться. Если предоставить право свободного выхода из общины, независимо от ее согласия, влияние общины ослабнет. Крестьяне, получившие землю в собственность, станут помехой для радикального крестьянства³⁶. Столыпинская аграрная реформа носила ярко выраженный антикрестьянский характер, поскольку была направлена на раскол крестьянства как единого класса. При этом одновременно она имела прогрессивный характер, создавая условия для развития промышленности исходом крестьян из деревни, и, повышая удельный вес буржуазных отношений в обществе, способствовала более эффективному использованию земли³⁷.

Крестьяне, уловив внутренним классовым чутьем суть столыпинской реформы, в своем большинстве стали ее противниками. Крестьянские настроения во многом отражали программные документы революционно-социалистических партий народнического толка. Одним из них являлся циркуляр руководящего органа народно-социалистической партии (Организационного комитета), освещавшего для местных партийных групп вопросы тактики. В частности, здесь говорилось о важности организации в деревне борьбы с классом помещиков и направлении «усилий сельского населения на парализование закона 9 ноября... направленного к разрушению общины и расхищению ее земель»³⁸.

Крестьяне не спешили с выходом из общины. Даже среди земледельцев, закрепивших землю в собственность (а их было всего 21,8%), лишь пятая часть, то есть примерно 4 % от всего крестьянского населения, соглашались получить землю в отрубях. В отдалении от общинных земель им давался соединенный, единый земельный участок равный общей площади их земли. И только пятидесятая часть из них, то есть менее 0,1 от одного процента крестьянства в целом, решалась переходить на хутора, где, ведя полноценное фермерское хозяйство, полностью отрывалась от крестьянского мира. Остальные же крестьяне, даже при закреплении земли в собственность, оставались на территории общины и фактически продолжали жить ее интересами ³⁹.

Следовательно, столыпинская земельная реформа не встретила большого одобрения у крестьян, и ее проведение могло осуществиться только при содействии помещиков. Однако этого как раз и не произошло. Первоначально, в период подавления революционного террора, правые были готовы согласиться на аграрную реформу по-столыпински. Учредительный съезд Всероссийского союза землевладельцев соглашался предоставить крестьянам «широкое право свободного выхода из общины, с землею» ⁴⁰. По мере снижения крестьянского террора дворяне отворачиваются от Столыпина, заявляя, что «объединенное дворянство» беспокоит «октябризм» Столыпина.

Опасения помещиков были оправданы — столыпинские преобразования направлялись на общую капитализацию страны. Намерения Столыпина предусматривали отчуждение в пользу крестьян части помещичьих земель. Но все-таки в немалой степени учитывали и интересы помещиков. Поэтому Столыпин рассчитывал на понимание с их стороны. Удайся его реформа, помещичье землевладение еще на какое-то время сохранилось бы, и его ликвидация, по планам Столыпина, должна была произойти относительно мирно. Но помещики не желали уходить с политической сцены, только теперь поняв его далеко идущие цели. Насаждение правительством мелкой крестьянской собственности грозило дворянам ускоренным сокращением их землевладения и появлением новой, демократической силы, мирное сосуществование с которой представлялось им весьма проблематичным ⁴¹.

Неприятие консервативным дворянством политики Столыпина находило идеологическую опору в позиции Союза русского народа, заявлявшего, что партии центра (октябристы и националисты) не выражают русских интересов, а навязывают державному народу чуждый для него образ жизни, толкая Россию «не в сторону усовершенствования ее самобытности», а в направлении Запада ⁴². Обвинения правых имели порой и реальные основания. Среди многочисленных скандалов, пришедшихся на период работы III Думы, одним из самых заметных оказался конфликт, состоявшийся в январе 1908 г. и вызванный намерением правых фракций дать правовую оценку поездке кадетского лидера П.Н. Милюкова в США, преследовавшей задачу затруднить российскому правительству получение кредита на Западе в связи с роспуском в России I Государственной думы.

Конечно, это было эхо уже прошедших событий, тем не менее, правые депутаты нашли закономерный повод для критики октябристов, от которых потребовали жестко осудить кадетов за подрывные действия против российского государства. Октябристы попали в не-

простую ситуацию: поддержать приверженцев «народной свободы» они никак не могли, а против принципиального осуждения последних возражало левое крыло фракции. В ночь на 25 января 1908 г. у октябристов произошли бурные прения, затянувшиеся до 2 час. ночи. В итоге 70 % фракции высказалось за осуждение непатриотичных действий кадетов. На фракционное решение повлияло обширное письмо, полученное из Берлина от члена партии, адвоката Ф.Н. Плевако, советовавшего не оставлять Милюкова безнаказанным. На состоявшемся на следующий день пленарном заседании октябристы выразили протест против действий кадетской партии. Но «союзные» депутаты не были до конца удовлетворены октябристским демаршем, требуя от тех полного разрыва с думскими радикалами ⁴³.

По мнению крайне правых идеологов, революция в 1907 г. не закончилась, а перешла в тихую форму «мирного завоевания». Ортодоксальная часть СРН от критики Государственной думы переходила к критике правительства и лично Столыпина. «Нынешняя Дума пала бы, если бы ее не поддерживала разноплеменная бюрократия... под главенством П.А. Столыпина» ⁴⁴. Усиление власти премьера, по мнению «союзников», вело к ослаблению авторитета императора ⁴⁵.

А. Борк, автор одной из статей в органе Дубровинского Союза русского народа «Русском знамени», увещевал октябристов образумиться и перестать надеяться на либерализацию режима. «Поймите, наконец, что в России... возможны только две партии: красная и черная, революционеры-грабители и монархисты-патриоты. Поймите это и присоединитесь к нам... порвав с революционерами, какими бы масками они не прикрывались» ⁴⁶.

Столыпин стремился избавиться от настойчивого желания правых опекать его деятельность. Чтобы показать независимость от них, он добился принятия закона о западном земстве вопреки мнению большинства в Государственном совете — второй законодательной палате, утверждавшей законы, принятые Государственной думой. Правые члены верхней палаты не утвердили закон о введении земских учреждений в западных губерниях России, принятый Государственной думой, в связи с тем, что он понижал избирательный ценз, необходимый для избрания в земские учреждения, и предоставлял возможность вхождения в состав земств более широким слоям населения, прежде всего крестьянам-столыпинцам. Столыпин добился, наряду с исключением лидеров правых П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова из Государственного совета, отпуска на несколько дней обеих палат парламента (Государственной думы и Государственного совета), чтобы в этот временной промежуток правительство приняло этот закон ⁴⁷.

Подобным методом Пётр Аркадьевич хотел показать левым сторонникам (октябристам), что еще способен противостоять правым. Но неожиданно для него октябристы возмутились тем, что Столыпин, борясь за принятие закона, умалил prerogatives парламента. Отпуск палат угрожает целостности конституции, и потому возможности компромиссного разрешения обострившегося кризиса нет. Лидер октябристов Гучков, ставший к тому времени уже председателем Государственной думы вместо другого октябриста — Хомякова, 15 марта 1911 г. ушел с поста председателя Думы ⁴⁸.

Однако перед этим Гучков написал Петру Аркадьевичу письмо, в котором объяснил мотивы своего поведения, назвав действия Столыпина по применению статьи 87 тяжким ударом по достоинству и самостоятельности законодательных учреждений. Гучков обратился к Столыпину со следующими словами: «Вы знаете, каким горячим и убежденным Вашим сторонником я был до последней минуты, Вы знаете, как дорожил я Вашей победой... как глубоко ненавистны были мне люди, являющиеся и Вашими врагами, как в частности я поддерживал закон о западном земстве». Обращение Гучкова завершалось словами: «И все же я должен сказать Вам: шаг, который Вы делаете, роковой шаг не только для Вас лично (здесь Гучков был совершенно прав, этот шаг стал роковым и для самого Гучкова. — С.Х.)... но и для России, для той обновленной России, которая Вам так дорога и для которой Вы так много сделали»⁴⁹.

Незадолго до своего ухода из жизни Столыпин еще раз попытался объяснить депутатам обеих палат цель проводимой им политики. В Думе Столыпин апеллировал преимущественно к октябристам, доказывая необходимость шага, который он недавно предпринял, — роспуска законодательных учреждений: «Припомним, господа... установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государственную думу, признание здесь их обычно недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет; в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А, в конце концов, в результате царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах»⁵⁰.

Столыпин честно признавался в причинах неудач. В Думе не нашлось большинства, поддерживающего законопроекты в чистом виде. К тому же у нее не было возможности провести принятые ею законопроекты дальше своих стен. Думское законодательство было «дорогой», «не приводящей никуда», ибо на пути реформ стояли не желающие их силы, располагающие большинством в Государственном совете. И вся система превратилась в итоге в систему «гармонически законченной законодательной беспомощности»⁵¹.

Но была ли в этом вина Столыпина? Лидер кадетов Милюков уверял, что неудача октябристов доказывает его правоту в 1906—1907 гг., когда он не пошел на сотрудничество с властями. «Ближайшая к нам в то время партия справа была партией “октябрьского манифеста”. Она поставила именно ту задачу — стовориться с властью и оказать ей “поддержку”, выполнения которой требовали от нас. Что же смогла она выполнить эту задачу? И если нет, каковы были препятствия? Не те ли самые, которые стояли — или встали бы — перед нами. Нам отвечают: но ведь именно вы имели авторитет в общественном мнении и должны были повлиять на него в требуемом смысле. Наш ответ ясен: наш авторитет был производным фактом от нашей политической позиции; он упал бы тотчас до уровня октябристов, если бы мы согласились делать их политику»⁵².

Милюков был не прав. Октябристы были более уязвимы, поскольку для черносотенцев они представлялись почти революционерами, а социалистам, и даже многим либералам, казались пособниками черносотенцев. Естественно, такая партия не могла быть двигате-

лем реформ, но не потому, что не хотела, а потому, что не могла. Для успешного проведения реформ она была слишком малозначительной силой. Иное дело — кадеты, находившиеся на стыке двух мощных сил: власти и народа. По социальному происхождению кадеты, несомненно, были близки к власти, также являясь «господской партией», что по существу делало реальным их приход к власти. С другой стороны, жесткая радикальность их программы при определенных условиях была способна заинтересовать народные массы. Но успешной политика конституционных демократов могла быть при условии ее осуществления под контролем монарха. А для привлечения его на свою сторону от кадетов требовалось сотрудничество с властью.

И в партии были люди, готовые к такой политике. Правое крыло кадетской партии видело героические попытки октябристов наладить взаимодействие с властью. Они понимали, что октябристы делают нужное дело⁵³. В 1909 г. правые кадеты выпустили сборник статей «Вехи», в котором пытались доказать ошибочность тактики кадетского большинства в 1905—1907 годах. Русское общество, говорили они, считало своим врагом только правительство и нежеланием сотрудничать с ним дало перевес правым. В поражении дела свободы виноваты исключительно либералы. «Когда на другой день после 17 октября в России не оказалось достаточно сильных и влиятельных в населении лиц, чтобы крепкой рукой сдержать революцию и приступить к реформам, для проникательных людей стало ясно, что дело свободы временно проиграно, и пройдет много лет упорной борьбы, пока начала этого манифеста воплотятся в жизни», — писал правый кадет А.С. Изгоев⁵⁴.

Эту мысль осознало и кадетское большинство. Уже через неделю после роспуска II Думы, в газете «Речь» — центральном партийном органе кадетов — появилась статья, написанная с большой симпатией к октябристам. Октябристы, писалось в ней, обнаружили во II Думе приверженность конституционным началам, в отличие от левых, социал-демократов и трудовиков, показавших «безнадежную неспособность здравого политического понимания»⁵⁵. В статье торжественно заявлялось: «вопрос о сближении кадетов с октябристами на будущих выборах возникает естественно, в виду нового избирательного закона». Немалое место в статье уделялось самокритике прежней кадетской тактики. «Бывшие друзья слева» своей доктринерской тактикой сыграли на руку «заговорщикам справа» — опыт II Думы полностью подтвердил бесперспективность союза с революционерами. «При этих условиях, идея союзного выступления на выборах «конституционного блока», во имя борьбы за сохранение конституции и народного представительства, напрашивается сама собою»⁵⁶.

И хотя «Речь» писала, что говорить о каких-либо соглашениях между партиями рано, это была попытка сближения с октябристами. 18 июля октябристы в своем органе «Голос Москвы» дали согласие на сближение с кадетами⁵⁷. Октябристы предлагали кадетам предвыборное соглашение, цель которого заключалась в том, чтобы «не допускать в Думу ни реакционных сил крайней правой, ни революционных элементов крайней левой». Центральной в статье стала следующая мысль: «пора бы бросить губящую Россию рознь двух этих партий и войти перед предстоящими выборами хотя бы в техническое согла-

шение между собою». Кадетам рекомендовалось в ходе выборов не поддерживать партии, находившиеся в политическом спектре левее их, а октябристы брали обязательство вести предвыборную борьбу с правыми силами⁵⁸. Показательно, что октябристы были готовы в предлагаемом соглашении пойти намного дальше, вплоть до образования в будущем на базе трех либеральных партий (кадетов, октябристов и мирнообновленцев) единой партии и, чтобы все из сливающихся партий были равноправны, дать ей нейтральное название — Всероссийская русская национал-либеральная партия⁵⁹.

Но теперь вопрос сближения либеральных партий зависел не от них. Поскольку правые партнеры Столыпина, националисты, соглашались сотрудничать с правительством только при условии, что октябристы не будут сотрудничать с кадетами, в официозе правительства, газете «Россия», вышла статья, требовавшая от октябристов разрыва отношений с кадетами. Октябристов предупреждали, что коалиционные действия с фракцией партии народной свободы будут рассматриваться правительством как их готовность «перейти границу, отделяющую III Думу от позорной памяти первых двух Дум», подтверждающую правоту тех, кто отрицает возможность существования народного представительства в России. И Столыпин, оказав давление на октябристов, сорвал малейшую возможность союза с кадетами⁶⁰.

Впрочем, переживать октябристам не приходилось. Уже 11 июня, на следующий день после знаменательной статьи в «Речи», допускавшей вероятность соглашения с октябристами, Центральный комитет кадетской партии решил не вступать в предвыборные соглашения ни с какими партиями и идти на выборы самостоятельно. «Не мирясь с положением дел... резко отграничивая себя от тех, кто подобно Союзу 17 октября, признает его (принятие нового избирательного закона. — С.Х.) государственной необходимостью, партия не может лишить избирателей, разделяющих ее взгляды, наиболее действительного способа выразить отношение населения к совершившимся событиям». Кадетские руководители подчеркивали, что лишь такая победа принесет им моральное удовлетворение, но на самом деле это было доктринерством, обрекавшим партию на поражение⁶¹.

В результате у октябристов оставалось гораздо меньше рычагов, позволявших давить на Столыпина, чем у правых. Октябристы делали все, что было в их силах, чтобы исправить эту ситуацию. Выступая в Государственной думе 22 февраля 1910 г., Гучков публично предъявил претензии правительству, медлившему с проведением реформ. Эта речь стала апогеем критики правительства со стороны октябристов при Столыпине. Гучков заявил: «Мы вместе с представителями других партий, сидящих здесь, в центральной части этого зала, находим, что действительно наступило в стране успокоение прочное... При наступивших современных условиях я и мои друзья уже не видим прежних препятствий, которые оправдывали бы замедление в осуществлении гражданских свобод, тех свобод, которые манифестом 17 октября, как вы помните, поставлены рядом с политической свободой». Говорил он и о больших препятствиях для законодательной работы, исходящих от Государственного совета. «И вот в этих последних препятствиях (со стороны правых. — С.Х.) я вижу главную угрозу для всей работы нового строя»⁶².

Заканчивалась речь Гучкова знаменательными словами: «Мы, господа, ждем», что выражало его крайнее недовольство положением дел в стране и было первой публичной попыткой воздействовать на власть, заставить ее реформировать политическую систему более активно⁶³. Поэтому то, что произошло в 1911 г., стало полной неожиданностью. Приняв закон о введении земства в западных губерниях с использованием 87 статьи Основных Законов, Столыпин хотел освободиться от назойливой опеки правых сил. Реакция Гучкова на его действия поразила Столыпина. К завершению правительственной деятельности Петра Аркадьевича привели не усилия черносотенцев, а демарш октябристов⁶⁴.

Когда в 1913 г. Гучков стремился разорвать отношения с правительством не в характерной для себя публичной форме на партийной конференции, в своем выступлении от 8 ноября он назвал Столыпина исполином и признал, что заметным фактором общественной жизни октябризм смог стать во многом благодаря ушедшему премьер-министру⁶⁵. Но все это произойдет потом, когда исправить что-либо будет невозможно. А тогда, в мартовские дни 1911 г., Гучков сделал стратегический выбор, предопределивший дальнейшую судьбу и своей партии, и премьер-министра. Действия Столыпина давали октябристам последнюю возможность продолжения реформ. В дальнейшем, до самого конца в феврале 1917 г., никаких призывов во власть к октябристам больше не поступало. Впереди оставалось скатывание в оппозицию.

Российский либерализм начала XX в. представлял нежизнеспособное явление: большинство его представителей были органически не способны к государственной деятельности. Все дееспособное в нем связывалось с именем Гучкова. Он должен был стать крупным государственным деятелем. В 1906 г. Александр Иванович совершил мужественный поступок — поддержал власть в критический для нее момент. Союз Гучкова с Николаем II объективно укреплял режим. В том, что этот союз в итоге не сложился, есть большая доля вины Николая II, но это не снимает ответственности с Гучкова.

Примерно к 1910 г. у него ухудшились отношения с императором⁶⁶. Неслучайность конфликта с Николаем II да, пожалуй, и со Столыпиным, проявилась еще в 1908 г., когда Гучков открыто выступил с критикой порядка управления, сложившегося после 1905 г. в военном ведомстве, где с созданием нового органа — Совета государственной обороны — из-под контроля военного министра вышли генерал-инспекторы родов русских войск и начальник Генерального штаба. Все они, будучи великими князьями, принадлежали к императорскому дому. Позиция Гучкова косвенно направлялась против великих князей. Г.Ю. Афанасьев видит в мае 1908 г. начало оппозиционного поворота Гучкова. Впервые на практике лидер партии, декларирующей патриотически-державные цели, подверг критике порядок управления вооруженными силами монархом-самодержцем. Тактика лидера проправительственной фракции по существу перестала казаться верноподданнической⁶⁷.

В этот сложный период Гучков занял пост председателя Государственной думы вместо Хомякова и получил право прямого доклада императору, но его аргументы на Николая II никакого впечатления не

производили. В то же время, состоявшееся выдвижение Гучкова, по мнению октябристских соседей слева, кадетов, принесло выгоды только власти. Сближение нового руководителя Думы с правительством вело к ослаблению конституционных тенденций центра и его готовности послушно проводить националистическую политику кабинета Столыпина⁶⁸. Поэтому у Гучкова постепенно нарастало сильное раздражение по отношению к фракции националистов, с которой ему приходилось контактировать. Особенно возмущало лидера октябристов мнение, что инициатором создания блока с ними выступил сам Гучков⁶⁹. Ему не нравилось тесное сотрудничество премьер-министра с националистами: он стремился к публичной демонстрации более радикальной, левой тактики⁷⁰.

Подобные обиды и предопределили поведение Гучкова. Роковое решение 1911 г. принималось им в состоянии озлобления, и его своеволие привело к поражению Столыпина. Ведь в марте 1911 г. Столыпин как никогда близко подошел к проведению радикальных реформ⁷¹. Николай II после согласия оставить Столыпина на посту премьер-министра не мешал ему продолжать реформаторскую деятельность. Новейшие исследования показывают, что Столыпин вполне мог и дальше оставаться на занимаемом посту. Происходило не крушение, а трансформация правительственного курса: начинался подход к демократизации системы местного самоуправления⁷². Завершить свою деятельность премьера вынудили именно октябристы. Гучков предпочел путь, ведущий в стан оппозиционеров.

В этой связи немаловажное значение приобретал вопрос о том, как смотрели на конфликты, происходившие вокруг правительства Столыпина и Государственной думы, левые партии? Социал-демократы полагали, что от замены Столыпина кем-либо другим пролетариату «терять нечего». Борьба Столыпина с Дурново за влияние на Николая II и даже борьба Гучкова с Дубровиным «будет не борьбой классов... а лишь борьбой клик... внутри правящей шайки»⁷³. По мнению Ф.И. Дана, правящий блок в III Думе сложился в целях борьбы с рабочим классом, стремившимся в ходе политической революции обрести «экономические завоевания»⁷⁴. Господство октябристов, полагали социалисты, привело страну к полной общественной придавленности и политическому застою при продолжении социально-экономических процессов, мощно двинутых вперед «недолгими днями первых вспышек открытой революции»⁷⁵. При таком отношении к себе различных оппозиционных и революционных партий, включая кадетов, октябристам было нельзя рассчитывать на лидерство в оппозиционных кругах в случае открытого разрыва с властью.

Со смертью Столыпина в октябристских рядах с неизбежностью начался серьезный кризис. В партии преобладало разочарование от незавершенности реформ, которые намеревался осуществить премьер-министр. Один из партийных лидеров, Шидловский, от имени октябристской фракции заявил, что «за истекшие пять лет деятельности в этой Думе мы кроме разочарования ничего не получили»⁷⁶. Октябристы потерпели тяжелое поражение на выборах в IV Государственную думу: их представительство там сократилось в полтора раза — со 154 до 98 депутатских мест. А лидер Союза Гучков и вовсе не прошел через сито выборов, был забаллотирован и не попал в состав IV Думы⁷⁷.

Но виновны в этом во многом были сами октябристы, не пошедшие за Столыпиным до конца и бросившие его в самый сложный момент. Усиливавшиеся с 1909 г. контакты премьера с националистами вовсе не означали равнодушия к октябристам ⁷⁸. Для создания прочного большинства в Думе, Петру Аркадьевичу было необходимо сближение националистов и октябристов. Объединение их усилий позволяло создать мощный центр, способный проводить радикальные реформы ⁷⁹.

Стратегический курс партии в послестолыпинский период определялся на упоминавшейся конференции 8 ноября 1913 года. Главной фигурой совещания стал официальный лидер Союза Гучков, требовавший от конференции объявления об открытом переходе в оппозицию: «Государственная дума и в частности, “Союз 17 октября”, самым ходом вещей вынуждены перейти к оппозиционной тактике в отношении данного правительства и данного правительственного состава...» ⁸⁰

Настроения в партии были не столь однозначными. Правой позиции, осуждающей линию Гучкова, придерживались авторы резолюции Тверского отдела, направленной перед конференцией в ЦК: «... всякая борьба “центра с кабинетом” не соответствовала бы... уставу Союза, учрежденного для борьбы и с революцией и с реакцией, ибо совместная работа с правительством и после смерти Столыпина вполне возможна и необходима...». На самом совещании с критикой радикалов в октябристских рядах выступил представитель центра Н.И. Антонов, заметивший в своем выступлении: «Парламентская фракция многочисленна — правое и левое крыло не так велики, но о них много говорили, а о многочисленном, более спокойном и уравновешенном центре умалчивали...» ⁸¹

Анализ итогового постановления конференции показывает, что мнение Гучкова учли, но приняли более взвешенный, спокойный вариант резолюции. Было признано, что правительство не стремится к реализации положений Манифеста 17 октября и, более того, противодействует его выполнению, и потому октябристской фракции в Думе следует законными средствами противостоять вредным проявлениям правительственной деятельности. Вместе с тем, в постановлении указывалось, что нельзя ограничиваться «борьбою с надвигающейся реакцией» и надлежит продолжать регулярную законодательную деятельность, нацеленную на внесение в Думу законопроектов, обеспечивающих проведение в жизнь манифеста 17 октября ⁸².

Гучков потерпел на конференции крупное поражение, не убедив в своей правоте большинство партии. Это прояснилось на заседании ЦК 6 декабря, когда стало понятно, что во фракции произошел раскол. На заседание прибыли председатели новых фракций М.В. Родзянко и М.М. Алексеенко, сообщившие Гучкову, который, будучи председателем ЦК, не мог быть членом октябристской фракции, так как не стал депутатом IV Думы, что ЦК не правомочен руководить фракцией ⁸³. Раскол фракции наглядно подтверждал, что радикализм Гучкова партией пока не одобряется. Его сторону в конфликте заняли всего 22 депутата, образовавшие фракцию «Союза 17 октября». Большинство, стоявшее на центристских позициях, составило фракцию земцев-октябристов из 65 человек во главе с председателем Думы

Родзянко. Противоречия между двумя возникшими фракциями были бесспорны. Земцы-октябристы категорически не соглашались на блок с кадетами, хотя не хотели оставаться в одной фракции и с правыми октябристами. Правые октябристы, выделившиеся в группу беспартийных, по-прежнему тяготели к сотрудничеству с консервативными силами. Эта группа проявляла готовность, как и ранее, быть проводником правительственных предначертаний в Думе ⁸⁴.

Партия, в своей основе, сопротивлялась намерениям Гучкова превратить ее из проправительственной в оппозиционную ⁸⁵. Октябристское большинство еще не было готово к долгосрочным отношениям с фракциями, находившимися в Думе левее их ⁸⁶. Гучков жестко настаивал на необходимости создания блока с либеральными партиями. Перед самой войной, в 1914 г., выступая на заседании ЦК, он призывал однопартийцев быть готовыми к тому, чтобы на выборах в следующую, V Думу, «октябристы шли бы вместе с кадетами и прогрессистами». По его убеждению, передовые элементы России обязаны встать на путь согласованного легального протеста против политики правительства и отдельных личностей, вроде Григория Распутина ⁸⁷.

Думается, что на самом деле, октябристов и тех же кадетов разделяли слишком большие разногласия, и, похоже, они могли объединиться лишь на основе отрицания власти, что в конечном итоге и произошло в 1917 г., но такое объединение ничего хорошего стране не принесло. За объединение же в обычный период последовательно выступали исключительно партийные меньшинства — правое у кадетов, и левое у октябристов. Для октябристского большинства в реальности была характерна более осторожная позиция, ярко проявившаяся на ноябрьской конференции 1913 года. «Работа оппозиции в Государственной думе и около Думы ничего кроме вреда стране не приносила... оппозиция продолжает свою прежнюю тактику... причиняющую неисчислимы ущерб делу проведения в жизнь основ, провозглашенных в манифесте 17 октября». В итоговом постановлении конференции проводилась мысль, что фракция должна сохранять в Думе автономность и вступать в соглашения с другими фракциями лишь по отдельным вопросам, ни с кем не заключая стратегических соглашений ⁸⁸.

Однако активность Гучкова, взявшего курс на присоединение к оппозиционным силам, не могла остаться без последствий. Путь, избранный им в марте 1911 г., прямо вел к марту 1917 года. Как ни сопротивлялась партия октябристов, воля Гучкова тащила ее в оппозицию. В годы войны Гучков намного превзошел Милюкова по степени непримиримости. Изначально он видел в Милюкове революционера, желавшего совершить в России бунт, а себя воспринимал защитником устоев. Теперь все изменилось. По замечанию Гучкова, Милюков хотел отныне всего лишь «потрясти основы», чтобы наверху сменилась группа лиц. Это была борьба за исполнительную власть, и, как писал октябрист, «какая-нибудь комбинация с Кривошеиным» вполне удовлетворила бы оппозиционеров из Думы ⁸⁹.

А.В. Кривошеин, в прошлом соратник Столыпина, стремясь консолидировать Государственную думу и правительство, добивался в ходе войны у Николая II права сформировать правительство с участи-

ем думских деятелей. При стремлении к созданию нового правительства он ориентировался на Милюкова и полагал, что правительство с ним останется лояльным к монарху ⁹⁰. В воспоминаниях Гучкова, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации, Александр Иванович признается, что Кривошеин намеревался доверить ему в этом кабинете место военного министра. Гучков подтверждает, что отказываться от вхождения в данное правительство не собирался, но включение в него не изменило бы его прежних планов, нацеленных на персональное отстранение от власти Николая II ⁹¹.

Следовательно, личная жажда мести делала Гучкова радикальнее. Шедшая за Гучковым группа считала себя главным наследником власти в случае ее падения, ведь за ней стояли могущественный класс промышленников и симпатии значительной части офицерско-генеральского корпуса действующей армии. «Группа все свои надежды и упования основывает на исключительной уверенности в неизбежности в самом ближайшем будущем дворцового переворота...» ⁹²

Обострение конфликта изменило ситуацию и внутри Думы. Если в начале войны ее председатель, умеренный октябрист М.В. Родзянко, вел себя сдержанно, предлагая в частной беседе министру финансов П.Л. Барку распустить Думу до конца войны ⁹³, то позднее он с большим азартом включился в борьбу с правительством. По остроумной характеристике, данной в Петроградском охранном отделении, «дельцы» Прогрессивного блока возглавлялись «перешедшим в оппозицию и упорно стремящимся к “премьерству” председателем Государственной думы — шталмейстером Родзянко» ⁹⁴. Переход Родзянко в оппозицию означал, что вместе с ним переходила в оппозицию и основная часть «Союза 17 октября».

Компромиссы в начале 1917 г., если и были возможны, исходили только от власти. По сведениям начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачёва, отъезд государя в Ставку, состоявшийся в 2 час. дня 22 февраля ⁹⁵, не отменял принятого им накануне решения о формировании либерального правительства, а лишь откладывал его реализацию. «Уже после переворота (февральского. — С.Х.), когда я встретился с бывшим министром юстиции Добровольским в одном из мест заключения, он мне говорил, что указ об ответственном кабинете был подписан Государем и находился у Добровольского в письменном столе; он должен был быть обнародован через Сенат, на Пасху ⁹⁶.

Откладывание принципиального решения оказалось роковым для российского государства. В 1917 г. Пасха приходилась на 2 апреля, и если бы даже в 1917 г. не произошел февральский разлом, до 2 апреля, по всей видимости, Гучковым был бы совершен дворцовый переворот. Николаю II не собирались предоставлять возможности завершить начатую им организацию весеннего наступления.

Сбывалось пророчество левого кадета В.П. Обнинского, предсказанное в книге «Последний самодержец», изданной в Берлине незадолго до войны, где высказывалась мысль, что, если начало войны будет неудачным, то даже происшедший в ней перелом не спасет режим. «Армия, воодушевленная общим сочувствием нации, может на военном театре перейти тогда к успехам, но ими уже не воспользуется прежний царь или прежнее правительство, которые будут сверг-

нуты восставшим народом»⁹⁷. К концу февраля подготовка к наступлению вышла на стадию практического осуществления⁹⁸. Армия тщательно готовилась, и самый злостный критик правительства Милюков признавал, что ни о каком поражении в начале 1917 г. речи не шло: в самом худшем случае война могла завершиться «вничью» — «миром без победы»⁹⁹. Но именно в начале 1917 г. конфликт либералов с властью достиг апогея и кончился сменой режима.

В 1927 г. в письме к известному либералу-патриоту, стороннику идеи Великой России Струве, Гучков страстно писал о том вреде, который принесло России увлечение ее элитарного слоя революцией. «Каким первоклассным человеческим материалом располагала Революция в своей борьбе против Власти! И притом в неправом деле. Ибо Власть, при многих своих недостатках была права, а Революция, при многих своих достоинствах, была неправа. И поэтому революционная, террористическая борьба против этой власти была неправым делом»¹⁰⁰.

Казалось, что наступило раскаяние. Но нет! Себя Александр Иванович ни в чем виноватым не считал. Он был всегда прав и всегда был против революции. Хотя на самом деле никто из либеральных политиков не сделал, в конечном счете, столько для торжества революции, как Гучков, готовый по-прежнему, как и накануне 1917 г., вести борьбу с властью, установившейся в России в ходе революции, до полного ее уничтожения. В прошлом решительный борец против терроризма, Гучков призывал вести борьбу с Советской Россией, используя террористические методы: «...никогда еще в истории вообще, а в частности в истории нашего отечества не был в такой степени указан террор, как средство борьбы с властью, как именно в настоящий момент в России»¹⁰¹.

Гучков сравнивал установившийся в революционной России строй с самодержавием. То есть «противник революции» продолжал борьбу с монархией, хотя и новом воплощении. Однако он сильно переоценивал свое значение «среди русских групп», больше не являясь безоговорочным лидером оппозиции, как это было перед Февралем. Об этом говорит отношение к нему монархистов, в том числе поддерживающих великого князя Николая Николаевича, дядю Николая II и Верховного главнокомандующего, на начальном этапе первой мировой войны. Их отношение перед Февралем к верховной императорской власти не сильно отличалось от тогдашней позиции Гучкова, но именно это и вменялось теперь ему в вину.

В еженедельнике Высшего монархического Совета от 16 августа 1925 г. рассматривался вопрос об отношении к монархии прежних революционеров. По мнению членов монархического Совета, среди революционеров появилось немало людей, честно желавших посвятить весь остаток жизни служению поверженной при их содействии монархии. Но смущение вызывают лица, участвовавшие в революции не по убеждению, «а по расчету». Люди этой стати позорно прогорели после того, как ценою солдатского мятежа во время войны и предательства, оказались на «минуту» у власти¹⁰².

Нельзя допустить повторения «мрачной памяти парламентского прогрессивного блока 1916 года», в смуте коего погибли многие правые, поверившие в искренность и патриотизм Милюкова с Гучковым

— подчеркивали они¹⁰³. Гучков вызывал закономерное неприятие со стороны многих монархистов, послушно шедших за ним в начале 1917 г., и больше не являлся лидером антибольшевистских сил. В среде белой эмиграции росло понимание того, что в создавшихся условиях альтернативы большевикам нет.

Примечания

1. ПАВЛОВ Д.Б., ШЕЛОХАЕВ В.В. Октябристы, «партия пропавшей грамоты». — Полис. 1993, № 2, с. 146—148.
2. ШЕЛОХАЕВ В.В. Столыпинская модернизация России. — Российская история. 2012, № 2, с. 35.
3. ГАЙДА Ф.А. Эволюция внутривластного курса П.А. Столыпина и думское большинство в 1910—1911 годах. — Российская история. 2012, № 2, с. 79
4. ПАВЛОВ Д.Б. «Союз 17 октября» в 1905—1907 годах: численность и социальный состав. — Отечественная история. 1993, № 6, с. 183; История политических партий России. М. 1994, с. 88.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 115, оп. 1, д. 13, л. 71об.
6. Там же, д. 1, л. 27.
7. Там же, д. 11, л. 27, 33, 36об.
8. Там же, д. 1, л. 27об.
9. Голос Москвы. 21.VII.1907.
10. ГА РФ, ф. 115, оп. 1, д. 1, л. 27об.
11. Северная речь (Ярославль). 28.I.1907.
12. Государственный архив Ярославской области (ГА ЯО), ф. 906, оп. 1, д. 273, л. 2об.—3.
13. Северная речь. 28.I.1907.
14. ГА ЯО, ф. 906, оп. 1, д. 273, л. 2об.
15. ГА РФ, ф. 115, оп. 2, д. 15, л. 26.
16. ЛЕОНТОВИЧ В.В. История либерализма в России. 1762—1914. М. 1995, с. 477—478.
17. ГА РФ, ф. 115, оп. 1, д. 140, л. 1—2.
18. ДАН Ф., ЧЕРЕВАНИН Н. «Союз 17 октября». В кн.: Общественное движение в России в начале XX века. Т. III. Кн. 5. СПб. 1914, с. 196.
19. Там же, с. 197—198.
20. ГА РФ, ф. 115, оп. 2, д. 11, л. 83—84.
21. ДАН Ф., ЧЕРЕВАНИН Н. Ук. соч., с. 203.
22. СЕНИН А.С. Александр Иванович Гучков. — Вопросы истории. 1993, № 7, с. 71—72.
23. П.А. Столыпин нельзя считать октябристом в полном смысле слова. Он не был членом «Союза 17 октября», разделял далеко не все программные положения октябристской партии, но активно сотрудничал с октябристами (октябристом был его младший брат А.А. Столыпин). Его можно назвать выдвинутым того слоя, к которому принадлежали октябристы. См.: Российские либералы: кадеты и октябристы. М. 1996, с. 16—17.
24. ГУСЕВ К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975, с. 48—49.
25. ШТУРМАН Д. О вождях российского коммунизма. Кн. 1. Париж-М. 1993, с. 288, 290—291.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 274, оп. 3, д. 9, л. 1об.
27. БОРОДИН А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М. 2004, с. 95.
28. САНЬКОВА С.М. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908—1917). Орел. 2006, с. 48, 116; КОЦЮБИНСКИЙ Д.А. Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М. 2001, с. 31.
29. РАЗМОЛОДИН М.Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль. 2010, с. 146, 150.
30. БОРОДИН А.П. Ук. соч., с. 161—162.

31. ШУЛЬГИН В. Хранитель. Традиция консервативного самобытничества в думских речах Петра Столыпина. — Родина. 2009, № 1, с. 75.
32. ШЕЛОХАЕВ В.В. Партия октябристов в период первой русской революции. М. 1987, с. 112.
33. ГА РФ, ф. 518, оп. 1, д. 39, л. 10.
34. КАЗАНИНА Л.Ю. Кадеты о социальной политике правительства П.А. Столыпина (по материалам газеты «Речь»). — Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008, № 3, с. 6.
35. ЗЫРЯНОВ П.Н. Пётр Столыпин: политический портрет. М. 1992, с. 66—67.
36. КЛИМИН И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб. 2002, с. 279.
37. ПАРАМОНОВ В.Н., КАЛЯГИН А.В., КОРОТАЕВА Т.В. Проблемы альтернатив в отечественной истории XIX—XX веков. Самара. 1992, с. 32—33.
38. ГА ЯО, ф. 906, оп. 4, д. 1048, л. 6.
39. АНФИМОВ А.В. Незаконченные споры. — Вопросы истории. 1997, № 6, с. 55; ЕФРЕМЕНКО А.В. Земская альтернатива столыпинской приватизации. Ярославль. 1999, с. 4.
40. БОРОДИН А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа. — Вопросы истории. 1993, № 9, с. 37.
41. ЗЫРЯНОВ П.Н. Ук. соч., с. 48.
42. РАЗМОЛОДИН М.Л. Русский вопрос в идеологии черной сотни. Ярославль. 2010, с. 83.
43. ГА РФ, ф. 892, оп. 1, д. 60, л. 1об.
44. Там же, ф. 116, оп. 1, д. 751, л. 26.
45. Там же, д. 631, л. 4, 27.
46. Русское знамя. 11.III.1907.
47. ХОТУЛЕВ В.В. Пётр Столыпин: трагедия России. М. 1998, с. 311—314, 317—318.
48. ФЁДОРОВ Б.Г. Пётр Столыпин: «Я верю в Россию». Биография П.А. Столыпина. Т. 1. СПб. 2002, с. 524—525; КИРЬЯНОВ И.К., ЛУКЬЯНОВ Н.М. Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. Пермь. 1995, с. 90.
49. ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 693, л. 1—2.
50. ДЯКИН В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л. 1978, с. 233—234.
51. Там же, с. 234.
52. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания. Т. 1. М. 1990, с. 319.
53. МАКЛАКОВ В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк. 1954, с. 377—378.
54. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. М. 1990, с. 123.
55. ДЯКИН В.С. Ук. соч., с. 69—70.
56. Речь. 10.VI.1907.
57. ДЯКИН В.С. Ук. соч., с. 72.
58. Голос Москвы. 8.VII.1907.
59. ГА РФ, ф. 115, оп. 2, д. 15, л. 33.
60. АЛЕКСЕЕВА И.В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907—1917 годы. М.-СПб. 2009, с. 92.
61. ГА РФ, ф. 518, оп. 1, д. 39, л. 10об.
62. Российские либералы: кадеты и октябристы ..., с. 159—160.
63. Там же, с. 161—162.
64. Александр Иванович Гучков рассказывает ... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М. 1993, с. 112.
65. Российские либералы: кадеты и октябристы ..., с. 164, 167.
66. ГУРКО В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М. 2007, с. 311—312.
67. АФАНАСЬЕВ Г.Ю. Речь А.И. Гучкова в III Государственной думе 27 мая 1908 г. и ее общественно-политический резонанс: выигрыши и просчеты. В кн.: Таврические чтения—2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция. Сб. научных статей. СПб. 2011, с. 183—184, 189—191.

68. ГА РФ, ф. 523, оп. 1, д. 30, л. 51—51об.
69. САНЬКОВА С.М. Ук. соч., с. 117.
70. ГАЙДА Ф.А. Ук. соч., с. 81.
71. Незадолго до гибели в сентябре 1911 г. Столыпин подготовил план обширных государственных реформ. В разговоре с дочерью, М.П. Бок, Столыпин говорил, что для подавления революции Россию пришлось сжать в кулаке, но теперь его следует разжать. Предполагалось учреждение семи новых министерств: труда, местного самоуправления, национальностей, социального обеспечения, исповеданий, обследования и эксплуатации природных богатств. Расходы по их созданию требовали увеличения госбюджета в 3 раза. Предусматривалось введение бессословного земства, снижение в 10 раз имущественного ценза, чтобы допустить в земство владельцев небольшой недвижимости. См.: СМЕРНОВ А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг.: Историко-правовой очерк. М. 1998, с. 381.
72. ГАЙДА Ф.А. Ук. соч., с. 81, 87.
73. РГАСПИ, ф. 341, оп. 1, д. 319, л. 12—13.
74. Там же, д. 248, л. 3.
75. Там же, л. 2.
76. ДЁМИН В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906—1917. М. 2006, с. 97, 103.
77. История политических партий России ..., с. 106.
78. АВРЕХ А.Я. П.А. Столыпин и судьба реформ в России. М. 1991, с. 134.
79. ГАЙДА Ф.А. Ук. соч., с. 80; САНЬКОВА С.М. Ук. соч., с. 117.
80. ГА РФ, ф. 115, оп. 2, д. 43, л. 18.
81. Там же, л. 4об., 21.
82. Там же, л. 32.
83. ВИШНЕВСКИ Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М. 1994, с. 161.
84. ДЯКИН В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л. 1988, с. 152; Октябристы. В кн.: Политическая история России в партиях и лицах. М. 1993, с. 125.
85. ВИШНЕВСКИ Э. Русские буржуазные партии в период нового революционного подъема (1910—1914 гг.). Дисс. докт. ист. наук. М. 1992, л. 476.
86. ЕГО ЖЕ. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны ..., с. 126, 129.
87. ГА РФ, ф. 102, оп. 244, д. 147, л. 4.
88. Там же, ф. 115, оп. 2, д. 43, л. 4, 32.
89. Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 16.
90. ГАЙДА Ф. «Начинается расплата», или «Священное единение» на русский лад. — Родина. 2010, № 10, с. 90, 93.
91. ГА РФ, ф. Р-5868, оп. 1, д. 117, л. 9—10.
92. Там же, ф. 111, оп. 5, д. 669, л. 116.
93. ГАЙДА Ф. «Начинается расплата»..., с. 92.
94. ГА РФ, ф. 111, оп. 5, д. 669, л. 113об.
95. Там же, ф. 601, оп. 1, д. 265, л. 62.
96. ГЛОБАЧЁВ К.А. Правда о русской революции. — Вопросы истории. 2002, № 9, с. 60.
97. ОБНИНСКИЙ В.П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М. 1992, с. 251—252.
98. РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1030, л. 15.
99. ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 2214, л. 3.
100. Там же, ф. Р-5868, оп. 1, д. 15, л. 30.
101. Там же, л. 28.
102. Там же, ф. Р-5847, оп. 1, д. 210, л. 1.
103. Там же, л. 1об.

Граф П.А. Шувалов и П.П. Альбединский: карьера и политические взгляды друзей-сановников

Р.И. Порошин

Аннотация. В публикации рассказывается о двух видных деятелях эпохи царствования Александра II: шефе жандармов графе Петре Андреевиче Шувалове и генерал-губернаторе Остзейского края Петре Павловиче Альбединском. Их взаимоотношения рассматриваются на фоне такого сложного региона Российской империи как Остзейский край (Прибалтика) в 1860—1870-х годах. Широко известно мнение, что оба государственных деятеля занимали «аристократическую» и «прогерманскую» позиции, но автор приходит к выводу, что их взаимоотношения были гораздо сложнее и богаче.

Ключевые слова: граф П.А. Шувалов, П.П. Альбединский, Остзейский край, Балтийские провинции, Александр II, международные отношения, окраины Российской империи.

Abstract. This article talks us about two prominent of the reign of Alexander II: shefe gendarmes earl Pyotr Andreyevich Shuvalov and Ostsee governor-general Peter P. Albedinsky. As the field for the consideration of their relationship is selected complicated region of the Russian Empire — the Baltic provinces (Ostsee governorates) in the 1860-1870-ies. Despite the fact that it was widely believed the solidarity, “aristocratic” and “pro-German” positions of the two statesmen, the author comes to the conclusion that their relationship was much more complex and multifaceted.

Key words: earl P.A. Shuvalov, P.P. Albedinsky, Ostsee governorates, the Baltic provinces, Alexander II, interethnic relations, outskirts of the Russian Empire.

Время правления императора Александра II подарило России множество известных государственных деятелей. Далеко не все из них были профессиональными чиновниками, бюрократами, которым довелось прославить царствование монарха-освободителя. Среди сановников, окружавших императора, было большое число блестящих молодых аристократов, людей, как правило, несклонных и неподготовленных к долгой, монотонной работе. Чаще всего из соображений престижности они выбирали для службы военную стезю, потому что на ней мог-

Порошин Роман Иосифович — аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: roland42@yandex.ru.

Poroshin Roman I. — graduate student of Moscow State University, named after M.V. Lomonosov. E-mail: roland42@yandex.ru.

ли проявить себя лучше всего. Эта молодежь, сформировавшаяся при Николае I, по словам военного министра Д.А. Милютина, «мало знакомая с делами государственными и порядками служебными, брала своею беспредельною самонадеянностью, ловкостью, способностью к интриге, умением бойким разглагольствованием пускать пыль в глаза»¹. По мере взросления, молодым аристократам в случае отсутствия серьезных карьерных недоразумений, становилась доступной государственная служба. Главным условием для назначения на какой-либо ответственный пост являлось наличие хорошего места, которое, с одной стороны, должно было быть относительно по плечу сановнику, а, с другой, — соответствовать высокому происхождению соискателя.

Классическими представителями подобного типа государственных людей при императоре Александре II были граф Пётр Андреевич Шувалов и Пётр Павлович Альбединский. Друзья в молодости, они сблизились в ходе Крымской кампании. В дальнейшем в их отношениях происходили перемены, в них вплетались и начинали доминировать политические нотки. Интересно проследить за личностными и политическими отношениями этих двух влиятельных и известных сановников, вышедших из одного круга, понять, каковы были отношения Шувалова с конкретным представителем его окружения из «шуваловской партии»². Особенно ярко палитра их взаимоотношений проявлялась в вопросах, относящихся к Прибалтийскому краю. Важно рассмотреть, какими соображениями с 1866 по 1870 г., когда Альбединский был генерал-губернатором в Остзейском крае, этот дотоле неискушенный в гражданском управлении политик руководствовался в своей деятельности. Рассмотрение вопроса о том, в какой степени шаги и меры, предпринимаемые Альбединским в том или ином случае, находили понимание или встречали антипатию со стороны его друга Шувалова, обладавшего большим весом в правительственных сферах, важно для понимания отношений двух крупных сановников царствования Александра II.

В 1866—1874-х гг. Шувалов занимал пост шефа жандармов и главного начальника III Отделения, был членом Государственного Совета. Альбединский же в 1866—1870-х гг. являлся рижским генерал-губернатором. Оба деятеля в один год стали генерал-адъютантами. Это высокое звание было пожаловано им на Пасху 1866 года. Оба были сравнительно молоды (Шувалов родился в 1827 г., а Альбединский — в 1826).

До этих высоких взлетов карьера сановников складывалась следующим образом. Назначения на первые важные государственные посты Шувалов и Альбединский получили практически одновременно. 6 января 1865 г. Альбединский был назначен начальником штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, а Шувалов 15 декабря 1864 г. — рижским генерал-губернатором³. Но их возвышение началось еще в годы Крымской войны. Шувалов и Альбединский находились в осажденном Севастополе, жили там на общей квартире, стали героями обороны, занимались организационной работой в армии по части снабжения, командовали подразделениями и получили награды за проявленную храбрость (по крайней мере, такова информация послужных списков). Альбединский был даже ранен, «но, как

кто-то зло выразился о нем, ранен прилично, насколько было ему нужно, как выпадает на долю лишь подобных счастливых»⁴. После окончания войны Шувалов, Альбединский и Н.В. Левашов были назначены в свиту графа А.Ф. Орлова, направлявшегося на Парижский конгресс, где они участвовали в переговорах, получали дипломатический опыт и покоряли сердца умением танцевать и галантными манерами.

Большую роль в их выдвижении на крупные государственные посты сыграли общие для «блестящей молодежи пятидесятых годов» качества, которые с легкой руки Ю.Ф. Самарина получили название «генерал-адъютантского нигилизма». Известный мемуарист Е.М. Феоктистов, лично знакомый с Альбединским, так писал о генерал-адъютантах: «Возьмите обыкновенного смертного: как бы ни было велико его честолюбие, он все-таки сознает, что есть сферы, в которые не подобает ему проникать, которые должны быть для него навсегда закрыты. Другое дело генерал-адъютант. Это — универсальный специалист. Нет такой деятельности, которую он считал бы не по плечу для себя; без малейших колебаний он готов испробовать свои силы на чем угодно — на управлении финансами, иностранной политикой, церковными делами и т.п. Замечательно, что не только он сам убежден в совершенной основательности своих притязаний, но и другие смотрят на них его глазами»⁵. Феоктистов, таким образом, создал облик генерал-адъютанта, к которому можно отнести Альбединского, Шувалова, С.А. Грейга, А.Е. Тимашева и ряд других савонников. Но Альбединскому, с которым он был дружен, Феоктистов посвятил больше всего страниц своих мемуаров, причем собрал о нем большое количество негативного материала и светских сплетен.

Одним из главных качеств блестящего генерал-адъютанта должна была быть расчетливость. Относительно Альбединского в высшем обществе бытовали слухи о его дальновидной женитьбе на близкой подруге, а, возможно, и любовнице Александра II — Александре Сергеевне Долгорукой. Считалось, что таким путем Пётр Павлович хочет пробить себе дорогу ко двору, где у его будущей супруги были сильные позиции. Однако мы не имеем доказательств того, что императора и Долгорукую связывали отношения, заходившие дальше дружеских, да и о мотивах сватовства Альбединского судить сложно. К примеру, хорошо знавший Петра Павловича Феоктистов считал всю ситуацию вокруг женитьбы выдуманной и грязной, он не верил в интимные отношения императора и Долгорукой и не верил в брак по расчету со стороны Альбединского. Тому он приводил ряд доказательств, таких, как хорошие личные отношения императрицы Марии Александровны и ее фрейлины Долгорукой, «возвышенные и сентиментальные стремления» Александра II, который, по его мнению, искал в Александре Сергеевне лишь друга, душевная «тонкость» Альбединского. Но слухи оставались слухами, и именно они, как часто это бывает, формировали образ Петра Павловича в глазах современников. Показательным в этом плане стал роман И.С. Тургенева «Дым». «Когда появился роман “Дым”, то все говорили, что в лице Ирины изображена в нем m-me Альбединская», — писал о том времени Феоктистов⁶. Сам автор давал уклончивые ответы на вопрос о прототипе главной героини. Несмотря на это, публика продолжала «разгадывать» персонажей,

и в лице блестящего «баденского» генерала Ратмирова, мужа Ирины, был узан сам Альбединский ⁷. Публику даже не смутило описание Ратмирова в романе, где он предстает в том числе и как человек, «перепоровший пятьдесят человек крестьян» ⁸, что не могло соответствовать реальным нравам Петра Павловича, который в конце 1850-х — начале 1860-х гг. ярко не выражал своего отношения к крестьянскому вопросу, будучи сосредоточен на командовании лейб-гвардии Конно-гренадерским полком ⁹.

Оставивший богатое мемуарное наследие военный министр Д.А. Милютин считал Альбединского «человеком вполне придворным, ловким, гибким, находчивым» ¹⁰. Шувалов обладал практически всеми теми же качествами, а также властолюбием и желанием сделаться центральной фигурой в государственной политике, проявившимися на посту шефа жандармов. А.В. Головнин писал о нем относительно периода 1857—1860 гг., когда Шувалов был обер-полицмейстером Петербурга: «С его родством, придворными связями, богатством, ловкостью, светским образованием он легко мог бы достигнуть высших положений служебной иерархии, наград, отличий, обширного круга деятельности или, оставаясь в военной службе и начальствуя войсками, или в администрации, будучи генерал-губернатором или наместником, или в дипломатии, будучи послом. Понятно, если б он стремился к званию министра военного, внутренних дел, иностранных дел, фельдмаршала или наместника, но он предпочел полицейскую деятельность» ¹¹. В дальнейшем, по мысли Головнина, опыт, полученный в полиции, во многом определил методы работы и интересы Шувалова на постах шефа жандармов и главного начальника III Отделения, которые позволяли Петру Андреевичу оказывать значительное влияние на российскую внутреннюю политику и императора.

Тесные политические, а не только дружеские, взаимоотношения между Шуваловым и Альбединским начались с назначения последнего Остзейским генерал-губернатором, что стало ступенью в его восхождении к политическому олимпу. Этот регион, состоящий из трех губерний, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской, не был «взрывным» и нестабильным в 1860-х годах. Он выглядел мирно по сравнению с Привислянским краем и Кавказом — здесь не происходили антиправительственные восстания, а господствующей нацией были немцы, о которых Александр II отзывался, как о «своих верных слугах» ¹². Но, несмотря на это, в Остзейском крае существовал ряд нерешенных или решенных не полностью вопросов, важнейшими из которых были крестьянский, земельный, конфессиональный, сословный, судебный. Впрочем, сами по себе они не были «самоценны» в местных условиях. Остзейский край хранил в себе переплетение сложных межнациональных отношений: со Средних веков здесь установилось господство немецких баронов, лютеран по вероисповеданию, владевших землями и имевших свои представительные органы — ландтаги; большинство населения — коренные местные жители, эстонцы и латыши, исповедовавшие лютеранство и православие, были в основном крестьянами, зависящими от немцев; русское православное население было немногочисленным и группировалось в основном в городах.

Впервые разобраться в особой ситуации в Остзейском крае попытался Самарин в 1840-х годах. Его труд «Письма из Риги» произвел

большое волнение в умах. Не останавливаясь на его рассмотрении, отметим преемственность этого сочинения с более поздним периодом. Вполне естественно, что национальное и религиозное многообразие периодически могло вызывать конфликтные ситуации и создавать напряженную обстановку. Новый генерал-губернатор, судя по его действиям, очень хотел сохранить status quo, выстраивал отношения с немецким дворянством, но его старания были обречены на неудачу. Базисом, определявшим сложность ситуации, являлись даже не национальные отношения, а то внимание, которое придавалось им в Российской империи, особенно после польского восстания 1863—1864 годов.

Пожалуй, самым ярким мемуаристом, видевшим в Шувалове преданного друга балтийских немцев, был славянофил и видный государственный деятель Д.А. Оболенский. В своих мемуарах он не раз представлял фактические доказательства очевидной для него связи Шувалова и остзейских немцев. В 1869 г., когда Альбединский был остзейским генерал-губернатором, произошло резонансное в правительственных кругах событие. Рижский магистрат отказался выполнять один из указов Сената, который касался сервитутов. Сама возможность такого поступка и длившееся два года разбирательство в правительственных инстанциях дали возможность Оболенскому заключить: «Вообще, как это, так и многие дела свидетельствуют, что сила немецкой балтийской партии не только не ослабляется, но, напротив того, крепнет, ибо находит сильную опору здесь, и главное — в лице графа Шувалова»¹³. Характерно, что Оболенский не представил в описании данного конфликта свидетельств об участии в нем шефа жандармов или остзейского генерал-губернатора, но для него было очевидно, что, если остзейским немцам оказывается сочувствие в правительственных сферах, за ними стоит в первую очередь Шувалов.

Похожий для восприятия мемуариста случай был описан Оболенским в 1870 году. Лифляндский ландтаг подал на имя императора адрес, причем минуя генерал-губернатора Альбединского, в котором бароны «в сущности ничего не просят, ибо заключают вообще призывом к восстановлению их прав». Князю Оболенскому вновь было очевидно, что за столь дерзкой просьбой стоит покровительство шефа жандармов: «В заключение, они говорят, что обращаются к государю не как верно-подданные, а как к своему покровителю: все эти демонстрации немецких баронов доказывают, что они рассчитывают здесь на сильную поддержку графа Шувалова и что они хотят во что бы то ни стало заручиться теперь же какими-нибудь новыми аргументами или актами для укрепления своих прав, ибо чувствуют, что нынешнее царствование есть для них самое благоприятное и что оно, вероятно, последнее»¹⁴. По мнению князя Дмитрия Александровича, на подобный адрес вообще не стоило отвечать, однако император поручил специальной комиссии, в состав которой вошли Шувалов и Альбединский, составить ответ. В прессе вся история с лифляндским адресом была воспринята резко отрицательно. Даже либеральная газета «Голос» считала, что речь идет «об окончательном отделении трех наших губерний от государственного организма»¹⁵. Таким образом, мнение о том, что Александр II создает «балтийский вопрос», а граф Шувалов представляет интересы «немецкой партии» было распространено в обществе.

В то же время, очевидно, что яркими «германофилами» ни Шувалов, ни Альбединский не были. Они лишь вынуждены были носить на себе политические ярлыки, данные им теми, кто не поддерживал мягкую политику императора и правительства в Остзейском крае. Но как государственные деятели, Шувалов и Альбединский понимали важность сочетания на национальных окраинах империи разных методов, соединявших в себе не только культурную автономию для края, но и относительную русификацию. Проведение направленных на это мероприятий в принципе характерно для ряда стран в разное время.

Во взаимоотношениях Шувалова и Альбединского по вопросу Остзейского края, при общем согласии друг с другом, все же можно найти частные случаи несовпадения взглядов. Не нарушая их дружбу в общем и целом, эти частности создавали между государственными деятелями напряжение и провоцировали конфликт. Ярким примером этому было рассмотрение проекта о «мировых разбирательствах» в Остзейском крае, составленного юристом и правителем канцелярии прибалтийского генерал-губернатора А.А. Тидебелем. Проект предусматривал введение мировых судов с сохранением привилегий для дворян и судопроизводство на немецком языке¹⁶. Альбединский рьяно его поддерживал и в 1866 г. просил Шувалова оказать помощь в рассмотрении проекта в Петербурге. Там обсуждение проекта заняло около двух лет. Рижский генерал-губернатор был расстроен и в одном из писем к Шувалову перешел на личности, упрекнув своего друга в том, что тот не проявляет должного рвения в помощи проекту: «Весьма быть может, что различного рода обстоятельства ослабили в тебе те узы дружбы, которые так крепко связывали нас в продолжении двадцати пяти лет. — Допускаю вполне подобное явление и, не находя его необыкновенным, я прошу только тебя не ставить мне в укор, ежели в настоящем письме по старому обычаю я выскажу тебе попросту и без затей то именно, что у меня на сердце. Не могу приложить ума, как после всех данных тобою обещаний относительно проекта рассмотрения мирового разбирательства, составленного Тидебелем, ты со своими верными сподвижниками выдвигаешь какие-то непреодолимые препятствия в условленном ходе этого дела»¹⁷. Сложно сказать, какие препятствия имел в виду Альбединский, и для чего Шувалову их нужно было выдвигать. Скорее всего, в данном пассаже Петром Павловичем руководила не трезвая оценка ситуации, а эмоции. В подтверждение этого обращает на себя внимание то, что письмо было написано по-русски, а не по-французски, как обычно. Видимо, Пётр Павлович был крайне раздражен и находил, что по-русски он легче сможет донести свои мысли до адресата.

Ситуация усугублялась тем, что Альбединский ощущал недовольство местных баронов. Ему казалось, что Шувалов своим невниманием к проблеме нивелирует достигнутые генерал-губернатором хорошие отношения с местными дворянами, он не знал, как объяснить им столь долгое обсуждение проекта в Петербурге. Впрочем, далее Альбединский раскрывает свою мысль относительно того, кого он считает главным «сподвижником» Шувалова, мешающим делу рассмотрения проекта. Он считал своим соперником в этом деле министра внутренних дел Тимашева¹⁸. Между ним и Альбединским произошел конфликт — генерал-губернатору казалось, что министр, не

понимая нужд Остзейского края, хочет установить там свой контроль. Это рассматривалось Петром Павловичем как вмешательство в свою «вотчину», свою сферу ответственности, которую он дотоле делил лишь с Шуваловым. Упреки Шувалову Альбединский адресовал, вероятно, еще и потому, что было распространено мнение о Тимашеве как члене «шуваловской партии». К тому же близость, пусть и относительная, Тимашева к Шувалову могла быть не понятна Альбединскому, так как министр внутренних дел имел репутацию человека, не любящего остзейских немцев.

Тандем Шувалова и министра внутренних дел Тимашева постепенно укреплялся. Альбединский высказал по этому поводу критическое замечание: «Теперь властвует и всем распоряжается одна личность, и эта личность — Шувалов. Все министры, кроме Милютин и Зелёного, смотрят только на него и сообразуются в своих действиях только с его волей»¹⁹.

Подобные частные случаи, конечно, не вели к разрыву, но подготавливали конфликт, который разыгрался в 1870 г. и будет рассмотрен ниже. Частности провоцировали в Петре Павловиче неуверенность в целесообразности его нахождения в Риге, он не чувствовал себя комфортно, был вынужден лавировать между разными течениями: «Несколько лет сряду продолжал Альбединский свою генерал-губернаторскую деятельность, извиваясь, как змей, между противоположными направлениями и требованиями. Это были бесконечные жалобы на государя, который плохо поддерживает его, на Шувалова, который подставляет ему ногу на каждом ходу, на немцев, относившихся с презрительным равнодушием к его советам, и на нашу печать, будто бы закусившую удила»²⁰.

В принципе было очевидно, что шеф жандармов является лидером в отношениях между двумя сановниками. Альбединский был фигурой, во многом от него зависимой, что его, конечно, уязвляло, ведь начинали они карьеру с одинаковых стартовых позиций, «его не прельщала мысль сделаться послушным орудием Шувалова; тесная дружба соединяла их, в прежние годы они жили даже на одной квартире, но Альбединский при всем своем расположении к нему отнюдь не считал себя ниже его по способностям, да и честолюбия было у него не меньше. Шувалов с самого начала показал, что намеревается руководить им, требовал от него, чтобы он вполне подчинился его видам, Альбединский же считал оскорбительным для себя стать в подчиненные к нему отношения, идти в его хвосте и надеялся достигнуть всяких почестей, не нуждаясь в оскорбительном покровительстве своего приятеля»²¹.

Несмотря на отношения зависимости, стиль и взгляд на управление Остзейским краем у Шувалова и Альбединского во многом совпадали. Если говорить в общем, то они придерживались мнения Александра II: «Для общих государственных интересов нужны частные уступки»²². Причем это мнение хорошо сочеталось с речью, сказанной императором в Риге 15 июня 1867 г., когда он настаивал на том, что Балтийский край является неотъемлемой имперской территорией.

Поэтому магистральной линией политики в регионе была дружба царской администрации с немецкими баронами. Уступки, по мнению генерал-губернатора, должны были быть обоюдными. Будучи

человеком довольно мягким и нерешительным, Альбединский не всегда мог занять четкую позицию: «Он убеждал самих немецких дворян, что им следует сделать уступки, страшал их, что с каждым годом усиливается против них негодование русского общества, что если упустят они благоприятную минуту, то силой у них будет отнято то, от чего они не хотят отказаться добровольно, но увещания такого рода оставались, разумеется, совершенно бесплодными»²³. Петру Павловичу — сановнику, занесенному в такое непростое генерал-губернаторство — конечно, было сложно поддерживать на должном уровне авторитет петербургской власти и сохранять хорошие отношения с местной аристократией.

Те, кто не хотели следовать политике поддержания status quo, например, эстляндский губернатор М.Н. Галкин-Врасский, переводились на другие должности. Как следует из донесения главы эстляндского губернского жандармского управления полковника А.И. Лакса от 26 апреля 1871 г. (в это время Галкин уже был переведен на должность саратовского губернатора), у него не сложились отношения с местным дворянством. Он не только не был любим дворянами, но и обвинялся в грубости и крутых мерах, что вызывало их негодование и побуждало к протесту. В частности, они отказывались посещать православные храмы, в которых должны были находиться в особых протокольных случаях. Вероятно, Альбединский не смог стерпеть подобного конфликта в своей вотчине. Выбирая между эстляндским дворянством и эстляндским губернатором, он выбрал первых. Галкин был вынужден покинуть пост, а его место занял князь М.В. Шаховской-Глебов-Стрешнев, у которого с местной элитой «установились отношения мягкие», и при котором «духу противодействия нет более места»²⁴.

Новый эстляндский губернатор скоро начал страдать от того, что его предшественник стал пытаться переманивать к себе чиновников русского происхождения из его команды, сложившейся в Ревеле. Об этом он говорил начальнику эстляндских жандармов Лаксу, который, в свою очередь, сообщал полученные данные шефу жандармов. Ситуация грозила тем, что «постоянно продолжающийся перевод чиновников русского происхождения из Ревеля имеет еще и ту неблагоприятную сторону, что бросает ложный взгляд на отношения к русскому элементу в губернии губернатора князя Шаховского-Стрешнева, в русском патриотизме которого едва ли можно усомниться»²⁵. Несмотря на то, что данная ситуация создалась в 1871 г., когда Альбединский покинул генерал-губернаторство, Шувалова она, безусловно, должна была волновать. Дело в том, что оставивший в 1870 г. Остзейский край Галкин-Врасский в 1868 г. был на приеме у Шувалова, который буквально инструктировал будущего губернатора, как надо вести себя с остзейскими немцами: «Государь с ними сам говорит не иначе, как по-французски, они отстаивают свое судоустройство и городское управление. Государь не желает пока трогать ни того, ни другого. Пожалуйста, дружите, ездите в клуб, я сам с ними покучивал. Это они любят, а тут и дела можно будет обделывать»²⁶. Сам факт того, что Галкин-Врасский имел беседу с Шуваловым о прибалтийских делах, показателен — шеф жандармов не стеснялся вторгаться в сферу ответственности своего товарища Альбединского.

Более того, судя по упоминанию в беседе Александра II, Шувалов транслировал волю монарха.

И все же Шувалов не всегда мог правильно для себя (то есть так, чтобы не раздражать немцев) оценить ситуацию в крае. Он совершил как минимум одну существенную ошибку. В 1869 г. генерал-губернатор захотел назначить на освободившийся пост попечителя Дерптского учебного округа своего родственника, довольно бесцветного деятеля С.А. Апраксина. Бывший попечитель А.А. Кейзерлинг ушел неожиданно, не захотев, будучи лютеранином, несмотря на распоряжения Альбединского, присутствовать на молебствиях в православных храмах. Сложившаяся ситуация для Шувалова оказалась сюрпризом. Его могли огорчить два момента: во-первых, он мог увидеть в назначении Апраксина выгодную родственную синекуру, выдаваемую Альбединским, что для Шувалова, человека в личном плане честного и принципиального, было неприемлемо; во-вторых (и это главное), Шувалов хотел держать дела Остзейского края под своим контролем. Альбединский же с помощью назначения Апраксина подминал учебные дела под себя (было очевидно, что Апраксин — фигура пассивная и зависимая). Так Альбединский желал освободиться от патерналистской опеки Шувалова, которая должна была его тяготить. По свидетельству Феоктистова, получившего информацию от Альбединского, «Шувалов был глубоко оскорблен тем, что дело устроилось помимо его, он не мог простить Альбединскому таких поползновений к самостоятельности и в разговоре с ним откровенно высказал, что не в состоянии, конечно, помешать назначению его родственника, но употребит все усилия, чтобы обнаружить потом перед государем его совершенное ничтожество»²⁷. Пётр Павлович был расстроен и возбужден. Очевидно, он взвешивал, что хуже — прямая помеха назначению Апраксина или его дискредитация в глазах императора. Как бы то ни было, он был вынужден пойти на попятную. Нам представляется, что резкое объяснение между Шуваловым и Альбединским по поводу назначения Апраксина попечителем в Дерпт стало поводом оставления Петром Павловичем генерал-губернаторства в 1870 году. Этот со стороны абсолютно непонятный шаг вполне логичен, если уложить его в канву отношений Альбединского с шефом жандармов. К тому же конфликт, связанный с опекой Альбединского Шуваловым, назревал довольно давно.

Впоследствии попечителем Дерптского учебного округа в 1871 г. был назначен П.К. Жерве. Это произошло при генерал-губернаторе князе П.Р. Багратионе. Шувалов не возражал против этого назначения во многом потому, что Жерве был ставленником министра народного просвещения графа Д.А. Толстого. Неприятность состояла в том, что новый попечитель стал быстро подвергаться резкой критике со стороны немецких баронов. Так в идее сотрудничества власти и национального дворянства назревал внутренний конфликт. Начальник лифляндского губернского жандармского управления полковник А. Андреянов доносил Шувалову слова губернского предводителя дворянства фон Эттингена: «Мы обязаны собрать доказательства о неспособности Жерве к настоящей должности и настоятельно будем ходатайствовать об удалении человека, который не имеет понятия о сохранении нашими учебными заведениями того совершенства и бла-

гоустройства, которое служит нам ручательством хорошего воспитания и образования наших детей, священнейшего достояния нашего. Мы, в случае надобности, не убоимся утрудять об удалении Жерве даже Государя Императора»²⁸. Ссылка на императора, конечно, выглядела устрашающе в любом случае, даже если бы прошение на высочайшее имя не было принято. Шувалов мог ощутить приближавшуюся нестабильность в Остзейском крае.

Интересно заметить, что с назначением в 1870 г. на должность Остзейского генерал-губернатора Багратиона вместо Альбединского, количество дел в архивах III Отделения, посвященных Остзейскому краю, увеличилось. И это произошло несмотря на то, что Шувалов имел на Багратиона большое личное влияние. Система равновесия между правительством и немецким дворянством, создаваемая при Альбединском, пошатнулась. Об этом свидетельствует, в частности, мнение фон Эттингена, переданное Шувалову Андрееновым: «Он сказал мне, что дворянство еще не в праве сделать каких-либо положительных заключений о князе Багратионе и что вообще при оценке генерал-губернаторской деятельности следует быть умеренным, имея постоянно в виду его положение между требованиями правительства и домогательствами вверенного его управлению края. Мнением Вашего Сиятельства, — сказал мне предводитель, — князь Багратион так дорожит, так верит в верность Ваших взглядов, что не раз колебался при решении разных вопросов, тотчас соглашаясь с предводителем, если он объявлял ему, что и Вы разделяете его мнение»²⁹.

Назначение Багратиона вместо Альбединского было выгодно военному министру Милютину. Дело в том, что в высших сферах давно ходили слухи о том, что Пётр Павлович может стать преемником Дмитрия Алексеевича на посту военного министра³⁰. После 1866 г. и усиления консервативной группировки Милютин часто жаловался на ход правительственной политики и даже был готов подать в отставку. В 1868 г. разгорелся правительственный скандал вокруг газеты военного ведомства «Русский инвалид». Обвинив газету в том, что она, якобы, является вторым официальным государственным органом, дублируя «Правительственный вестник», шеф жандармов Шувалов и министр внутренних дел Тимашев добились ее превращения в военный орган. По словам Феокистова, услышанным в тот момент от Альбединского, Александр II, не понимая причины, по которой военный министр хочет подать в отставку, просчитывал варианты замены Милютина: «Государь тщетно старался успокоить его (Милютина. — *Р.П.*). От Альбединского я слышал будто он сказал Шувалову: “Не понимаю, из-за чего так горячится Милютин; неужели газета имеет такую важность в его глазах, что из-за нее он серьезно думает покинуть дело, над которым так долго трудился; я обнадеживал его, что он пользуется полным моим доверием; но если, несмотря на то, он будет упорствовать, то поневоле придется подумать об Альбединском”. Шувалов торжествовал, не мог скрыть своей радости и Альбединский, но, к горькому их разочарованию, Дмитрий Алексеевич не зашел так далеко, как бы им хотелось»³¹. Мы не можем утверждать или опровергать то, что император действительно думал о возможном назначении Альбединского, который был близкой к нему фигурой. Вполне вероятен вариант, что Шувалов, передавая свой разговор с

государем в таком тоне, хотел в политическом плане приблизить Альбединского к себе еще больше, показать, что, благодаря его усилиям, Пётр Павлович может стать военным министром. При таком развитии событий у Шувалова стало бы меньше сильных соперников в Комитете министров.

Милютин со своей стороны, критикуя существование Прибалтийского генерал-губернаторства, хотел провести мысль о его упразднении, руководствуясь военными целями. Это способствовало бы и ослаблению позиций Альбединского, но претворить идею в жизнь, по признанию военного министра, было невозможно. После отставки Альбединского и с назначением генерал-губернатором Прибалтики Багратиона стало возможно уничтожить Рижский военный округ, существование которого Милютин считал ненужным³². Этим решением вводилась децентрализация власти в регионе, которую в своих воспоминаниях признавал сам военный министр, и ослаблялись позиции Багратиона как нового начальника края.

В российских условиях в формировании (а не отображении) общественного мнения активно участвовала периодическая печать. Некоторые влиятельные русские журналисты и мыслители, в числе которых, в первую очередь, можно назвать редактора и вдохновителя «Московских ведомостей» М.Н. Каткова и автора нашумевших «Окраин России» Самарина, видели в остзейских немцах не верноподанных, а негативно настроенную к России массу дворян, желавших добиться возможно более широкого самоуправления, а в будущем примкнуть к бисмарковской Пруссии. Пресса рождала у консервативно настроенного русского дворянства мысли о желательности русификации и дегерманизации Прибалтики. Сложно сказать, когда и в каких именно случаях у остзейских баронов имелись пруссофильские намерения, но стоит признать, что отчасти они реализовались в результате первой мировой войны, что показывает актуальность вопросов относительно Остзейского края, поднятых прессой в 1860-е гг. и тогда же в некоторой степени подхваченных правительством.

Точка зрения представителей русской прессы целиком и полностью расходилась с мнением императора. Также она не была близка генерал-губернатору Остзейского края Альбединскому и шефу жандармов Шувалову, что создавало для них, людей практических и амбициозных, возможность не только утвердить свои идеи в крае, но и сблизиться на этой почве с Александром II, чего особенно желал Шувалов. Князь Оболенский подметил о Шувалове: «...Пользуясь слабостью государя к немцам, он знает, что, защищая при каждом случае балтийцев, он угождает царю и вместе с тем приобретает себе сильных друзей в немецком лагере»³³. Помимо этого, критика идей того же Самарина из «Окраин России» была широко распространена в среде местного немецкого населения.

Высоко держа имперский штандарт, лавируя между интересами края и интересами России, Альбединский довольно чутко относился к реакции общества на ситуацию в Остзейском крае. Поэтому он пытался наладить хорошие отношения с прессой. После польского восстания 1863—1864 гг. самым влиятельным русским журналистом был редактор-издатель «Московских ведомостей» Катков. С ним Пётр Павлович хотел завязать отношения, думая, что таким образом он

будет гарантирован от критики влиятельного печатного органа. Агентом, способным связать Альбединского и Каткова, был избран Феоктистов. Но, как передавал Евгений Михайлович, «задобрить» Каткова у Альбединского не получилось: «Познакомившись через меня с М.Н. Катковым, Альбединский рассыпался перед ним мелким бесом, проводил с ним целые часы в беседе, ездил к нему даже для этого в деревню — все это с целью подействовать на него в таком смысле, что вопрос о Прибалтийском крае находится в надежных руках и нет причин разжигать его в печати. Катков спокойно выслушивал эти соображения, и затем вдруг в “Московских ведомостях” появлялась громовая статья, приводившая в отчаяние Петра Павловича. В сущности, Катков никогда ни на грош не доверял ему»³⁴.

Весьма часто передовицы «Московских ведомостей» служили трибуной, с которой обсуждалось положение дел в Остзейском крае. Детальный разбор взгляда газеты на Прибалтику может составлять предмет специального исследования. Однако можно выделить наиболее часто звучавшие темы. Чаще всего критиковалась бедность крестьянского населения и германизация латышей и эстов: «Масса населения Балтийского края тяготеет к России и видит свое спасение и всю свою будущность в живом единении с ее народом. Эти бедные эстонские и латышские населения энергически упираются против попыток оторвать их от России... но надолго ли станет их сил в неровной борьбе, если дела будут идти тем же ходом, как шли доселе»³⁵, — это один из типичных пассажей «Московских ведомостей».

Отношение к действиям государственной власти в Прибалтике было «плавающим», но с преобладанием отрицательных нот. Интересно, что при генерал-губернаторстве Шувалова в начале 1866 г. «Московские ведомости» в частности отмечали пессимизм балтийских изданий, связанный с затуханием (как им казалось) значения местного самоуправления: «Решение вопросов, касающихся Балтийского края, отныне зависит не от органов местного самоуправления, а от центрального правительства, которое, без сомнения, будет соображаться не только с местными потребностями и желаниями, но и с общими интересами Империи»³⁶. Но потом деятельности государственной власти и новому генерал-губернатору Альбединскому (естественно, не называя имени), олицетворяющему власть на месте, давалась, как правило, резко негативная оценка: «...Меры, которые Россия принимает здесь в своем государственном интересе, не имели до сих пор серьезного значения. Это ряд каких-то робких попыток, над которыми издевается только противная партия и которые только ободряют и поджигают ее»³⁷.

Местная власть косвенным образом обвинялась в потворстве балтийской печати, отдельные статьи «Рижской газеты» назывались даже официозными. Напротив, «русскому направлению», по мнению «Московских ведомостей», оказывалось противодействие. Также газета обвиняла центральную власть в слабой цензуре остзейских газет³⁸.

Не пропускали «Московские ведомости» демонстрации остзейского дворянства, направленные на то, чтобы показать ущемление своих прав перед коронными чиновниками. За каждой демонстрацией газета Каткова видела руку Пруссии и Бисмарка. А по поводу одной из них писала: «Вот, как в Риге отозвались Кёниггрец и Садовая»³⁹,

имея в виду радость в Остзейских провинциях по поводу военных побед Пруссии над своими противниками в Германии.

Пытаясь «задобрить» Каткова, Альбединский вел двойную игру. Снижение накала публикаций «Московских ведомостей» нужно было не только ему, но и Пруссии. Поэтому в 1869 г. между Петром Павловичем и прусскими дипломатами, военным агентом Швейницем и послом принцем Рёйсом были установлены отношения с целью повлиять на Каткова. Агентом был избран все тот же Феокистов. От Каткова хотели, чтобы он периодически помещал в своей газете официальную прусскую публицистику, рассеивая тем самым неприязнь части русского общества к Пруссии вообще и Остзейским губерниям в частности. Совместные попытки прусских дипломатов и Альбединского выстроить диалог с Катковым закончились провалом (Михаил Никифорович даже опубликовал в своей газете сообщение о том, что его якобы пытались подкупить)⁴⁰. Однако, учитывая, что примерно в это время началось некоторое сближение Каткова с Шуваловым, инициированное, по-видимому, шефом жандармов, и то, что Альбединский по вопросам Остзейского края действовал почти всегда вместе с Шуваловым, можно предположить, что Шувалов пробыл почвой для сближения с Катковым первоначально на остзейском вопросе.

Помимо журналистов и публицистов, зорко следящих за ситуацией, правительственной политикой в Прибалтике, межнациональными отношениями и надзором за общим состоянием дел в крае занималось III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. В этом органе, возглавлявшемся графом Шуваловым, отложились документы, показывающие, чем интересовались сотрудники тайной полиции. Помимо этого по резолюциям начальника III Отделения и тем донесениям, которые доставлялись лично ему, можно реконструировать круг интересовавшихся Шувалова проблем и вскрыть его отношение к политике в крае своего друга Альбединского.

В 1866 г. III Отделение обратило внимание на ряд перлюстрированных писем из Парижа и Петербурга. Одним из адресантов был известный по своим «ультрарусским» взглядам чиновник, в прошлом директор Департамента духовных дел, В.В. Скрипицын. В письме к графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому, возмущаясь поведением немецких газет, он предлагал: «...Теперь надо всем русским соединиться дружно против внешних врагов, из коих первые, самые опасные и дерзкие немцы, потому что они не безмозглы, как поляки, и сидят у нас в сердце»⁴¹. Стоит заметить, что Скрипицын так писал о мирном регионе, коим являлся Остзейский край, и о Польше, где совсем недавно закончилось мощное восстание. Это, безусловно, показывает градус его нелюбви к немцам.

Еще одним автором перлюстрированных писем, доставленных в III Отделение, был историк В.И. Ламанский. В письме к своему брату, главе Государственного Банка Е.И. Ламанскому, начальником которого был министр финансов остзеец М.Х. Рейтерн, он в частности писал: «Следовало бы, конечно, но при нынешних обстоятельствах это только утопия, закрыть постепенно Дерптский университет. Пусть едут в Петербург. К чему тратить нам с лишком 200 000 рубл[ей] на образование 125 000 человек, на образование германское или, что теперь одно и то же, прусское? Пусть содержат на свой счет

хоть 10 университетов; но Государственное Казначейство не должно на них тратиться. Я уверен, первая Русская Дума или Собор это сделает». Тут видно, что антиостзейские настроения переплетаются с идеями о представительстве, которое одно может и должно, по мнению автора письма, восстановить справедливость. «Московские ведомости» тоже поднимали вопрос о больших затратах правительства на постановку учебной части в Остзейском крае. По их данным, правительство выделяло 400 тыс. руб. ежегодно, из которых только 5 тыс. руб. шло в русско-эстские и русско-латышские школы, а остальное оставалось немецким учебным заведениям ⁴².

Помимо критики образовательной части в Остзейском крае Ламанский писал, в какой-то степени высказывая мысль в духе бытового национализма: «У нас, Евгений, многие продолжают на тебя надеяться. Все хорошо понимают, что улучшение финансов должно стоять на первом плане. Мне, впрочем, сдается, что в этом отношении в высшей степени важно развитие и усиление нашего торгового и промышленного класса и его эмансипация от немцев-комиссионеров, от немцев-мастеров и прикащиков». Также он критиковал государственных чиновников, служащих Министерства иностранных дел, принадлежавших к немецкой нации: «Между тем все наши дипломаты и даже могущие их заменить воспитаны в школах Нессельродовских, да к тому же все немцы. Если они и откажутся или уже отказались мысленно от своих прежних понятий, то в пользу идей германских. Бисмарк для наших остзейцев стал полубогом».

Можно представить себе недовольство шефа жандармов подобной перепиской. Оно могло выражаться в двух видах: чисто ведомственном и личном, так как Шувалов не сочувствовал славянофильским идеям о русском соборе. Поэтому, имея возможность повлиять на адресата, он решил переслать выписки из письма своему другу, товарищу министра финансов С.А. Грейгу, и наложил резолюцию: «[Переслать] чтобы Грейг знал, какие записки имеют служащие чиновники в Мин[истерстве] Фин[ансов]» ⁴³.

Самым «кричащим» выглядело перлюстрированное письмо от неназванного лица Каткову, передававшее нелепые слухи, которые, однако, распространялись в определенных кругах русского общества: «Говорят, Галкин (эстляндский губернатор М.Н. Галкин-Врасский. — *Р.П.*) едва уехал из Риги и что русских бьют там. Телеграммы от него и эстафеты о присылке войск перехватывались. Это рассказывали приезжавшие оттуда лесничие». На это последовала резолюция Шувалова: «Вот, в каком смысле пишут Каткову!» ⁴⁴

Все описанные случаи дают представление о том, что остзейский вопрос и правительственная политика в крае волновали общественное мнение Российской империи. Альбединский и Шувалов в таком случае становились фигурами, к которым было направлено внимание многочисленных зрителей по этому поводу.

В своем всеподданнейшем докладе императору в 1868 г. Альбединский утверждал, что генерал-губернатор в соответствии с общим направлением политики правительства в Остзейском крае руководствуется «необходимостью объединения этого края с остальными частями империи». Под это общее положение, с точки зрения Альбединского, подходила политика в крестьянском вопросе, введение но-

вых судов, поддержание православия и русского языка. Учитывая задачи, логично смотрелась бы ссылка на русский элемент в крае как на опору. Но вместо этого генерал-губернатор мягко подводил мысль о неготовности массы русских жителей не только служить опорой правительства, но и элементарно воспринять корпоративную (торговую и/или магистратную) самостоятельность, которой на протяжении веков обладало немецкое население ⁴⁵. Роль же корпоративной сплоченности в условиях старых европейских городов была большой; на этом факторе могло играть правительство и генерал-губернатор, если бы они были заинтересованы в его создании для русского населения. Примером может служить «Банк А.А. Зеленого», министра государственных имуществ (Товарищество Приобретателей Имений в Западных Губерниях). Конечно же, тут в первую очередь речь шла о Северо-Западном крае и о его посильном заселении русскими дворянами, что нужно было для сращивания этой беспокойной области с Россией. Впрочем, дела у «Банка Зелёного» пошли плохо, и в свое время он был по сути разрушен усилиями Шувалова и его соратника в делах по кредитным обществам — министра путей сообщения А.П. Бобринского ⁴⁶. Этот случай был характерен: шеф жандармов не стремился помогать водворению русского элемента, даже наоборот препятствовал этому.

В своей схеме видения ситуации в Остзейском крае, отразившейся во всеподданнейшем докладе, Альбединский мало говорил о немцах. Но за самим умолчанием, учитывая критичное отношение к уровню консолидированности русского населения да и вообще к возможности его объединения по национальному и религиозному принципу в Прибалтике, скрывалось фактическое несогласие с выдвинутым в начале всеподданнейшего доклада тезисом о намеченном и идущем объединении Остзейского края с Россией.

За показные лозунги при реальном отсутствии фактов, их подкрепляющих, Альбединского критиковал Самарин. Его замечания касались практически любого утверждения из всеподданнейшего доклада Альбединского. Периодически в своей критике Самарин приходил к выводу о том, что генерал-губернатор был холоден, даже вредил зачаткам «русского движения» в крае, к примеру, таким, как вспомогательные кассы, гимназии, приюты, русские общественные собрания; он не хотел «разомкнуть» местные замкнутые учреждения, чтобы туда могло пройти русское население, в котором формально, если верить всеподданнейшему отчету, Альбединский видел опору правительства ⁴⁷. Такое поведение сблизало Альбединского с позицией Шувалова относительно русского населения в национальных окраинах. Шувалов и Альбединский хотели создать в Петербурге впечатление о спокойствии в крае, а главного врага и возмутителя спокойствия видели в русской прессе и неоднородном русском национальном движении, включавшем в себя разных представителей.

В частности, во многом поэтому, в 1867 г. был закрыт издаваемый И.С. Аксаковым журнал «Москва». Его закрытие было довольно резонансным, так как третье предупреждение, останавливающее выход журнала в свет в условиях карательной цензуры, было получено уже на второй неполный год издания. Причиной третьего предупреждения стало напечатание статей Самарина, одного из ближайших со-

трудников газеты Аксакова, об Остзейском крае. Главным инициатором остановки «Москвы» стал не министр внутренних П.А. Валуев, имевший германофильские взгляды, а граф Шувалов⁴⁸. Именно шефу жандармов, а не осторожному Валуеву была больше не по душе критика правительственной политики в Остзейском крае. В будущем, в 1869 г., Шувалов также выступал за ее закрытие, даже был в числе тех, кто составлял письменную мотивировку этого шага⁴⁹. Такое поведение цензуры давало право князю Оболенскому, близкому к Аксакову, заключить: «Все попытки печати обнаруживать вредные замысле остзейцев преследуются правительством, и даже все лица, по обязанности своей высказывающие мнения в защиту интересов России, заподозрены как вредные демагоги»⁵⁰. Признавая отдельную нелюбовь цензуры к русским изданиям, затрагивавшим национальный вопрос, стоит отметить, что чиновники Министерства внутренних дел за излишнюю мягкость могли насолить и остзейским цензорам. При Тимашеве был случай, когда в июле 1869 г. дерптских цензоров и профессоров Дерптского университета Куртца и Ширрена отстранили от работы, так как, по мнению начальника Главного управления по делам печати, входившего в структуру Министерства внутренних дел, те неответственно выполняли свою работу, а именно: предоставляли неполные отчеты и запрещали слишком мало книг⁵¹.

Реакция на статьи Самарина была различной. Феоктистов, воспринявший катковские взгляды, писал: «В 1867 году появилась надевшая столь много шума книга Самарина “Окраины России”, которая впервые пролила яркий свет на наши Прибалтийские губернии, где немецкое дворянство и интеллигенция, прикрываясь мнимой лояльностью, старались с редкою последовательностью и упорством обособиться от своего общего отечества»⁵². Но в части высших правительственных кругов было распространено иное убеждение — можно остановить процесс отчуждения Остзейского края от России, даже более того — срастить его с остальной империей за счет возможности дать части дворянства конституционные права. Эту идею активно поддерживал Шувалов. Вероятно, он был не только ее вдохновителем, но и автором, по крайней мере, в правительственных кругах, где его позиция по данному вопросу выделялась своей активностью на фоне других сановников. Так он желал заслужить любовь немецкого населения края для себя и своего товарища Альбединского.

То, что граф Пётр Андреевич был сторонником расширения прав дворянства, хорошо известно. В этом он видел своеобразную конституцию для России. В 1874 г., к примеру, он имел конституционно-продворянские планы в связи с обсуждением деятельности Валуевской комиссии⁵³. Гораздо раньше, в 1860 г., когда его взгляды, видимо, только формировались, он говорил Милютину: «За все это (освобождение крестьян с землей. — *Р.П.*) мы вправе требовать от правительства компенсации. В чем может состоять эта компенсация? Во-первых, в том, чтобы местное земское хозяйственное самоуправление было передано исключительно в руки дворянства, как единственного европейски-образованного сословия в государстве, а, во-вторых, в том, чтобы верховная власть поделилась своими высшими административными функциями с представителями высшего дворянства империи, из которого и должно быть образовано высшее законодательное учреждение»⁵⁴.

Мысли о предоставлении особых прав дворянской элите в Остзейском крае были и у Шувалова: «Шувалова неотступно преследовала мысль о какой-то аристократической конституции для России; в минуты откровенности он говорил Альбединскому... ублажавшему себя мыслью, что остзейские немцы пленятся его красноречием и в угоду ему будут сближаться с Россией: “Все это, любезнейший, праздные мечты; никогда немецкое дворянство не наложит само на себя руку; оно согласится на жертву в том лишь случае, если дворянскому сословию — конечно, не всему, а высшим его слоям, — предоставлены будут политические права; присоединись ко мне, чтобы достигнуть этой цели, и поверь, что это гораздо надежнее, чем искать популярность в среде наших газетчиков”»⁵⁵. Здесь характерно то, что Альбединский считал, что сам сможет стать центром, сближающим Остзейский край с Россией, то есть быть некоей мягкой направляющей рукой для местных баронов, а Шувалов спешил развеять его мечты. Можно сказать, что Альбединский считал верным построить доверительные отношения с местной элитой, а Шувалов — купить ее преданность с помощью предоставления политических прав. Правда, сам, будучи рижским генерал-губернатором, он на представление подобных мер правительству, насколько нам известно, не решился.

Какие именно права для дворянства мог иметь в виду Шувалов во время генерал-губернаторства Альбединского в Остзейском крае, становится ясно из его более позднего обращения к Б.М. Маркевичу (а через него, вероятно, и к Каткову, с которым он хоть и расходился в национальном вопросе, но был довольно близок в вопросе о ведущей роли в обществе дворянства и его административных функциях⁵⁶) в 1873 г.: «У меня сформировалась в голове маленькая программа, которую я выражу в двух словах: всесословность, но не бессословность, — дружное соединение сословий в видах общей государственной пользы, но никак не поглощение их в одну безличную народную массу. В Остзейском крае крестьянин точно так же свободен, как и в империи, но помещик сохранил попечительство над церковью, над школой, над волостью. Порядки эти к дурному не ведут, и я не вижу причины, почему бы нам их отсюда не признавать»⁵⁷. Таким образом, получается, что в устройстве Остзейского края шеф жандармов видел практически свой политический идеал. Неудивительно, что он активно старался ввести генерал-губернатора Альбединского в сферу своего влияния и обращал на Прибалтику большое внимание. По мнению Шувалова, права немецкого дворянства не только не должны были сокращаться, но, напротив, пребывать непоколебимыми. В этом, по его мнению, можно было видеть залог спокойствия в крае и возможность транслировать остзейский опыт на всю Россию.

Говоря о Прибалтике и ее устройстве, Шувалов был откровенен не только с Маркевичем. Лифляндскому ландрату Лилиенфельду в 1870 г. он сообщал свою мысль о связи Остзейского края и империи: «Под видом Балтийского вопроса уже давно происходит крайне ожесточенная борьба, значение которой намного превосходит интересы вашего “медвежьего угла”. Вы были часто лишь предлогом для борьбы, которая по существу велась за превосходство того или иного государственного принципа... Консервативная партия России поддер-

живала вас, для того чтобы укрепить свои позиции»⁵⁸. Прибалтийский опыт, таким образом, являлся средством для достижения общегосударственных политических целей.

Надо отметить, что мысли Шувалова не шли дальше провозглашения лозунгов — у графа Петра Андреевича не было четкого понимания проведения задуманных преобразований: сложно было представить в реальности задуманную им «всесословность», да и программа Шувалова была совсем не «маленькой», как ему это представлялось.

Отчасти бесплодность и иллюзорность подобной политики Шувалова в Остзейском крае по дворянскому вопросу заметил Феоктистов. Он писал, что «относительно Прибалтийских губерний не предпринималось ровно ничего; Шувалов и его друзья открыто заявляли, что все должно оставаться там как было, без перемены»⁵⁹. То есть в реальности остзейский опыт не переходил на другие части империи, а в самом Остзейском крае сохранялись сословные, национальные и религиозные противоречия.

Вопрос о представительстве и даровании прав дворянству тесно сочетался с крестьянскими и религиозными вопросами, так как имперская власть и общественность обращали внимание на положение латышей и эстов. В сложной религиозной компоненте между Шуваловым и Альбединским тоже не наблюдалось разномыслия. Широко практиковавшийся ранее переход латышей и эстов из лютеранства в православие, обставленный получением массы льгот для лиц, меняющих конфессию, вызывал у сановников только отрицательные мнения. Во многом благодаря этому очередной такой переход в 1869 г. не удостоился милостей государства — после представлений Альбединского и Шувалова по этому вопросу императору последним было решено, что 300 латышей, совершивших переход в православие, не получают льгот, так как было признано, что они поменяли религию только ради получения благ⁶⁰.

Таков был широкий круг интересов, объединявших Шувалова и Альбединского, когда они были соответственно начальником III Отделения и Остзейским генерал-губернатором. Но их отношения продолжались и позже, в частности после отставки Альбединского в 1870 г., к которой имел отношение Шувалов, между друзьями не возникло водораздела, который мог бы положить конец их связи.

Отставка Альбединского в какой-то степени была похожа на отставку Шувалова. Как Пётр Андреевич, покинув должность начальника штаба корпуса жандармов и управляющего III Отделением с конца 1861 г., не занимал никаких постов вплоть до назначения исполняющим дела остзейского генерал-губернатора в конце 1864 г., так и Пётр Павлович долго оставался без дела. Покинув пост Остзейского генерал-губернатора в 1870 г., он только в 1874 г. был назначен Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором и командующим войсками Виленского военного округа.

Но в 1874 г. Шувалов прочил Альбединского на другое место, демонстрируя тем самым, что дружба между ними не прекращалась. Пётр Андреевич утратил к этому времени расположение Александра II и был переведен послом в Лондон. «Когда зашла речь о назначении ему преемника, Шувалов указал на Альбединского, и это вовсе не представляется странным с его стороны: борьба, происходившая меж-

ду ними, условливалась не принципами, не какими-либо существенными интересами; по-видимому, враждая, они все-таки оставались друзьями, и теперь, расставшись с деятельностью, которая привязывала его ко двору, Шувалов ничего не имел против того, чтобы давнишний его приятель занял его место»⁶¹. В таком случае можно заключить, что конфликты, возникавшие между двумя сановниками, были лишь частью, причем не определяющей их взаимоотношений.

Интересно, что, спустя много лет, в 1881 г., уже при Александре III, публика считала возможным назначение Альбединского военным министром вместо Милютинина, который уже определился со своей отставкой. В разговоре с новым государем Милютин сначала не указал Петра Павловича в числе тех, кто, по его мнению, может занять пост военного министра, но потом под влиянием слухов решил задать прямой вопрос об Альбединском. Несмотря на то, что Александр III ясно дал понять, что не видит того новым министром, Милютин продолжил: «Однако ж позвольте доложить Вашему Величеству, что Виленский округ был при нем образцовым округом: нигде войска не были доведены до такого совершенства в тактическом образовании; администрация ведена была примерно; Альбединский лично во все вникает и обо всем заботится»⁶². Это была лестная характеристика для человека, который принадлежал к «шуваловскому лагерю». К политическим же взглядам и качествам самого шефа жандармов находившийся не у дел Милютин был более строг⁶³.

Еще одно сходство между отставками Альбединского и Шувалова заключалось в том, что и про того и про другого говорили одинаково: «он отступил, чтобы лучше прыгнуть». В публике было укоренено впечатление, что деятели подобного масштаба не могут потерпеть серьезное фиаско, что они обязательно получают новые высокие должности. Так как раздача и предложение государственных постов сановникам при Александре II была исключительно императорской прерогативой, это в особенности относилось к Альбединскому, в отличие от Шувалова, сохранившему хорошие личные отношения с императором. Пётр Павлович мог позволить себе долгое время не соглашаться на командование военным округом, его устраивало только генерал-губернаторство с командованием военным округом⁶⁴.

С другой стороны, несмотря на слухи в обществе о новых высоких постах, реальность была иной. Обоими сановниками отставки неизбежно воспринимались со смешанными чувствами, они не могли проходить без дискомфорта. И вновь, уже с этой стороны, совпадают впечатления современников. Феокистов писал об Альбединском: «Сам Пётр Павлович как-то похудел, осунулся, и на лице его изображалось страдание»⁶⁵. Шувалов мог переносить свою отставку тяжелее, ведь, удаляясь из Петербурга в Лондон, он окончательно терял возможность влиять на императора и быть лидером среди министров. А.Ф. Кони так описал шуваловский уход: «...Проходя по платформе станции, увидел [я] у последнего вагона первого класса генерала в конногвардейской фуражке, окруженного небольшой группой провожавших. Мне показалось, что это Шувалов, но нет! Сказал я себе: тот был выше ростом и говорил более уверенным и низким голосом... Я узнал в нем действительно Шувалова. Но этот был совсем другой человек. Он поразительно изменился, согнулся и как-то

весь поблек. Куда девались гордый подъем головы, надменное выражение лица и презрительное прищуривание глаз! Он имел вид человека, поколебавшегося в уважении к самому себе и пристыженного в глазах общества»⁶⁶.

Прибалтийский край оставил немалый след в политической карьере Альбединского и Шувалова. Интересно, что, спустя много времени, оба сановника, занимавшие совсем другие посты, не переставали вспоминать и размышлять о правительственной политике в Прибалтике. Альбединский в разговоре с Феоктистовым вспоминал: «Я человек надорванный... У меня были стремления принести пользу, я верил в возможность этого, когда управлял Прибалтийским краем, и достиг лишь того, что был вынужден удалиться от дел»⁶⁷. Изрядно деградировавший (в описании Кони) Шувалов в новое царствование в 1880-х гг. «сильно взял “лево руля!” и ядовито осуждал нашу тогдашнюю политику в Прибалтийском крае, не удовлетворявшую ни немцев, ни латышей и все более и более углублявшую существующую между ними пропасть»⁶⁸. Безусловно, в этом лежит не только недовольство правительственной политикой, но и внутренняя неудовлетворенность собственной проделанной работой.

Пётр Андреевич Шувалов и Пётр Павлович Альбединский были тесно связаны на протяжении длительного времени — с молодости и до того момента, когда стали известными политическими сановниками. Их отношения носили разнообразный характер. Они усложнились и приобрели политическую окраску после назначения Альбединского Остзейским генерал-губернатором. Прибалтика, регион, к которому были обращены взгляды общества, стала своеобразным полем напряжения, в котором ярко проявлялись черты деятельности обоих сановников. С одной стороны, Альбединский старался установить контроль над непростым краем с помощью налаживания мягких отношений с немецкой аристократией и в то же время поддержания своего высокого статуса как личного представителя монарха. С другой стороны, шеф жандармов Шувалов пытался подчинить Альбединского своему влиянию, желая проводить через него собственную политику, направленную на сплочение губернаторской власти и местного немецкого населения. В этом его позиция в целом совпадала с видением ситуации в крае Альбединским, который вполне вписывался по своим взглядам в «шуваловскую партию», частые упоминания о которой мы находим у современников. Однако между сановниками возникали и конфликты, один из которых подвел черту под «опекой» Альбединского Шуваловым, после чего Пётр Павлович подал в отставку. Показательно, что, несмотря на это, дружеские отношения между сановниками продолжались, и Шувалов во время своей отставки с поста шефа жандармов даже хотел, чтобы Альбединский занял его место. Отношения двух сановников представляют собой интересный, редкий образец переплетения личных и служебных связей, в особенности благодаря тому, что Шувалов и Альбединский являлись ведущими представителями служебной верхушки Российской империи. Отношения между Шуваловым и Альбединским в конкретном регионе, Прибалтике, вполне отражают на частном уровне общие отношения между графом Шуваловым и его «партией».

Примечания

1. МИЛЮТИН Д.А. Воспоминания. 1865—1867. М. 2005, с. 239.
2. О возникновении «шуваловской партии», видимо, стоит говорить применительно к первой половине 1870-х гг., когда активность графа Шувалова достигла апогея. Особенно хорошо это прослеживается в дневнике Д.А. Милютина. См.: МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1873—1875. М. 2008.
3. МИЛЮТИН Д.А. Воспоминания, с. 38—39.
4. ФЕОКТИСТОВ Е.М. За кулисами политики и литературы (1848—1896). Воспоминания. М. 1991, с. 277. Видимо, речь идет о контузии в голову, полученной при Инкермане.
5. Там же, с. 275—276.
6. Там же, с. 280—282, 424, прим. 282.
7. ТУРГЕНЕВ И.С. Полн. собр. соч. Т. 7. М. 1981, с. 512.
8. Там же, с. 316.
9. Однако есть информация, что в 1855 г. после контузии Альбединский был отправлен в Рязанскую и Тамбовскую губернию для расследования случаев своевольных отлучек крестьян. Правда, там он провел меньше месяца и навряд ли мог сильно запомниться своими действиями.
10. МИЛЮТИН Д.А. Воспоминания, с. 238.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 851 (А.В. Головнин), оп. 1, № 13, л. 4—4об.
12. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 326.
13. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855—1879. СПб. 2005, с. 277—278.
14. Там же, с. 216.
15. Цит. по: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, с. 218.
16. ДУХАНОВ М.М. К вопросу о политической платформе царизма в Балтийских губерниях в 60-х годах XIX века. Ученые записки Латвийского государственного университета им. Петра Стучки. Т. 40. Рига. 1961, с. 262—263.
17. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РНБ), ф. 16 (П.П. Альбединский), № 23, л. 5, 7.
18. Там же, л. 8об., 15—15об., 26.
19. Цит. по: КОМЗОЛОВА А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М. 2005, с. 276; ОР РГБ, ф. 120 (М.Н. Катков), к. 37, л. 44.
20. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 298.
21. Там же, с. 284—285.
22. ГАЛКИН-ВРАССКИЙ М.Н. Из записной книжки, 1868 г. — Русская старина. 1917, т. 169, № 1, с. 99.
23. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 285.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 109 (III Отделение). 3-я экспедиция, оп. 156 (1871 г.), № 34, л. 6об.
25. Там же, л. 8об. Подчеркнуто в источнике.
26. ГАЛКИН-ВРАССКИЙ М.Н. Ук. соч., с. 103—104.
27. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 288.
28. ГА РФ, ф. 109 (III Отделение). 3-я экспедиция, оп. 156 (1871 г.), № 34, л. 2об.—3.
29. Там же, л. 2—2об.
30. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 334. Впрочем, возможно, что Феоктистов экстраполирует в прошлое слухи о смене Д. Милютина на посту военного министра в 1881 году.
31. Там же, с. 328.
32. МИЛЮТИН Д.А. Ук. соч., с. 297—298.
33. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, с. 278.
34. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 285—286.
35. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1869 год. М. 1897, с. 221. Статья в № 83 от 14 апреля.
36. Там же. 1866 год. М. 1897, с. 71. Статья в № 24 от 29 января.
37. Там же. 1869 год. М. 1897, с. 222. Статья в № 83 от 14 апреля.

38. Там же. 1867 год, 14 и 23 октября.
39. Там же. 1870 год. М. 1897, с. 176. Статья в № 59 от 15 марта.
40. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 294—298.
41. ГА РФ, ф. 109 (III Отделение). Секретный архив, № 109, л. 1об., 2об.
42. Московские ведомости. 3.V, 1.VII.1867. На содержание Дерптского университета шло 224 197 руб. 45 копеек. Очевидно, Ламанский имел в виду расходы на университет, когда указывал в письме сумму в 200 тыс. рублей.
43. ГА РФ, ф. 109 (III Отделение). Секретный архив, № 109, л. 6—7. Подчеркнуто в источнике. См. также: ИЗМОЗИК В.С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII — начало XX века. М. 2015, с. 496—498.
44. ГА РФ, ф. 109 (III Отделение). Секретный архив, № 109, л. 28—28об.
45. САМАРИН Ю.Ф. Записки бывшего Прибалтийского генерал-губернатора Альбединского. Общие соображения. В кн.: Окраины России. Т. 9. М. 1898, с. 342, 345—346.
46. См., например: ЧЕРНУХА В.Г. Создание Общества взаимного поземельного кредита. В кн.: Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX — начале XX в.: Сб. статей. Л. 1987, с. 191.
47. САМАРИН Ю.Ф. Ук. соч. Т. 9. М. 1898, с. 346, прим. 3; с. 347.
48. ТЕСЛЯ А.А. Последний из «отцов»: биография Ивана Аксакова. СПб. 2015, с. 276—277.
49. ГА РФ, ф. 722 (Великий князь Константин Николаевич), оп. 1, № 514, л. 4об.—5.
50. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, с. 278.
51. ГРИНЧЕНКО Н.А., ИЗМОЗИК В.С., ПАТРУШЕВА Н.Г., СОМОВ В.А., ЭЛЬЯШЕВИЧ Д.А. История цензурных учреждений Прибалтийских губерний. Конец XVIII в. — 1917 г. В кн.: Книжное дело в России в XIX — начале XX века. Сб. научных трудов. СПб. 2003, с. 129.
52. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 121.
53. См., например: МИЛЮТИН Д.А. Дневник, с. 102—104, 246—250, комм. 74; с. 280—281, комм. 135; ХРИСТОФОРОВ И.А. «Аристократическая оппозиция» Великим реформам. Конец 1850 — середина 1870-х гг. М. 2002, с. 282—309.
54. Цит. по: Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861 гг.) в воспоминаниях члена-эксперта и заведующего делами Редакционных комиссий П.П. Семёнова-Тянь-Шанского. Т. IV. Пг. 1916, с. 198, прим. 1.
55. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 326—327. Под «газетчиками» имеется в виду М.Н. Катков, мнением которого дорожил Альбединский.
56. ТВАРДОВСКАЯ В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М. 1978, с. 129—131, 270.
57. Цит. по: ОРЖЕХОВСКИЙ И.В. III Отделение. — Вопросы истории. 1972, № 2, с. 114.
58. TOBIEN A. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältniss zum Zarismus und russischen Nationalismus, Bd. I, S. 372.
59. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 122.
60. ОР РНБ, ф. 16 (П.П. Альбединский), № 29, л. 3об.
61. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 299.
62. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1879—1881. М. 2010, с. 330, 332.
63. См., например: ЕГО ЖЕ. Дневник. 1882—1890. М. 2010, с. 168—169.
64. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 298—299; РГИА, ф. 851 (А.В. Головнин), оп. 1, № 14 (Разные заметки летом 1874 года), л. 25.
65. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 298.
66. КОНИ А.Ф. Пётр IV. Избранное. М. 1989, с. 92.
67. ФЕОКТИСТОВ Е.М. Ук. соч., с. 299.
68. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 93.

Армия и шотландская политика Великобритании в середине XVIII в.

С.Г. Малкин

Аннотация. В публикации анализируется полемика британских военных и штатских чинов по вопросам умиротворения и модернизации Горной Шотландии в середине XVIII века. При этом модернизационные альтернативы развития Горной Страны не только активно формулировались, но и рассматривались в широком имперском контексте политики Лондона в отношении внутренних окраин (Ирландия) и заморских колоний (Северная Америка). Изучение представлений современников о месте военных в «цивилизации» этого мятежного края позволяет приблизиться к пониманию многих аспектов роли армии в колониальной политике Великобритании в век глобальных империй.

Ключевые слова: Великобритания, Горная Шотландия, Британская империя, британская армия, колонии, окраины, «Хайлендская проблема».

Abstract. In article polemic of the British military and civil officials concerning a pacification and modernization of the Highlands of Scotland in the middle of the XVIII century is analyzed. Thus the British commentators not only actively formulated modernization alternatives of development of the Scottish Highlands, but also considered them in a wide imperial context of policy of London on internal margins (Ireland) and in overseas colonies (North America). Studying of representations of contemporaries about opportunities of military in «civilization» of this rebellious country allows to come nearer to understanding of many aspects of a role of army in a colonial policy of Great Britain in the age of the global empires.

Key words: Great Britain, Highlands of Scotland, British Empire, British army, colonies, margins, «The Highland Problem».

В историографии «Хайлендской проблемы» по-прежнему весьма распространённым является представление о том, что после подавления мятежа якобитов 1745—1746 гг. британское присутствие в Горной Шотландии определялось новой стратегией, вполне соответствовавшей нелицеприятному прозвищу «мясник», которое на посту командующего королевскими войсками в Шотландии (одновременно яв-

Малкин Станислав Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета. E-mail: rectorat@sgspu.ru.

Malkin Stanislav G. — doctor of historical sciences, professor of Samara State Social-Pedagogical University. E-mail: rectorat@sgspu.ru.

ляясь капитан-генералом армии Его Величества) получил герцог Камберленд.

Вместо долгой и далеко не всегда очевидной битвы «за сердца и умы» взбунтовавшихся горцев, характерной для политики умиротворения Горной Страны, проводимой в 1725—1740 гг. генералом Уэйдом, «протестантский герой», как сторонники соответствующего престолонаследия величали герцога Камберленда, решил искоренить мятежный дух и проякобитские симпатии в крае «железом и кровью», одним решительным ударом разрубив гордиев узел «Хайлендской проблемы»¹.

Некоторые современные исследования ставят под сомнение столь однозначное и, во многом, оценочное толкование хайлендской политики Лондона в первой половине XVIII века. Джонатан Оатс, например, обращает внимание на то, что приказы и действия Уильяма Августа в Горной Шотландии в действительности не выходили за рамки представлений современников о том, как государство должно расправляться с мятежниками, вполне соответствуя законам и обычаям войны, принятым в Европе XVIII века. Сам герцог Камберленд при этом считал, что «военные экзекуции» — меры военного времени — самые первые, но недостаточные. В перспективе речь должна идти о масштабной социальной инженерии в Горной Стране. Архивные источники, связанные с пребыванием Камберленда в Хайленде, подтверждают это предположение. Герцог не только считал, что «якобитский мятежный принцип так глубоко укоренен в этом народе (шотландцах. — С.М.), что нынешнее поколение должно смениться совершенно, прежде чем эта страна успокоится», но и с первых дней пребывания в Горной Стране активно включился в обсуждение законодательства, которое должно было не только обеспечить правовую поддержку армии в Хайленде, но и создать условия для социально-экономического, политического, культурного реформирования этого края².

Джоффри Плэнк рассматривает британскую армию в Хайленде скорее как корпоративный институт со своими собственными представлениями о роли и задачах военных не только в умиротворении мятежной гэльской окраины, но и в решении «Хайлендской проблемы». Под пером автора генералы предстают не послушными исполнителями реформаторских прожектов правительства, а активными участниками и инициаторами дискуссий на эту тему, сформулировавшими и пытавшимися реализовать на практике перспективу едва ли не ведущей роли армии во взаимосвязанных процессах «цивилизации» и укрепления лояльности трону. Это должно было способствовать формированию идеального подданного и, соответственно, дальнейшей интеграции разбросанной по миру Британской империи под власть Короны и парламента в Лондоне³.

Плэнк также обращает внимание на тот примечательный факт, что армия Соединенного Королевства к 1745 г. уже обладала подобным опытом, приобретенным в той же Горной Шотландии в 1725—1745 годах. При этом нижним хронологическим рубежом автор считает прибытие в Горную Страну генерала Уэйда и переход нового командующего королевскими войсками в Северной Британии к заметно более активной деятельности на этом посту по сравнению со своими предшественниками. В работе перечислены и ее основные направления: разоружение, военное строительство и военное сотрудничество⁴.

Такой ревизионистский подход заставляет по-новому взглянуть на характер и особенности принятия решений по «Хайлендской проблеме» после подавления последнего мятежа якобитов 1745—1746 гг., в особенности, если учесть, что в конечном итоге (фактически, с 1760-х гг.) реформирование социально-экономических отношений и политических практик в Горной Шотландии перешло в руки гражданских чинов и связанных с ними общественных организаций, созданных активными и весьма заинтересованными сторонниками «улучшений» в Горной Стране ⁵.

Падение политического авторитета герцога Камберленда, исчезновение якобитской угрозы и кадровые перемещения проявивших реформаторский задор генералов (во второй половине 1750-х гг. практически все идейные сторонники Уильяма Августа из числа его боевых товарищей покинули Хайленд), чей интерес в крае оказался, таким образом, временным, в отличие от деятельных представителей местных элит, способствовали такому повороту событий в хайлендской политике Лондона ⁶.

Следовательно, необходимо более глубокое и основательное изучение некоторых аспектов «Хайлендской проблемы», затронутых современными ревизионистами (в том числе Оатсом и Плэнком).

Во-первых, изменения в позициях и аргументации реформаторов Горной Шотландии необходимо рассматривать в широкой перспективе, обращая пристальное внимание не только на практическое, но и на теоретическое наследие опыта умиротворения Горной Страны, приобретенного к 1745 г., — не только на мероприятия генерала Уэйда, получивших второе дыхание с приходом в Горный Край армии герцога Камберленда, но и на аналитические сочинения лорда Грэнджа о состоянии, путях и способах реформирования мятежной гэльской окраины, опосредованно представленных практически во всех основных программных мемориалах и рапортах о «цивилизации» Хайленда во второй половине 1740-х — 1750-х годах. Об интеллектуальном реванше лорда Грэнджа свидетельствует не только обилие записок и мемориалов, составленных им после подавления мятежа якобитов 1745—1746 гг., но и его назначение заместителем шерифа в графстве Перт, вызывавшее беспокойство у властей с точки зрения умиротворения Горного Края, а также активное участие в обсуждении билля об отмене наследственной юрисдикции в Шотландии «вместе со спикером Палаты общин», генерал-прокурором и лордом-адвокатом Шотландии ⁷.

Во-вторых, следует оценить роль местных информаторов (от безымянных агентов до хорошо известных «экспертов по Горной Шотландии» среди «шотландских» же чинов) в выработке и принятии рекомендаций по решению «Хайлендской проблемы» после подавления мятежа якобитов 1745—1746 годов. При этом особое внимание стоит обратить на то, что масштабы и значение информационной поддержки расширения британского присутствия в Горном Крае оказались прямо пропорциональны росту влияния армии в хайлендской политике Лондона после разгрома «младшего Претендента» при Каллодене.

В-третьих, представляет значительный интерес аргументация сторон, участвовавших в выработке, принятии и реализации решений, связанных с умиротворением и «цивилизацией» Горной Страны, а

также расширением и укреплением британского присутствия в этом регионе. Плэнк пишет о роли реформаторов, которую присвоили себе генералы армии герцога Камберленда в Шотландии, о позиции и взглядах военных на решение «Хайлендской проблемы». Наша задача в указанном выше контексте — прочитать эту историю скорее между строк, обратив внимание, прежде всего, на логику и механизмы отбора и принятия решений по «Хайлендской проблеме» и, таким образом, лучше понять особенности функционирования властных отношений в рамках хайлендской политики Лондона.

Хотя армия Камберленда, показанная Плэнком институтом, спянным общим пониманием своих имперских задач, корпоративной этикой и протекцией, оказываемой капитан-генералом своим офицерам, представляет собой продуктивную аналитическую категорию, тем не менее, когда Уильям Август покинул Шотландию в июле 1746 г., командование королевскими войсками в Северной Британии, а, следовательно, и окончательное решение «Хайлендской проблемы» было доверено, как и прежде, командующим «шотландским гарнизоном». Между 1746 и 1759 гг. этот ответственный пост последовательно занимали Уильям Энн Кеппел, Хамфри Блэнд, Джордж Черчилль, вновь Хамфри Блэнд и, наконец, Джон Баклерк (до 1767 г.). При этом среди командующих королевскими войсками в Шотландии в 1689—1759 гг. только генерал Блэнд дважды занимал этот пост (в 1747—1749 и 1753—1756 гг.).

Более того, оба раза Хамфри Блэнд был назначен командовать «шотландским гарнизоном» в переломные годы истории решения «Хайлендской проблемы». В 1747 г., после того, как была объявлена всеобщая амнистия (для поддержавших мятеж без оружия), а для более успешного завершения Войны за австрийское наследство потребовалось вернуть на континент войска, переброшенные на Британские острова для подавления мятежа якобитов в 1745 г., положение, роль и задачи армии в Горной Шотландии во многом стали напоминать ситуацию 1720-х — 1730-х годов. «Красные мундиры» патрулировали горы, оказывали поддержку гражданским властям и участвовали в военном строительстве.

Один из самых показательных примеров в этом смысле представляет собой новый форт Джордж близ Инвернесса на мысе Ардесьер, сооружение которого началось в 1749 г. и обошлось государственной казне в 100 000 ф. ст. (сумма, превысившая все военные затраты на строительство и поддержание укреплений Короны в Горной Шотландии за все время пребывания в Горном Крае генерала Уэйда)⁸. Что же касается динамики численности «шотландского гарнизона» до и после мятежа 1745—1746 гг., то в этом вопросе действительно наблюдается любопытная преемственность. Занявшая в начале 1716 г. Шотландию армия Георга I насчитывала 12 тыс. солдат и офицеров — чуть меньше, чем армия Георга II весной-летом 1746 г. (13 тыс. «красных мундиров»). Однако вскоре «шотландский гарнизон» стабилизировался в среднем на уровне шести полков и пробыл в таком составе, немного увеличившись в 1725 г. в связи с мерами генерала Уэйда, до конца 1742 г. (до вывода из Горной Страны наиболее боеспособных военных частей). После того, как герцог Камберленд покинул Хайленд, во второй половине 1740-х и в 1750 г., ко-

ролевские войска в Шотландии насчитывали в среднем восемь полков⁹. Для сравнения, 12-тысячный «ирландский гарнизон» выглядел на шотландском фоне гораздо более значимым.

XVIII в. был одним из самых спокойных (до восстания «объединенных ирландцев» в 1798 г.) в ирландской истории и, не в последнюю очередь, из-за внушительной численности «ирландского гарнизона». Более того, британская королевская армия на «Изумрудном острове» была важным стратегическим резервом на случай надобности в уже сформированных и проверенных в деле полках. Ротационная система королевской армии предполагала возвращение частей в Ирландию после участия в военных кампаниях и роспуск временно набранных на их место. В 1720-х — 1730-х гг. на острове находилось 22 маршевых батальона против 10 в Великобритании, а в 1740-х — 1750-х — 25 маршевых батальонов против 11 соответственно¹⁰.

Кроме того, в том же 1747 г. парламент отменил наследственную юрисдикцию, что не могло не сказаться на отношениях между военными и гражданскими властями, рядовыми горцами и местной элитой¹¹. В 1753 г., когда генерал Блэнд вернулся в Горную Страну, чтобы вновь занять пост командующего королевскими войсками в Шотландии, край был взбудоражен принятым в 1752 г. актом о передаче конфискованных имений мятежников под управление Короны, обострившим спор о том, какая из стратегий «цивилизации» Хайленда — основанная на модернизационном потенциале управляемых королевскими чиновниками конфискованных имений или исходившая из представления о гарнизонах королевской армии как очагах и центрах распространения реформ на мятежной гэльской окраине — является более перспективной и состоятельной¹². При этом в обоих случаях решения «Хайлендской проблемы» предполагалось задействовать войска.

Наконец, Хамфри Блэнд оказался самым большим энтузиастом реформирования социально-экономических отношений и политических практик в Горной Шотландии среди командующих «шотландским гарнизоном» после герцога Камберленда. Как и в случае с генералом Уэйдом, некоторые детали его биографии возвращают нас в имперский контекст этой истории и позволяют понять, насколько генерал Блэнд был компетентен в принятии рекомендаций по решению «Хайлендской проблемы», отправлявшихся им на рассмотрение в Лондон.

Во-первых, Хамфри Блэнд родился в Ирландии в 1686 г. и, как и Джордж Уэйд, принадлежал к правящему протестантскому классу «Изумрудного острова», а в 1737 г. был даже назначен полковником 36-го пешего полка «ирландского гарнизона». Это обстоятельство скажется на том почтительном внимании, которое генерал уже на посту командующего королевскими войсками в Шотландии уделял образовательной политике в Горной Стране, в особенности опыту организации благотворительных школ на Эйре, поддерживая в этом вопросе ирландское решение «Хайлендской проблемы»¹³.

Во-вторых, к 1747 г. он уже сорок три года состоял на военной службе Его Величества и заслужил особое доверие герцога Камберленда как знаток военной дисциплины и автор самого издаваемого военного устава на английском языке по обе стороны Атлантики в

XVIII в. (1727, 1734, 1740, 1743, 1746, 1753, 1756, 1759, 1762, 1776 гг.)¹⁴. Во время войны с американскими колониями этот устав использовался и в армии Джорджа Вашингтона¹⁵. Плэнк при этом обращает внимание на то, что в издании 1743 г. генерал Блэнд, рассуждая о врожденных качествах, отличающих англичан от голландцев в качестве солдат, приходит к выводу, что «[военное] искусство имеет большее значение» по сравнению с «природой». Это отражение широко распространенной в эпоху Просвещения философской концепции, которой нашлось применение и в планах командующего по реформированию гэльской окраины¹⁶.

В-третьих, исполняя обязанности губернатора Гибралтара в 1749—1752 гг., Хамфри Блэнд имел возможность на практике опробовать хайлендский опыт в одном из заморских владений Британской империи, а затем, наоборот, применить опыт службы в «Скале» к ситуации в Горной Стране (рекомендации генерала Блэнда на посту губернатора Гибралтара во многом касались тех же проблем взаимоотношений между военными и гражданскими властями этого владения британской короны, которые занимали его в Горной Стране)¹⁷.

Итак, в феврале 1747 г. генерал Блэнд был назначен новым командующим королевскими войсками в Шотландии, а уже в декабре 1747 г. он вместе с лордом-клерком Сессионного суда Шотландии Эндрю Флэтчером отправил государственному секретарю Южного департамента герцогу Ньюкаслу развернутые «Предложения по цивилизации Хайленда»¹⁸.

Двойное авторство разработанного «шотландскими» чинами проекта реформ в Горной Стране само по себе является свидетельством нового несовпадения взглядов заинтересованных сторон на решение «Хайлендской проблемы». Причем, не столько военных, гражданских чинов и отдельных представителей местных элит (вождей и/или магнатов), сколько сторонников и противников активного, ведущего участия армии в «цивилизации» Горной Страны.

«Предложения...» Блэнда и Флэтчера, таким образом, представляют собой не отражение конкуренции, а результат совместной творческой работы ответственных за умиротворение Горного Края чинов: «В исполнение поручений, которые я имел честь получить от вашей Светлости, я оказываю всю возможную в моей власти поддержку генералу Блэнду в исполнении приказов его Величества, и мы часто рассуждаем о том, какие части страны требуют наибольшего внимания и заботы генерала, и о том, каким образом законы (недавно изданные для безопасности правления его Величества и сохранения мира и спокойствия в различных частях Шотландии), в особенности акт о разоружении Горной Страны, могут быть исполнены наиболее действенно... И я имею честь теперь передать вашей Светлости наше скромное и согласованное мнение о том, каким образом мир в этой стране может быть обеспечен, а правление его Величества может быть основано на наиболее прочной и долговечной основе»¹⁹.

Майор (подполковник в 1750 г., полковник в 1757 г., генерал-майор в 1759 г.) Джеймс Уолф — герой Британской империи, ценой собственной жизни добывший Лондону Канаду в «чудесном» 1759 г., а в 1748—1753 гг. губернатор форта Джордж в Инвернесе с обязанностями подполковника и командира 20-го пешего полка — в этой

связи полагал, что Хамфри Блэнд вполне заслужил репутацию человека, во многом находившегося под влиянием своих новых шотландских друзей ²⁰.

Роль местных информаторов в умиротворении Горной Шотландии, выработке и принятии рекомендаций по решению «Хайлендской проблемы» действительно заметно возросла после разгрома армии «младшего Претендента» и перехода Лондона к более активным шагам в хайлендской политике. Несмотря на антишотландскую риторику тотального недоверия британских генералов к местным властям, элитам, простым жителям Соединенного Королевства севернее Твида, даже «мясник» Камберленд, не говоря уже о его преемниках на посту командующего королевскими войсками в Северной Британии, активно контактировали с шотландцами, претендовавшими на знание путей и способов частичного или окончательного решения «Хайлендской проблемы». Весьма показательно указание герцога Камберленда на то, что даже его предложение о депортации некоторых кланов, особенно упорных в поддержке дела изгнанных Стюартов, основано на мнении «верноподданных в Шотландии» ²¹.

Вопрос заключается в том, какое значение этому «экспертному» знанию придавали сами военные, чьи позиции в Горной Стране в 1750-х гг. были, несомненно, прочнее, чем у их гражданских коллег по умиротворению и «цивилизации» Горного Края. И дело заключалось не столько в значительно более заметном военном присутствии Лондона в Хайленде — вскоре после того, как герцог Камберленд покинул край, «шотландский гарнизон» во второй половине 1740-х и в 1750-х гг. насчитывал в среднем восемь полков, и не все из них были расквартированы именно в Горной Стране. В таком развитии событий важнее оказался общеимперский контекст и возросший в результате административный авторитет генералов — все более активная роль армии не только в расширении империи, но и в управлении заокеанскими владениями Короны.

Представляется, что молодой (19 лет в 1746 г.); неопытный, нетерпеливый и нетерпимый к местным «дикарям» и «варварам» по обе стороны Атлантики майор Джеймс Уолф высказывал свои суждения относительно характера интеллектуального сотрудничества в решении «Хайлендской проблемы», находясь в плену предрассудков и, что намного важнее, имевший на посту губернатора форта Джордж в Инвернессе гораздо меньший опыт, чем разменявший пятый десяток службы в рядах британской армии на посту командующего королевскими войсками в Шотландии и выросший в колониальном обществе Ирландии генерал-лейтенант Хамфри Блэнд в Эдинбурге ²².

С одной стороны, это была ситуация взаимной заинтересованности военных и штатских «шотландских» чинов, вызванная решительной позицией Лондона в вопросе окончательного решения «Хайлендской проблемы», заметно отличавшейся от намерений и интересов Короны и правительства в 1720-е — 1730-е годы. В июне 1746 г., пробыв в Горной Шотландии всего пару месяцев, генерал Блэнд в письме к Генри Пелэму, первому министру, лорду-казначейу и лидеру Палаты общин в 1743—1754 гг., заметил по этому поводу, что «какие бы законы вы не приняли для этой страны, если вы полагаете, что они могут быть исполнены только силой гражданских властей,

вы будете обмануты, но хотя я солдат, я не за привлечение к этому исключительно военных; но предоставил бы каждой стороне надлежащую роль в их исполнении»²³.

Эта позиция вполне согласовывалась с мнением лорда-клерка Сессионного суда Шотландии Флэтчера, высказанным герцогу Ньюкаслу в декабре 1747 г., о необходимости оказывать всю возможную поддержку генералу Блэнду, в том числе, участвуя в дискуссиях о решении «Хайлендской проблемы»²⁴.

С другой стороны, необходимо учитывать, что опыт военного и гражданского администрирования, приобретенный генералом Блэндом в Горной Стране и Гибралтаре к началу второго срока службы на посту командующего королевскими войсками в Шотландии (1753—1756 гг.), возросшая роль «армии Камберленда» во внешней и колониальной политике Великобритании после подавления мятежа якобитов 1745—1746 гг., а также медленный прогресс в деле «восстановления (по сути, установления. — С.М.) законности и порядка» в Хайленде (в чем военные видели свою основную задачу в крае на всем протяжении 1689—1759 гг.) способствовали ужесточению взглядов командующего на перспективы сотрудничества военных и штатских чинов в решении «Хайлендской проблемы»: «Относительно гражданских служащих я обнаружил, что их гораздо труднее призвать к какому-либо регулярному порядку, чем войска... Я сообщил им, что у меня приказ его Величества помогать им военной силой... Тем не менее, я буду напоминать им [об этом] время от времени и держать их в поле зрения, чтобы предотвращать нерадивое исполнение долга; если же сие произойдет, я извещу вашу Светлость беспристрастно к любому, невзирая на чины и регалии»²⁵.

Вместе с тем, буквальное прочтение этой фразы, как и других подобных пассажей в письмах командующего, начиная с момента его возвращения в Шотландию в ноябре 1753 г., также будет ошибочно. В контексте обострившихся к началу 1750 гг. споров о выборе лучшей стратегии «цивилизации» Горной Страны с упором на конфискованные имения или форты, во многом спровоцированных принятием в 1752 г. акта о передаче конфискованных имений под управление Короны, мнение генерала Блэнда отражало не столько превосходство военных «шотландских» чинов над гражданскими (номинально их юрисдикция по-прежнему была разграничена, хотя четкая и однозначная трактовка ее границ затруднялась обстоятельствами мятежа и ответными мерами правительства по его подавлению), сколько конфликт между сторонниками и противниками акта, перешедший по наследству от командующего королевскими войсками в Шотландии генерал-лейтенанта Джорджа Черчилля к Хамфри Блэнду.

Первые считали, что под началом надлежащим образом отобранных управляющих и при поддержке армии, расквартированной в Горной Стране на постоянной основе, конфискованные имения (с арендаторами, избавленными от «тиранической» власти вождей и/или магнатов) превратятся в полноценную площадку для социально-экономических экспериментов в процессе реформирования, «цивилизации» мятежной гэльской окраины²⁶.

Вторые опасались, что принятие этого акта создаст условия для превращения королевской власти в «тираническую» из-за чрезмерно-

го влияния армии на решение «Хайлендской проблемы», а инвестиции в конфискованные имения из-за продажности и недостаточной лояльности местных властей на деле окажутся завуалированным финансированием якобитов. Многие чины опасались повторения неудачного опыта конфискаций после подавления мятежа якобитов 1715—1716 гг., когда изъятые имения тем или иным внешне вполне легальным способом вернулись к своим прежним владельцам.

Более того, этот конфликт между участниками споров о путях и способах «цивилизации» Горной Страны обострил давние противоречия в среде ответственных за решение «Хайлендской проблемы» чинов, связанные как с различным пониманием условий применения военного права при подавлении мятежа, так и с разным представлением о роли и задачах регулярной армии в умиротворении Горного Края. И вот в этом случае, действительно, на одной стороне находились в основном военные «шотландские» чины, а на другой — чины, по большей части штатские.

Генералы и их сторонники жаловались на «злоупотребления или небрежение в общем управлении Шотландией с началом мятежа» и обращали особое внимание на то, что «командующий войсками в Шотландии не является мировым судьей для всей Шотландии, каким был маршал Уэйд, когда он здесь командовал», военные не получают поддержки от управляющих имениями и местных властей «в своей службе в Хайленде» и часто беззащитны перед лицом судебных преследований по обвинению в превышении полномочий при подавлении мятежа и умиротворении гэльской окраины ²⁷.

Последняя из трех перечисленных выше претензий, возможно, нагляднее всего отражает наиболее характерные различия между военными и штатскими чинами по поводу умиротворения мятежной окраины. Ни в одном военном уставе, опубликованном к 1745 г., не пояснялось, каким образом солдаты и офицеры королевской армии должны выстраивать отношения с местным населением на охваченной мятежом территории. Между тем, колониальная практика и политика на внутренних окраинах и занятых армией землях были связаны с применением военного права, которое генералы считали вполне уместным и в Хайленде, в то время как гражданские чины заявляли о нарушении «прав и свобод подданных Короны в Шотландии».

Более того, то, что прямо запрещалось уставом, написанным для обычной, «европейской», войны, в «Горной войне» являлось целью кампаний. Командиры военных отрядов, направлявшихся герцогом Камберлендом и его преемниками в разные области Хайленда после разгрома якобитов под Каллоденом, не стеснялись указывать в числе военных трофеев скот, провиант и иное имущество, захваченное ими у «мятежников». В результате отвечать за недопонимание между военными и штатскими чинами приходилось рядовым и младшим офицерам, обвиненным в преувеличении своих полномочий при подавлении мятежа и последовавшем затем умиротворении Горного Края ²⁸. Что же касается армейских уставов (в том числе и устава генерала Блэнда), то при строгом следовании их пунктам весь «шотландский гарнизон» следовало предать трибуналу ²⁹.

При этом «меры, предпринятые военными с началом мятежа, и их последствия» сторонниками ведущей роли армии в решении «Хай-

лендской проблемы» связывались, в первую очередь, с успешной интеллектуальной колонизацией Горной Страны, в результате которой «Его Величество может узнать эту страну гораздо лучше, чем сами ее обитатели»³⁰. Необходимо отметить при этом, что прежде этот аргумент был характерен скорее для реформаторских проектов гражданских чинов. Так лорд Грэндж утверждал, что сведения о Хайленде необходимы чтобы «составить лучшее суждение о целесообразности предложенных мер»³¹.

Эти последние, в свою очередь, указывали на «многочисленные спекуляции по поводу цивилизации Горной Шотландии с 1745 г.», связанные как с ролью армии, так и с перспективами конфискованных имений в реформировании Горной страны. В первом случае говорилось о том, что «джентльмены меча размахивают идеями, порожденными их профессией, дыша ничем кроме гарнизонов, фортов, казарм и войск», хотя «этот план не только бесполезен, но и опасен; он кроме того предполагает, что жители Хайленда навечно остаются врагами для остальной части общества»³².

Во втором случае опасения были вызваны чрезмерным ростом влияния Короны (если количество избирателей снизится в результате перехода конфискованных имений в разряд коронных земель, а количество мест в парламенте останется прежним), с необоснованной дороговизной капиталовложений в конфискованные имения, с «частным интересом» управляющих, с невозможностью «цивилизации» отдельных районов Горного Края, так как пребывающие в «варварстве» соседи будут тормозить этот процесс³³.

Выход виделся, во-первых, в превращении определенной части горцев в «богатых, самодостаточных и, следовательно, независимых йоменов», как от вождей, так и от управляющих; во-вторых, «в переселении всех бедных праздных жителей гэльской окраины в поселения, где они будут привлечены к полезному труду, безопасно управляемы, а их поведение будет под надзором практически каждый день»; в-третьих, в учреждении законов и войска, «пригодных для природы этого края» (можно предположить, что речь шла не о регулярной армии, а об отдельных ротах из горцев), при этом войску надлежало обеспечивать применение этих законов³⁴.

Если взглянуть на эту ситуацию шире, то, по сути, противоречия по поводу того или иного варианта решения «Хайлендской проблемы» отражали еще один, более глубокий и менее однозначный конфликт новоявленных администраторов гэльской окраины — нарождавшийся спор о необходимых и допустимых границах вмешательства Короны и правительства в вопросы социально-экономического и политического развития мятежной гэльской окраины Соединенного Королевства в рамках фискально-военного государства раннего Нового времени.

В свете не вполне определенных итогов Славной революции — юридического и фактического соотношения прерогатив парламента и суверена³⁵ — этот щекотливый вопрос приобретет особое значение уже во второй половине XVIII в., когда на фоне популярных либеральных идей Адама Смита Лондон столкнется с мятежом в американских колониях, по мнению некоторых носивших военный мундир современников, вызванным недостаточным административным

присутствием властей за океаном. Так, в частности, полагал один из генералов «армии Камберленда» Джон Кэмпбелл, 4-й граф Лоадон, назначенный командовать королевскими войсками в Британской Америке с началом Семилетней войны и уже тогда возмущавшийся той степенью свобод, которая отличала колонии и препятствовала «консолидации власти, гражданской и военной, которая может быть законно ему передана» в соответствии с полномочиями, полученными от Тайного Совета ³⁶.

В контексте хайлендской политики Лондона многие военные и штатские чины, их агенты и информаторы, как раз имея в виду негативный американский пример, будут призывать перейти в Горной Шотландии к камералистским практикам континентальных держав, рассматривая Горную Страну как внутреннюю колонию Великобритании — при этом более перспективную с точки зрения государственных затрат и ожидаемых результатов в связи с управляемым и направляемым властями процессом ее колонизации («цивилизации»). В 1750 г. генеральный инспектор конфискованных имений в Хайленде Дэвид Брюс завершил свое грандиозное обозрение кланов риторическим вопросом: «Разве Британия не вкладывает гораздо большие суммы в колонии за океаном, которые и вполтину не так важны, как цивилизация и улучшения этой части Британии, которая сама так долго досаждала и служила укором народу? Кроме того, когда страна [Горная Страна] возделана, а торговля и мануфактуры основательно развиты, это воздаст сторицей интерес и затраты, которые ныне отсутствуют» ³⁷.

Таким был интеллектуальный и моральный климат в кругах чинов, ответственных за умиротворение Горного Края, в котором генерал-лейтенанту Хамфри Блэнду, вновь ставшему командующим королевскими войсками в Шотландии в ноябре 1753 г., довелось отстаивать свое видение решения «Хайлендской проблемы». И надо сказать, что он не только принял самое непосредственное участие в спорах по этому поводу, но и стал для правительства первым по значению администратором в крае с точки зрения влияния его рекомендаций на решения, принимавшиеся королевскими министрами в Лондоне, как в свое время и генерал Уэйд, несмотря на жалобы генерала Черчилля или его сторонников в 1752 году.

В сущности, предложения генерала Блэнда не были оригинальны, однако их формулировка, учитывая приведенный выше контекст, способствовала укреплению административного авторитета командующего в глазах его корреспондентов в правительстве. Едва ли не самый показательный пример в этой связи — вопрос о назначении управляющих конфискованными в Хайленде имениями и определении состава Комиссии по управлению конфискованными имениями, в состав которой вошел сам Хамфри Блэнд.

Еще в 1747 г. парламент принял акт, санкционировавший выверку земельных титулов в Горной Шотландии и передачу шотландским баронам казначейства во временное управление конфискованных у якобитов имений. В течение следующих нескольких лет инспекторы собирали сведения о титулах, а также сообщали в своих рапортах о материальном положении, политических и религиозных пристрастиях их обладателей. Кроме того, исследованию подлежало «состояние» их

арендаторов. Разумеется, рапорты инспекторов содержали и предложения по «улучшениям», адресованные будущим управляющим конфискованными имениями ³⁸.

В итоге было обследовано 53 имения и 41 из них передано в управление баронам казначейства ³⁹. Большинство владений было продано в уплату многочисленных долгов их прежних владельцев, так что, когда в 1752 г. вышел акт о передаче конфискованных имений под управление Короны, только 13 владений подлежали его регулированию. И даже в этом случае противоречия между чинами, генералами и министрами в Лондоне по поводу путей и способов реформирования Хайленда давали о себе знать. Даже состав Комиссии по управлению конфискованными имениями был определен и утвержден только в 1755 г. (настойчивость, с которой генерал Блэнд предлагал назначить кого-либо из указанных им кандидатур на должность секретаря Комиссии по управлению конфискованными имениями, лучшее тому подтверждение) ⁴⁰.

В этих условиях командующий королевскими войсками в Шотландии, как и в «Мемориале касательно цивилизации Горной Страны» 1747 г., предлагал сдавать конфискованные имения в аренду небольшими участками и на длительный срок, исключить из числа претендентов на должности управляющих имеющих «интерес в Хайленде» (вожди, их родственники или приверженцы), а также — и это соображение было высказано только теперь, после повторного назначения — многих представителей местных властей (членов Сессионного суда) из числа «пламенных шотландских патриотов», «умолявших о пощаде для бедных людей (на деле мятежников)» и во время судов «бывших им, скорее, советниками, нежели судьями» ⁴¹.

Однако это была негативная программа: генерал указывал на тех, кого следовало исключить из участия в реформировании Горного Края, но не давал готовый ответ на вопрос о том, кого в таком случае было необходимо назначать управляющими: «Я зашел слишком далеко, излагая свое мнение в делах такой важности и так далеко отстоящих от мой профессии, я надеюсь, Ваша Светлость скорее отнесете это к моему рвению претворить столь многообещающий план, какой задумала Ваша Светлость, чем на счет моего преувеличенного мнения о собственных способностях, поскольку мои познания в гражданских делах недостаточно широки...» ⁴²

Вместе с тем, его письма в Лондон по этому вопросу, а также некоторым другим, связанным с организацией военного и гражданского управления гэльской окраиной, содержат ряд рекомендаций, проливающих свет на то, какое место в процессе решения «Хайлендской проблемы» Хамфри Блэнд отводил военным и гражданским чинам, а также местным информаторам: «Я... придерживаюсь скромного мнения, что разумного англичанина следует назначить секретарем Комиссии [по управлению конфискованными имениями], который не связан с местными партиями. Недостаток знания им этой страны не является препятствием, так как он найдет достаточно честных людей здесь, чтобы восполнить этот пробел, если ему прикажут следовать советам тех людей, на которых Ваша Светлость ему укажет» ⁴³.

Генерал Блэнд рекомендовал также назначить на пост лорда-адвоката Сессионного суда Шотландии (напомним, это высший граж-

данский пост в Северной Британии) Дандэса из Эрнистона: «Он очень здорово помогает мне в получении информации по поводу Хайленда...», кроме того, его жена — «лояльная подданная, убежденная сторонница вигов и у нее английское сердце»⁴⁴.

Рекомендуя герцогу Ньюкаслу полковника Джорджа Ховарда, «часто бывшего в этой стране вместе с полком», командующий обращает внимание на то, что тот «не только отлично зарекомендовал себя в своей профессии как солдат; но, благодаря разностороннему образованию и хорошим природным качествам, способен исполнять обязанности значительно более важного свойства», даже стать преемником генерала Блэнда на посту командующего королевскими войсками в Шотландии в чине генерал-майора, поскольку полковник Ховард «прекрасно подготовлен ко всем происходящим здесь делам и принятию надлежащих мер по их исполнению; что является результатом знания, приобретаемого лишь со временем и опытом, которым он уже обладает; преимущество, которое может быть очень полезно правительству, и, таким образом, оно стоит того, чтобы быть известным Вашей Светлости, поскольку вам может представиться случай привлечь таких подготовленных подданных к королевской службе в будущем»⁴⁵.

Между тем, характерно, что министры в Лондоне учли мнение генерала о том, кого следует назначить лордом-адвокатом Сессионного суда Шотландии, но проигнорировали его соображение о том, кому после него следует занять пост командующего королевскими войсками в Северной Британии (новым командующим в 1756 г. был назначен не протеже Хамфри Блэнда Джордж Ховард, а Джон Баклерк).

Такое развитие событий позволяет говорить о наличии взаимного контроля среди «шотландских» чинов и двойной (или даже тройной) проверке поступавших из Хайленда сведений, инициированной властями и до, и после последнего мятежа якобитов 1745—1746 годов. Так, еще в 1720—1730 гг., во времена генерала Уэйда, параллельным каналом получения информации «о состоянии Хайленда» для правительства был лорд-адвокат, а затем лорд-президент Сессионного суда Шотландии Данкан Форбс из Каллодена, который вел переписку по этому поводу напрямую с герцогом Ньюкаслем, виконтом Тауншендом, сэром Робертом Уолполом и Чарльзом Делафеей, курировавшим агентурную (в том числе антиякобитскую) деятельность правительства⁴⁶.

В этой ситуации и генерал Уэйд, и генерал Блэнд (как и их менее известные и деятельные коллеги на посту командующего королевскими войсками в Шотландии) в споре по поводу путей и способов решения «Хайлендской проблемы» были вынуждены представлять свою службу в крае перед лицом правительства в Лондоне таким образом, чтобы, во-первых, активно претендовать на роль идеального управляющего мятежной гэльской окраиной, а во-вторых, постоянно и аргументировано убеждать министров в том, что предпринимаемые меры являются самыми необходимыми и перспективными.

Таким образом, исследуя особенности принятия решений по «Хайлендской проблеме» во время присутствия в Горной Стране «армии Камберленда», можно отметить, что в контексте тройного идейного конфликта по этому поводу, правительство руководствовалось в большей мере рекомендациями военных. Однако, как и во времена Джор-

джа Уэйда, это обстоятельство было вызвано скорее тем, что генералы лучше отражали намерения и интересы самих властей в рамках хайлендской политики Лондона — весьма ограниченные в 1720-е — 1730-е и, напротив, очень масштабные в 1740-е — 1750-е гг. с точки зрения прямого участия государства в «цивилизации» Горного Края (в особенности с помощью такого института, как королевская регулярная армия).

При этом следует помнить, что при всей самостоятельности командующих в отборе сведений, поступавших к ним от местных информаторов, генералы во многом руководствовались именно ими (по крайней мере, как основой для дальнейших размышлений). Генерал Уэйд, инспектировавший Хайленд и сотрудничавший в этом деле с вождями, и генерал Блэнд, представивший мемориал о путях и способах «цивилизации» мятежной гэльской окраины в соавторстве с лордом Милтоном — хрестоматийные примеры этой общей и неизбежной тенденции. Тот факт, что командующие предлагали на должности мировых судей своих офицеров, можно рассматривать как проявление недоверия к местным властям в условиях мятежа и умиротворения охваченной им гэльской окраины (уж слишком близко в Горной Стране стояли вопросы разоружения и судебных преследований), а можно и как свидетельство кадрового дефицита, с которым генералы столкнулись в Хайленде, и который можно было преодолеть только одним способом — привлекая к сотрудничеству представителей местных элит. В рекомендациях генерала Уэйда по назначениям в мировые комиссии «для графств шотландского Хайленда» значились только военные, однако половину из них составляли капитаны вновь сформированных в 1725 г. отдельных хайлендских рот, вожди или «младшие вожди» кланов Горного Края. Такое же решение проблемы разоружения предлагали и генералу Блэнду в 1747 году ⁴⁷.

Объясняется это тем, что по целому ряду вопросов командующие были попросту некомпетентны (в чем сам генерал Блэнд, например, признавался не раз, а генерал Уэйд, напомним, вообще следовал в составлении своего первого рапорта «о состоянии Хайленда» инструкциям, основанным на мемориале вождя), а в некоторых случаях не имели иной возможности перепроверить сведения, поступавшие к ним от отправленных в шотландские горы военных отрядов. Часто их командиры и их подчиненные были единственными свидетелями событий, о которых они сообщали. Так, политика командующего по умиротворению и «цивилизации» Западных островов в 1750-х гг. была выстроена на основании подлежавших проверке сведений одного единственного, хотя весьма обстоятельного рапорта капитана 3-го пешего полка (знаменитые «Буйволоковые шкуры») Джона Бэрлоу от 30 июня 1753 г. о состоянии Западных островов Шотландии ⁴⁸.

Чтобы понять, к каким результатам привели сформулированные, отобранные и утвержденные таким образом способы решения «Хайлендской проблемы», необходимо проанализировать конкретные мероприятия командующих королевскими войсками в Шотландии, связанные с широким привлечением местных агентов и информаторов, которые до окончательного исчезновения хайлендской угрозы к концу 1750-х гг. составляли основное содержание хайлендской политики Лондона в этом вопросе: разоружение, амнистию, военное сотрудничество. Впрочем, это уже тема другого исследования.

1. LENMAN B. *The Jacobite Risings in Britain 1689—1746*. London. 1980, p. 259—261; SPECK W.A. *The Butcher: The Duke of Cumberland and the Suppression of the 45*. Oxford. 1981, p. 201; BLACK J. *Culloden and the 45*. London. 1990 [2010], p. 177—178; McLYNN F. *Bonnie Prince Charlie*. Oxford. 1991, p. 159—160; PRESTON D. *The Road to Culloden Moor: Bonnie Prince Charlie and the 45 Rebellion*. London. 1995, p. 14; MACINNES A.I. *The Aftermath of the 45*. In: *1745: Charles Edward Stuart and the Jacobites*. Edinburgh. 1995, p. 107—108; ROBERTS J. *The Jacobite Wars*. London. 2002, p. 176—190; OATS J. *Sweet William or The Butcher? The Duke of Cumberland and the 45*. Barnsley. 2008, p. 1—17.
2. Duke of Cumberland to... Inverness., 30.IV[Extracts of His Royal Highness The Duke of Cumberland's Letters, concerning the Regulations to be made in Scotland]. The National Archives (TNA). Secretaries of State: State Papers Scotland Series II (SP) 54.32 (25/111); Duke of Cumberland. Sketch of Regulations, proposed to be made in Scotland. 1746 [вложено в: Duke of Cumberland. Letter to His Grace the Duke of Newcastle. Fort Augustus. 26 VII.1746] TNA. 54.32 (24A/91—95).
3. PLANK G. *Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia. 2006.
4. *Ibid.*, p. 18—19.
5. JOHNSON F.A. *The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760—1830*. PhD thesis. The University of Chicago. 2005.
6. Annual Charts Illustrating the Distribution and Rotation of the Regiments During Selected Periods. In: HOULDING G.A. *Fit for Service: The Training of the British Army. 1715—1795*. Oxford. 1981, p. 409—412, 414.
7. James Erskine to The Right Honorable The Lord Justice Clerk. Edinburgh. 24.III.1746. TNA. SP 54.38 (48B/266); same to the Lord of Hardwicke. London. 13.III.1747; same to same. London. 4.III.1747; same to same. 24.IV.1747; Lord Grange. Remarks on the Bill in the House of Commons for taking away the Heritable Jurisdictions in Scotland. 24.IV.1747. British Library (BL). Hardwick Papers (HP), vol. XCVIII. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. 1737—1748. Add. MS 35446, p. 148, 150, 166, 168—177.
8. BLACK J. *Op. cit.* 2010, p. 189.
9. Annual Charts Illustrating the Distribution and Rotation of the Regiments During Selected Periods. In: HOULDING G.A. *Op. cit.*, p. 34—35, 409—412; CANNON R. *Historical Record of the Twenty-First Regiment, the Royal North British Fusiliers*. Containing an account of the formation of the regiment in 1678, and of its subsequent services to 1849. London. 1849, p. 14—19; TOOGOOD R. *The Royal Scots Fusiliers*. In: *The Lowland Scots Regiments. Their origin, character and services previous to the Great War of 1914*. Glasgow. 1918, p. 161—162; BAYNES J. *Op. cit.*, p. 201; CANNON R. *Historical Record of the Sixteenth, or the Bedfordshire Regiment of Foot; containing an account of the formation of the regiment in 1688, and of its subsequent services to 1848*. London. 1848, p. 16.
10. HOULDING G.A. *Op. cit.*, p. 46—48; REID S. *King George's Army 1740—1793*. P. I. London. 1995, p. 4—5.
11. An Act for taking away and abolishing the Heritable Jurisdictions in that Part of Great Britain called Scotland; and for making Satisfaction to the Proprietors thereof; and for restoring such Jurisdictions to the Crown; and for making more effectual Provision for the Administration of Justice throughout that Part of the United Kingdom, by the King's Courts and Judges there; and for obliging all Persons acting as Procurators, Writers or Agents in the Law in Scotland to take the Oaths; and for rendering the Union of the Two Kingdoms more Complete. *English Historical Documents*. Vol. X. 1714—1783. London. 1957, p. 662—664.
12. An Act for annexing certain Forfeited Estates in Scotland to the Crown unalienably; and for making Satisfaction to the Lawful Creditors thereupon; and to establish a Method of managing the same; and applying the Rents and Profits thereof; for the better civilizing and improving the Highlands of Scotland; and preventing Disorders there for the future. London. 1752.

13. PLANK G. Op. cit., p. 111—113; EJUSD. *Childhood and the Expansion of the Eighteenth-Century British Empire*. In: *The Worlds of Children, 1620—1920*. Boston. 2004, p. 93—111.
14. BLAND H.A *Treatise of Military Discipline; in which is Laid down and Explained The Duty of the Officer and Soldier, Thro' the several Branches of the Service*. London. 1743.
15. A *New System of Military Discipline, founded upon Principle*. Philadelphia. 1776; SIMES T. *The Military Guide, for Young Officers. A large and valuable Compilation from the mod celebrated Military Writers, Marshal Saxe — General Bland — King of Prussia — Prince Ferdinand. Containing the Experience of many Brave Heroes in critical Situations. Including an excellent Military, Historical, and Explanatory Dictionary*. Philadelphia. 1776. См. также: POWERS S.L. *Studying the Art of War: Military Books Known to American Officers and Their French Counterparts in the second Half of the Eighteenth Century*. — *The Journal of Military History*, vol. 70, No. 3 (Jul. 2006), p. 781—814.
16. BLAND H. Op. cit., p. 143; PLANK G. Op. cit., p. 114.
17. *An Account of Lieut. Gen. Bland's Conduct during the time he was Governor of Gibraltar; showing the methods he took to establish His Majesty's Revenue the Property of the Inhabitants, and the Civil Police of the Town, in all its Branches; With the Methods taken by him to cultivate a good Understanding with his Neighbours, the Spaniards and Moors. Written by Himself; For the information of those who may succeed to this command*. BL. MC. Lansdowne MS 1234, p. 93—125; *Report of Mr Attorney Solicitor Genl.: upon the proposal of Gen. Bland late Gov. of Gibraltar for Enlarging the Power of Judge Advocate of that Garrison to try and Punish marauds assaults and etc*. 22. I.1752. In: TNA. PC 1.6.25.
18. BLAND H., FLETCHER A. *Proposals for Civilizing the Highlands [1747]*. In: *Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746—1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746—1748*. Vol. I—II. Aberdeen. 1902 (AP), p. 480—492.
19. *The Lord Justice-Clerk to the Duke of Newcastle*. Edinburgh, Decr 4th, 1747. AP, p. 479.
20. *James Wolfe to his father*. Perth. 15.VII.1750. In: *The Life and Letters of James Wolfe*. London. 1909, p. 126—127.
21. *Duke of Cumberland to the Duke of Newcastle. Fort Augustus*. 5.VI.1746. TNA. SP 54.32 (4A/20).
22. Хорошо известно, что генерал Уолф использовал хайлендские полки в завоевании Квебека, в то же время активно применяя к французским поселенцам и их союзникам-индейцам тактику выжженной земли («военные экзекуции»), опробованную в Горной Стране после разгрома якобитов 16 апреля 1746 г. и точно на том же основании, что к горцам: канадцы — «варвары» и «дикари» в силу образа жизни и/или религиозных пристрастий («папизм»), не соблюдающие правила обычной войны, предпочитая «малую войну» партизанских отрядов.
23. *Major-General Hamphrey Bland to Henry Pelham. Fort Augustus*. 9.VI.1746. Hallward Library, Nottingham University, Nottingham Correspondence of Henry Pelham (1696—1754). Scottish Affairs. NeC 1725.
24. *The Lord Justice-Clerk to the Duke of Newcastle*. Edinburgh, 4.XII.1747. AP, p. 479.
25. *Copy of a letter from Lieut. Gen. Bland to His Grace the Duke of Newcastle*. Edinburgh. 20.XII.1753. BL. HP. Vol. C. *Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs*. 1753—1756. Add. MS 35448, p. 53.
26. BLAND H., FLETCHER A. *Proposals for Civilizing the Highlands [1747]*. AP, p. 480—492; William Cross, Professor of Civil Law at Glasgow and afterwards Sheriff of Lanark. *Some Considerations by way of Essay, upon the means of civilising the Highlands and extinguishing Jacobitism in Scotland*. 1748. To Lieut.-General Bland, Commander in Chief of all His Majesty's Forces in Scotland. National Library of Scotland (NLS). Ms. 5201.
27. *Abuses, or Neglects, in the general Management in Scotland, since the Rebellion*. 1752. BL. HP. *Relating to Scotland*. 1745—1752. Add. Ms. 35,890, p. 303.
28. *Case of Captain Charles Hamilton of Lord Cobham's Dragoons*. July 23, 1746; *Case of Captain Corneill of General Price's Regiment of Foot; Case of Monro of Auchnagarrie, from Earl of Sutherland; Answers for Captain Charles Hamilton of Field Marshal Lord Viscount Cobham's Regiment of Dragoons, to the Petition and Complaint of Thomas*

- Ogilvie of Coull, Merchant in Dundee. BL. HP. Relating to Scotland. 1745—1752. Add. Ms. 35,890, p. 30, 34, 40—41.
29. The Duty of a Souldier to his King and Country, addressed to the Present Officers and Souldiers of the British Army. Edinburgh. 1715; BLAND H. Op. cit.; Rules and Orders for the better Government of His Majesty's Forces employed in Foreign Parts for the Year 1742. London. 1742; Rules for the better Government of His Majesty's Forces by Land, during the present War. Of the Great Use to All Officers, Commanders, and even Common Soldiers. With Submission to His Grace the Duke of Cumberland. London. 1745; The Soldiers pocket companion or the Manual Exercise of a Foot Soldier taken from the Life for the Use of the Gentlemen of the Several Associations. Humbly Inscribed to His Royal Highness The Duke of Cumberland. London. 1746; Rules and Articles for the better Government of His Majesty's Horse and foot Guards, And all Other His Forces in Great Britain and Ireland, Dominions beyond the Seas, and Foreign Parts. London. 1749.
 30. Measures taken by the Military, since the Rebellion, and the Effects thereof. 1752. BL. HP. Relating to Scotland. 1745—1752. Add. Ms. 35,890, p. 330—331.
 31. Copy. Letter L.G. to Viscount Townshend Secretary of State. Edinburgh. 29.XII.1724. NAS. Mar and Kellie Papers. GD 124/15/1263/3.
 32. Some Reflections to the State of North Britain and particularly to that of the Highlands. BL. HP. Relating to Scotland. 1753—1760. Add. Ms. 35,891, p. 118.
 33. *Ibid.*, p. 119.
 34. *Ibid.*, p. 148.
 35. THOMSON A.C. George II. King and Elector. New Haven-London. 2012.
 36. PLANK G. Op. cit., p. 159.
 37. The Highlands of Scotland in the 1750. From Manuscript 104 in the King's Library, British Museum. With an Introduction by A. Lang. Edinburgh-London. 1898, p. 160. Подробнее см.: JOHNSSON F.A. Op. cit., p. 43—47.
 38. David Bruce to the Lord Hardwicke. London. 10.VIII.1749; same to same. Isle of Skye. 3.X.1749; same to same. 10.V.1750; same to same. 11.V.1750; same to same. 1.VI.1750; same to same. 18.VI.1750; same to same. 14.III.1750; Report of David Bruce, Esq., one of the Surveyors of the Forfeited Estates in Scotland. 1750; Copy of a Letter from Mr. John McCaulay [the Minister in the South Uist] to David Bruce, Esq. Surveyor of the Forfeited Estates in Scotland. Ormoclet. 2.II.1750. Copy of a Letter from Mr. John McCaulay [the Minister in the South Uist] to David Bruce, Esq. Surveyor of the Forfeited Estates in Scotland. Benbecula. 7.II.1750. BL. HP, vol. XCIX. Correspondence of the Lord of Hardwicke on Scotch Affairs. January 1749 — July 1753. Add. MS 35447, p. 21, 33, 69, 71, 81, 85, 89—95, 149, 151—153.
 39. PLANK G. Op. cit., p. 111.
 40. General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, and etc. Ed. 17.X.1754; same to same. Ed. 26.X.1754; same to same. Ed. 26.XI.1754. BL. HP, vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs.1753—1756. Add. MS 35448, p. 178, 186, 210.
 41. General Bland to The Right Honourable The Lord High Chancellor. Ed. 25.XII.1753; same to same. Ed. 22.II.1754. BL. HP, Vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs.1753—1756. Add. MS 35448, p. 51, 58.
 42. General Bland to The Right Honourable The Lord High Chancellor. Ed. 25.XII. 1753. BL. HP, vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs.1753—1756. Add. MS 35448, p. 51.
 43. General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, and etc. etc. etc. Ed. 26.XI.1754. BL. HP, vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753—1756. Add. MS 35448, p. 210.
 44. General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, and etc. etc. etc. Ed. 24.XII.1754; same to same. Ed. 11.II.1755. BL. HP, vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs.1753—1756. Add. MS 35448, p. 220, 230.
 45. General Bland to His Grace the Duke of Newcastle, and etc. etc. etc. Edinburgh. 29.X.1754. BL. NP, vol. LII. Add. MS. 32737, p. 225.
 46. The Lord Advocate to Mr Delafaye. Edinburgh. 29.X.1726; Mr Delafaye to Lord Advocate. Whitehall. 7.XI.1727; The Duke of Newcastle to the Lord Advocate. Kensington.

- 25.VII.1729; The Lord Advocate to the Duke of Newcastle. Inveraray, in Argyllshire. 5.VIII.1729; The Lord Advocate to Sir Robert Walpole. Perth. 11.VIII.1730; Mr Delafaye to the Lord Advocate. Whitehall. 10.VII.1732. Culloden Papers: comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance. London. 1815, p. 97, 102, 107—108, 116, 123—124; Forbes to Lord Duke. Edinburgh. 26.VI.1728; Forbes to Sir Robert Walpole. Inverness. 23.VIII.1728; Forbes to Lord Duke of Newcastle [Copy sent to Lord Townshend]. Inverery. 5.VIII.1729; same to same. Inverness. 5.IX.1729; same to same. Inverness. 26.IX.1729; Forbes to Sir Robert Walpole. Inverness. 26.IX.1729; Forbes to Lord [Duke of Newcastle или Townshend]. Edinburgh. 31.X.1729. TNA. SP 54.19 (34/117—118, 44/141—142, 65/309—311, 91/325—326, 97/340, 97/342, 101/351).
47. List of Governors and other Officers proper to be put into the New Commissions of the Peace for the Highland Countys in Scotland [вложен в письмо: Wade to... Edinburgh. 16.VII.1727]. TNA. SP 54.18 (25B/128). List of Officers of the Army proposed to be added to the Ordinary Lists of the Justices of Peace in all the countys where the Disarming Act takes place [содержится в: FLETCHER A. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh. 15.XII.1747]; List of persons proposed to be assisting to Lieutenant General Bland in the execution of the Disarming Act [содержится в: Lord-Justice Clerk to the Duke of Newcastle. Edinburgh. 15.XII.1747]. AP, p. 503—504.
48. Copy of Captain Barlow's Report. To Lieut.-Gen. Churchill. 30.VI.1753; Captain John Barlow to Colonel Holmes. Uala-North Uist. 9.X.1753; Report from Captain Barlow of the Buffs, giving a Description of the Western Isles of Scotland, where the parties under his command were employed on Outpost Duty Summer 1753. Edinburgh. 1.I.1754; Lieut.-Gen. H. Bland to the Duke of Newcastle. Edinburgh. 14.II.1754 [copy of the Report of Captain Barlow enclosed, p. 29—34]. BL. HP. Relating to Scotland. 1753—1760. Add. Ms. 35,891, p. 5—8, 19, 23—26; Memorandum relating to the Western Isles of Scotland; General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, Lord Chancellor. Ed. 22.II.1754; General Bland to the Right Honourable The Lord Hardwick, and etc. etc. etc. Ed. 6.VII.1754; Copy of a Letter from Mr. George McKenzie, lately appointed Factor by Lord Fortrose on his Estate in the Island Of Lewis. To Lieut. Colonel Watson, dated at Brachan Castle. 28.VII,1754. BL. HP, vol. C. Correspondence of the Lord Hardwicke on Scotch Affairs. 1753—1756. Add. MS 35448, p. 49, 57—58, 110, 112.

Афганистан в политике СССР и США в 1979 г.

Т.А. Воробьёва, В.Т. Юнгблюд

Аннотация. В конце декабря 1979 г. завершился период разрядки международной напряженности, начался новый виток холодной войны. Поворотной точкой в развитии международных отношений стало решение советского руководства о вводе в Афганистан ограниченного контингента войск. На основе широкого круга документов, воспоминаний непосредственных участников событий, работ отечественных и зарубежных авторов в статье исследуется роль американского фактора в афганской политике СССР в 1978—1979 годах.

Ключевые слова: советско-американские отношения, разрядка, холодная война, Афганистан, Политбюро ЦК КПСС, ЦРУ, Л.И. Брежнев, Дж. Картер, З. Бжезинский.

Abstract. At the end of December 1979 the détente period ended and a new phase of the Cold War began. The decision of the Soviet leadership to bring a limited contingent of troops to Afghanistan became the turning point in the international relations. The paper analyses the role of the American factor in the USSR policy in Afghanistan in 1978-1979 with reference to a wide range of documents, memoirs of the participants in the events, works by domestic and foreign authors.

Key words: Soviet-American relations, détente, the Cold War, Afghanistan, Politburo of the CPSU Central Committee, the CIA, L. Brezhnev, J. Carter, Z. Brzezinski.

Война 1979—1989 гг. в Афганистане — одна из тех, которые быстро не забываются. На протяжении более 35 лет этот конфликт по-разному оценивался, имел продолжение, менялись его участники. Отношение к решению советского руководства ввести войска в Афганистан никогда не было однозначным. Вот, например, мнение генерал-майора Ю.И. Дроздова, легендарного руководителя нелегальной разведки КГБ СССР, активного участника афганской войны: «Ввод войск в Афганистан, вне всякого сомнения, был ошибкой. Очаг опасности для

Воробьёва Тамара Альбертовна — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: listak@mail.ru; *Юнгблюд Валерий Теодорович* — доктор исторических наук, профессор Вятского государственного университета. Киров. E-mail: youngblood@vyatsu.ru.

Vorobyova Tamara A. — candidate of historical sciences, associate professor of Vyatka State University. Kirov. E-mail: listak@mail.ru; *Yungblud Valery T.* — doctor of historical sciences, professor of Vyatka State University. Kirov. E-mail: youngblood@vyatsu.ru.

нашей страны там был, данных на этот счет имелось достаточно. Разрешать же кризисную ситуацию следовало путем переговоров»¹. Генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко, в 1979—1991 гг. являвшийся первым заместителем руководителя Первого главного управления КГБ СССР, отмечал: «Мне кажется, что не сам ввод войск в Афганистан был трагической ошибкой, а именно их присутствие там в течение десяти лет»². Участник боевых действий в составе ограниченного контингента вооруженных сил СССР в Афганистане, в 1996—1998 г. возглавлявший ФСБ России, генерал армии Н.Д. Ковалёв считает вопрос о целесообразности ввода войск риторическим: «Мог ли Советский Союз оставаться равнодушным к происходящему? Как еще он должен был бы реагировать на реальную перспективу появления у себя под боком радикального и агрессивного исламистского государства, да еще подконтрольного американцам?»³

Как видим, даже среди представителей высшего руководства органов государственной безопасности СССР, вовлеченных в процесс принятия решений, а затем непосредственно участвовавших в их исполнении, нет единства взглядов. Тот же разброс мнений, оценок и выводов, порой диаметрально противоположных, характерен и для воспоминаний о предыстории афганской войны, оставленных руководителями и ответственными работниками аппаратов ЦК КПСС и Советского государства, Министерства иностранных дел СССР, Министерства обороны СССР, дипломатов, политических советников СССР в Афганистане, генералов и офицеров советской армии.

За прошедшие годы опубликовано большое количество работ, в том числе и за рубежом, но споры по поводу правомерности и целесообразности ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 г. не утихают. На волне гласности, в период перестройки в 1989 г. Съезд народных депутатов оценил это решение как заслуживающее «морального и политического осуждения»⁴. Сейчас раздаются голоса за отмену данного постановления, что, в свою очередь, вызывает критику со стороны либеральной общественности. На наш взгляд, проблема не в оценке, а в вопросе — была ли альтернатива этому решению? Найти однозначный ответ на этот вопрос непросто, ибо, как пишет еще один активный участник событий тех лет генерал-лейтенант Л.В. Шебаршин, «многие прошлые решения выглядят неясными с позиций сегодняшнего дня. Все они в свое время были жестко обусловлены совокупностью объективных и субъективных факторов и не могли быть иными»⁵. Безусловно, одним из наиболее существенных факторов, влиявших на главные внешнеполитические решения руководства СССР в те годы, были отношения с США, составлявшие во второй половине 1970-х гг. важную часть политического контекста международных отношений.

На основе опубликованных документов, воспоминаний непосредственных участников событий, работ зарубежных авторов в данном очерке предпринята попытка проанализировать роль американского фактора в афганской политике СССР в 1978—1979 годах⁶.

В российской политике, в отличие от американской, Афганистан занимал особое место. В XIX в. он был разменной картой в «Большой игре» Британии и Царской России в Центральной Азии. Затем Советская Россия, ставшая первым зарубежным государством, признав-

шим независимость Афганистана, подписала в 1921 г. первый в истории этой страны равноправный договор ⁷. Тогда в Вашингтоне к этому отнеслись спокойно. В послании президенту У. Гардингу, датированном 18 июля, государственный секретарь Ч.Э. Хьюз писал: «Я не думаю, что советский договор с Афганистаном будет препятствием для наших действий» ⁸.

После окончания второй мировой войны США предприняли попытку втянуть Афганистан в систему военных блоков, которые создавались вдоль южных границ Советского Союза — СЕНТО и СЕАТО. Однако в 1954 г. Дж.Ф. Даллес решил, что с точки зрения американской безопасности Афганистан не представлял интереса. Вашингтон отказал в военной помощи Кабулу, в которой тот нуждался из-за напряженных отношений с Пакистаном. Кроме того, учитывалась возможная нежелательная реакция со стороны СССР и Индии, обострение отношений с которыми тогда не входило в американские планы ⁹. Вплоть до 1978 г. Афганистан был на периферии американских стратегических интересов на Среднем Востоке ¹⁰. В конечном итоге основными союзниками США в регионе стали Иран и Пакистан. Афганистан сохранил свой статус нейтрального государства.

С середины 1950-х гг. советско-афганские отношения стали активно развиваться, как при короле Захир-шахе, так и в период правления М. Дауда, пришедшего к власти в 1973 г. после свержения монархии ¹¹. Сотрудничество СССР с Афганистаном в США нередко трактовалось как продолжение «Большой игры». В пропагандистских кампаниях Запада широко использовалась версия о стремлении советского руководства к установлению контроля над нефтяными богатствами Персидского залива ¹².

Парадоксально, но накануне резкого обострения ситуации на Среднем Востоке был непродолжительный период, когда американскому руководству могло казаться, что эти опасения перестали быть актуальными. В 1977 г., на старте своего президентского правления, Дж. Картеру удалось «снискать уважение в нефтяном мире» тем, что он сумел убедить руководство Ирана отказаться от планов повышения цен на нефть. «В глазах многих он был факиром, который приручил шаха и обратил ценового ястреба в голубя», — пишет Д. Ергин. В канун 1978 г. у президента очевидно не было опасений относительно возможных угроз в районе Персидского залива. Во время новогоднего ужина во дворце шаха в Тегеране Картер назвал Иран «надежным островком стабильности в одном из наиболее беспокойных регионов мира» ¹³.

Буквально через несколько часов после того, как были произнесены эти слова, наступил 1978 год, взорвавшийся казавшийся неизблемым социальный порядок не только в Иране, но и в соседнем Афганистане ¹⁴. 8 января в Иране вспыхнула исламская революция, которая через год привела к бегству из страны шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, возвращению в Тегеран лидера шиитского духовенства аятоллы Хомейни и провозглашению 1 апреля 1979 г. Исламской республики Иран. Почти параллельно с этим в Афганистане 28 апреля 1978 г. произошел переворот, в результате которого к власти пришла НДПА, а руководящую роль в государстве стали играть ее лидеры Н.М. Тараки и Х. Амин. Апрельская (саурская) революция разви-

валась под лозунгами воинствующего антиисламизма, а ее руководители заявляли о своей приверженности идеям социализма и ориентации на СССР. Таким образом, баланс сил и интересов сверхдержав в регионе был нарушен, что с неизбежностью должно было побудить и Кремль и Белый дом к активным действиям.

Когда началась революция в Иране, «Картер растерялся... и упустил инициативу»¹⁵. Для растерянности были основания: рухнул самый надежный «бастион прозападных интересов»¹⁶ на Среднем Востоке. В Вашингтоне понимали, что падение шаха объективно наносило ущерб интересам США и, следовательно, усиливало в этом регионе позиции СССР¹⁷. Бывший директор советского отделения СНБ США Уильям Одом позднее вспоминал, что у него, а еще раньше у его шефа — советника президента по национальной безопасности Збигнева Бжезинского — возникло ощущение, что в районе Персидского залива США «попали в плохую ситуацию»¹⁸. Другой высокопоставленный чиновник, эксперт по делам Ирана и Ближнего Востока в СНБ Г. Сик отмечал, что в Вашингтоне воспринимали события в регионе как «коллапс собственной внешнеполитической стратегии»¹⁹. На этом фоне весьма распространенным явлением стало возрождение антисоветских предрассудков, которые не замедлили проявиться в настроениях политического руководства США. Не все, но многие в Вашингтоне главной причиной неблагоприятного развития событий считали «руку Москвы»²⁰, в том числе и потому, что в СССР действительно имело место радостное «возбуждение от того ущерба, который мог быть нанесен американским интересам». «Это был первый реальный антизападный порыв в регионе с момента Суэцкого кризиса. Он определенно компенсировал измену Садата»²¹, — отмечал американский исследователь Дж. Хэзлэм, приводя в качестве подтверждения того, что в Москве на первых порах благосклонно восприняли всплеск антиамериканизма в Иране, известную фразу первого заместителя министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко: «О таком повороте событий мы и мечтать не могли»²².

Вашингтон не терял надежды восстановить свои позиции в Иране. Заявления видных американских политиков, начиная с февраля 1979 г., изобиловали сильными формулировками, напоминавшими о «жизненно-важных интересах США в зоне Персидского залива» и готовности их защищать «любыми подходящими мерами, включая военную силу»²³. Руководство СССР было хорошо информировано о таких настроениях, принимало звучащие угрозы, в том числе, и на свой счет, рассматривая их преимущественно в контексте афганских событий. Не удивительно, что в Москве скоро стали распространяться «слухи о том, что Вашингтон планирует военную акцию» в Иране. Причем, основания для таких слухов подкреплялись информацией, поступавшей из Афганистана²⁴.

Апрельская революция в Афганистане существенно осложнила и без того непростые американо-советские взаимоотношения в регионе. Важно отметить, что на самой начальной фазе эскалации кризиса обе страны занимали во многом сходные, сопоставимые позиции. В США исходили из того, что Афганистан не представлял для них существенного интереса, и афганская проблематика не занимала высокого места в шкале приоритетов государственной стратегии²⁵. В СССР

председатель КГБ Ю.В. Андропов, в свою очередь, еще до перехода кризиса в острую фазу пришел к выводу, что в Иране у левых «нет будущего»²⁶, из чего следовало, что у СССР нет оснований для активизации своей политики в отношении этой страны. Категориями экспансии не оперировала ни одна сторона, в официальных заявлениях пока преобладала преимущественно оборонительная риторика. Не произносимая вслух, но подразумеваемая и фактически соблюдаемая политика разделения сфер влияния вплоть до февраля-марта 1979 г. не ставилась под сомнение ни в Москве, ни в Вашингтоне. Обе стороны демонстрировали решимость сохранить свои позиции на ранее подконтрольных территориях.

Москва обозначила свои намерения прочно удержать свои афганские рубежи, подписав 5 декабря 1978 г. «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Демократической Республикой Афганистан», который предписывал «с согласия обеих сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран». Четвертая статья Договора прямо говорила о сотрудничестве в военной области на основе заключенных «соответствующих соглашений». Не только политически, но и эмоционально эта решимость была подтверждена на заседании Политбюро 17 марта 1979 г., собравшегося по поводу восстания в Герате, когда практически все участники в своих выступлениях подчеркнули, что «Афганистан нельзя отдавать ни при каких обстоятельствах»²⁷.

Гораздо позднее по итогам ретроспективного анализа некоторые высокопоставленные политики и руководители разведки США использовали оба указанных факта — Договор от 5 декабря 1978 г. и выступления членов Политбюро ЦК КПСС 17 марта 1979 г. — как подтверждение тому, что планирование ввода войск в Афганистан началось еще в конце 1978 — начале 1979 года. Одом говорил об этом в 1995 г., как о заслуживающей обсуждения гипотезе²⁸, эксперт из СНБ Д. Макичин, посвятивший данной проблеме отдельную монографию, преподносил этот вывод как доказанную версию²⁹. Однако, реальность была иной: никакие решения о вводе в Афганистан воинских контингентов тогда не принимались. Речь также не шла о подготовке «какого-то грандиозного геостратегического плана с целью овладеть плацдармом на путях к нефтяным богатствам Ближнего Востока и получить глобальное преимущество над США»³⁰. На этом этапе аргументы идеологического плана (проявить солидарность и поддержать правительство, готовое присоединиться к социалистическому содружеству) еще уживались с соображениями государственного прагматизма (бремя этой поддержки не должно быть чрезмерным). В то же время, для самих Соединенных Штатов эти даты, очевидно, послужили отправными точками для существенной корректировки политического курса: сразу после того, как был подписан советско-афганский договор ЦРУ приступило к консультациям с разведкой Пакистана по вопросам поддержки сил афганской оппозиции, которые не прекращались вплоть до 1989 г.; в марте 1979 г. Особый координационный комитет СНБ приступил к планированию оказания помощи вооруженных формирований моджахедов. Примечательно,

что по оценкам ЦРУ, СССР в тот момент «менее всего желал использовать в Афганистане большое количество наземных сил для того, чтобы сохранить у власти действующее правительство»³¹.

Эволюция позиции советского руководства по афганской проблеме происходила в условиях специфической обстановки, сложившейся в афро-азиатском мире к началу 1979 года³². После победы исламской революции в Иране распался блок СЕНТО. Этому событию предшествовало поражение США во Вьетнаме, образование Социалистической республики Вьетнам (СРВ) и ликвидация блока СЕАТО. В конце 1970-х гг. неблагоприятная для США обстановка складывалась в Африке — приход к власти левых сил в Анголе и Мозамбике, установление просоветских режимов в Южном Йемене и Эфиопии. На территорию Анголы и Эфиопии по просьбе левых режимов были введены кубинские войска. Не случайно Бжезинский, анализируя ситуацию, заявил о появлении «кризисного полумесяца» или «дуги нестабильности», представлявшей угрозу для стратегических интересов США. Причем, складывание такой ситуации в Белом доме были склонны относить на счет злонамеренной политики Кремля, который под прикрытием разрядки якобы пытался решить одну из своих главных стратегических задач — выйти на побережье Индийского океана и к Персидскому заливу.

Выкладки Бжезинского были умозрительной конструкцией, логичной и удобной для использования во всевозможных презентациях. Но к внешнеполитическим планам СССР они имели весьма приблизительное отношение. В этой связи показателен эпизод, о котором рассказал посол СССР в США А. Добрынин участникам российско-американского симпозиума в середине 1990-х годов. На одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС Брежнев обратился к нему с вопросом: «Анатолий, а дуга кризиса — это где? Я что-то читал об этом в материалах ТАСС. Бжезинский все время об этом говорит. О чем это они?»³³ Впрочем, несмотря на слабую осведомленность Генерального секретаря ЦК, дуга нестабильности действительно существовала, а поскольку в официальной советской пропаганде тезис о том, что разрядка не распространяется на сферы идеологии и поддержку Советским Союзом антиимпериалистических и национально-освободительных движений, в конце 1970-х гг. оставался незыблемым, то аналитики из СНБ и ЦРУ склонны были во всех действиях СССР усматривать далеко идущий зловещий смысл.

Согласно Г. Киссинджеру, ослабление американских позиций в регионе позволило Москве в середине 1970-х гг. сделать вывод, что «историческое соотношение сил сместилось в ее сторону. В результате она попыталась осуществить экспансию в Йемен, Анголу, Эфиопию и, наконец, в Афганистан»³⁴. Однако оценка Киссинджера отражала лишь одну сторону политики СССР в то время.

Одновременно советское руководство констатировало появление негативных тенденций. Прежде всего, это было связано с политикой Пекина. Так, вскоре после поражения американцев во Вьетнаме вспыхнула китайско-вьетнамская война, которая, как заметил Киссинджер, «велась при тесном сотрудничестве между Китаем и США»³⁵. Бжезинский рассматривал сближение с Китаем «как способ бросить вызов СССР». В этом вопросе ему удалось заручиться поддержкой

президента. 15 декабря 1978 г. Картер сделал заявление о том, что США и КНР устанавливают официальные дипломатические отношения ³⁶. 1979 год стал кульминацией американо-китайского альянса на базе антисоветизма. В сентябре этого года министр обороны США Г. Браун предложил усилить военный потенциал Китая на случай войны с СССР ³⁷. В Кремле знали, что «Китай, также как Пакистан и Саудовская Аравия, соперничал в своем влиянии на Афганистан и оказывал поддержку афганской оппозиции еще до того, как Картер об этом распорядился» ³⁸. О том, что мятежники в Афганистане получают прямую и опосредованную помощь из-за рубежа Брежнев говорил Э. Хонеккеру 4 октября 1979 г., назвав в числе главных поставщиков США, Китай и Иран ³⁹.

Что касается иранского фактора, то нельзя было исключать угрозы распространения исламизации на южные регионы СССР и на Афганистан ⁴⁰. Несмотря на то, что после провозглашения развитого социализма считалось, что с религиозным, в том числе и мусульманским, мировоззрением в СССР покончено, возрождение исламского фундаментализма в непосредственной близости от государственных границ не осталось незамеченным. Этот факт был отмечен на заседании Политбюро ЦК КПСС 12 апреля 1979 г.: «Толчком к активизации антиправительственных выступлений духовенства в Афганистане послужили события в Иране, сопровождавшиеся вспышкой религиозного фанатизма на всем мусульманском Востоке» ⁴¹. Кроме того, в самый разгар обсуждения в Москве вопроса о вводе войск в Афганистан, в Тегеране было захвачено американское посольство, в связи с чем, администрация Картера не исключала применение военных действий против Ирана. По крайней мере, был отдан приказ об усилении военно-морской группировки в Индийском океане ⁴².

Компенсировать ослабление своих позиций в регионе, как предполагали в Москве, США могли через увеличение военной помощи Пакистану и втягивание Афганистана в пакистанскую орбиту. Пакистанская политическая элита вынашивала планы создания «Великого Пакистана» за счет консолидации пуштунских территорий, разделенных британцами линией Дюранда ⁴³. Правда, в то время отношения Исламабада с Вашингтоном были натянутыми, так как США блокировали пакистанскую ядерную программу. Однако задолго до ввода советских войск США действительно сделали ставку на Пакистан, увеличивая экономическую помощь этой стране и поставляя оружие. С этой целью ЦРУ приступило к разработке, а затем и к реализации программы поддержки афганских моджахедов («Циклон») ⁴⁴. Начало было положено 5 марта (то есть почти на две недели раньше восстания в Герате), когда ЦРУ подготовило первый перечень возможных тайных операций по поддержке афганских мятежников для обсуждения на заседании Особого координационного комитета СНБ. Позднее эта работа велась с нарастающей интенсивностью, а сформированная в начале марта повестка постоянно расширялась. На одном из таких совещаний 30 марта был поставлен ключевой вопрос: насколько велика заинтересованность США в поддержке моджахедов, борьба с которыми может «втянуть Советы в трясину вроде вьетнамской»? Председательствовавший на том совещании заместитель Бжезинского по СНБ Дэвид Аарон при подведении итогов поставил два взаимо-

связанных вопроса, ответы на которые существенно повлияли на направленность последующей политики США: «Целесообразно ли укреплять мятежников и предоставлять им помощь, или вследствие этого возрастает неоправданный риск провоцирования Советов?»; «что можно сделать для того, чтобы помочь Пакистану справиться с этой ситуацией?»⁴⁵

В начале апреля 1979 г. Бжезинский на заседании этого комитета категорично высказался в пользу поддержки афганской оппозиции. Одновременно американские дипломаты решили начать консультации с Египтом и Саудовской Аравией по вопросам совместных действий в Афганистане⁴⁶.

Таким образом, в Вашингтоне внимательно следили за развитием событий в этой стране и действиями Москвы. В ЦРУ уже тогда допускали возможность ввода советских войск. Бжезинский в своих мемуарах отмечает, что несколько раз, сначала в конце марта, затем в начале апреля и в начале мая, он доводил до сведения президента свою точку зрения и раскрывал мотив, которым, по его мнению, могли руководствоваться советские власти, принимая решение о наращивании своего вмешательства в дела Афганистана, — «традиционное стремление России на юг». Он считал, что план Москвы заключался в «расчленении Пакистана и Ирана вслед за оккупацией Афганистана, что позволяло выйти к Индийскому океану»⁴⁷.

Бжезинский умел быть убедительным. 3 июля Картер подписал распоряжение о помощи афганским моджахедам — почти на полгода раньше, чем советские войска пересекли границу этой страны. Этот документ предусматривал информационную и пропагандистскую поддержку повстанцев, проведение в их пользу психологических операций; радиовещание на Афганистан через передающие устройства третьих стран и предоставление напрямую, или через третьи страны поддержки афганским мятежникам наличными средствами или невоенными (нелетальными) материалами. На выполнение этой программы было выделено чуть больше полумиллиона долларов и почти все эти средства были освоены в первые шесть недель. Хотя масштабы прямой помощи первоначально были незначительными, в Москве сделали соответствующие выводы. К концу 1979 г. только прямые затраты на финансирование мероприятий в рамках этого распоряжения составляли уже десятки миллионов долларов⁴⁸.

Развитие военного сотрудничества с Пакистаном было дополнительно укреплением политических связей США с этой страной во время визита в Исламабад государственного секретаря Сайруса Вэнса в конце октября 1979 года. По итогам переговоров Вэнс уведомил американское посольство в Кабуле о том, что «США подтвердили намерение поддерживать безопасность Пакистана», в том числе и в случае агрессии против него со стороны Афганистана. В своем отчете Вэнс сообщал: «При обсуждении дипломатических аспектов безопасности Пакистана, американская сторона подчеркнула намерение учитывать пакистанские интересы при развитии своих отношений с главными континентальными силами в Азии. Мы также сказали, что будем продолжать использовать наше влияние на Дели, чтобы поощрить Индию к сдержанности и сотрудничеству с Пакистаном. В Афганистане... мы будем использовать все имеющиеся в нашем рас-

поряжении рычаги в Кабуле, чтобы побудить Афганистан занять сдержанную позицию в отношении Пакистана, и мы будем доводить до сведения Советов, что мы ожидаем от них уважения афганской независимости и невмешательства во внутренние дела. Американская сторона отдельно подчеркнула, что двустороннее соглашение 1959 с Пакистаном будет применено в случае агрессии со стороны Афганистана»⁴⁹. Таким образом, ответы на оба вопроса, поставленные Аароном на совещании 30 марта, получили однозначные ответы и конкретное материальное воплощение. США решили, что выгоды от поддержки моджахедов и превращения Пакистана в опорную базу афганского сопротивления перевешивают риски ухудшения отношений с СССР и подталкивания Москвы к эскалации ее военного присутствия в Афганистане.

В американской историографии распространено утверждение, что только «ввод советских войск подтолкнул США поддержать оппозицию»⁵⁰, однако это противоречит фактам. Имеется и полярная точка зрения, согласно которой поддержка афганских повстанцев побудила СССР втянуться в этот конфликт. В интервью французскому журналу «Le Nouvel Observateur» в 1998 г. Бжезинский сказал: «Мы не толкали русских вмешиваться, но мы *намеренно* увеличивали вероятность того, что они это сделают». Сразу после того, как войска СССР пересекли границу, он написал Картеру: «Теперь у нас есть шанс дать Советскому Союзу свою вьетнамскую войну». На следующий вопрос журналиста: «Когда Советы оправдывали свои усилия, заявляя о тайном вмешательстве США в афганские события, никто им не верил. Тем не менее, теперь известно, что они были правы. Сегодня Вы не сожалеете об этом»? Бжезинский ответил: «Сожалею, о чем? Секретная операция была отличной идеей. Ее результатом стало заманивание Советского Союза в афганскую ловушку, и Вы хотели бы, чтобы я жалел об этом?»⁵¹

В 1995 г. на конференции в Осло, где в рамках Нобелевского симпозиума встретились бывшие участники этих событий, генерал Одом заявил: «Я считал стратегию СССР, основанную на масштабном вовлечении, безусловно глупой. Я думал, что, если такое произойдет, то с точки зрения наших интересов, это будет совсем неплохо»⁵². Р. Биллард из Колорадского университета, в опубликованной в 2010 г. статье, также пишет об «американской причастности к вводу советских войск в Афганистан»⁵³. При этом остается вопрос — являлась ли политика США в отношении Афганистана, в частности поддержка Вашингтоном вооруженного сопротивления существующему режиму, решающим или хотя бы значимым фактором при принятии советским руководством решения о вводе войск?

Важно иметь в виду, что и Бжезинский, и Одом выступали со своими откровениями постфактум. В середине 1990-х гг. многие американские политики испытывали эйфорию от геополитических итогов предшествующего десятилетия. Холодная война завершилась. СССР распался. Оценивая события, происходившие накануне ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан, они пытались представить свои действия как продуманную стратегию по заманиванию СССР в «афганский капкан», которая увенчалась успехом. Так создавался миф о победителях в холодной войне, рыцарях

демократии, сокрушивших советскую империю, не сумевшую преодолеть испытание Афганистаном.

Курс на поддержку моджахедов путем развертывания тайных операций не был какой-то дипломатической инновацией. Скорее наоборот, он возрождал идеологию и практику холодной войны, был пятным движением от разрядки, которое исключало возможности решения проблем региона в режиме диалога. Правда советская сторона также не стремилась к такому диалогу, полагая, что свои проблемы в Афганистане СССР должен решать самостоятельно, ни с кем не советуясь и вне контекста переговоров по ОСВ—2. Брежнев, по словам Добрынина, прямо говорил, что политика СССР в Афганистане никак не связана с разрядкой. Американцы, действительно, несколько раз пытались предупредить советское руководство о том, что развитие ситуации в Афганистане «вызывает у них обеспокоенность», однако эти протесты «были очень мирными» и «формальными»⁵⁴. Руководители СССР не считали, что США всерьез пытаются повлиять на их курс и остановить или ограничить вовлечение советских вооруженных сил в афганские дела. Наоборот, в конце сентября 1979 г. во время беседы министра иностранных дел СССР А.А. Громыко с министром иностранных дел Афганистана Шахом Вали в Нью-Йорке советский дипломат отметил: «У нас сложилось впечатление, что американцы все еще колеблются и не могут прийти к определенному заключению. Очевидно, они не выработали никакой конкретной линии поведения. Во время наших бесед с ними... они специально не затрагивали этот вопрос»⁵⁵.

При внимательном чтении записки Бжезинского Картеру от 26 декабря 1979 г. видно, что знаменитая фраза о том, что СССР может получить «свой Вьетнам», совершенно не содержит того победоносного и торжествующего смысла, которым ее наделили много лет спустя. Меморандум, по сути, передает все то же настроение неопределенности, неуверенности и тревоги. Бжезинский пишет: «В Иране и Афганистане сейчас беспорядки, Пакистан также переживает внутреннюю нестабильность и испытывает большую тревогу по поводу внешнеполитического положения. Если Советы добьются успеха в Афганистане... то многовековая мечта Москвы получить прямой доступ к побережью Индийского океана воплотится в реальность. Исторически британцы создали барьер на пути этого продвижения, и Афганистан стал их буферным государством. Мы признали эту его роль в 1945 году, но иранский кризис привел к крушению баланса сил в Юго-Западной Азии, и он может привести к присутствию Советов прямо на границе Арабского и Оманского проливов. В связи с этим *советская интервенция в Афганистан представляет для нас исключительно большой вызов*, как международный, так и с точки зрения внутренней политики. Хотя она и может превратиться в советский Вьетнам, *непосредственный эффект интервенции для нас может оказаться неблагоприятным...*»⁵⁶ Приведенный далее обширный перечень возникших у США проблем совершенно не похож на отчет об успешной операции. Администрация Картера в тот момент находилась в очень непростой ситуации: в Тегеране исламисты продолжали удерживать заложников, Конгресс отказывался ратифицировать ОСВ—2, в Афганистан вошли советские войска, а администрация не

имела никаких ресурсов для того, чтобы их остановить. Внятной политической программы также не было. И все это совпало с началом президентских выборов, на которых администрация Картера потерпела сокрушительное поражение.

Жесткая позиция Картера в отношении афганской политики Москвы, по мнению ряда американских исследователей, объяснялась, помимо прочего, действием субъективного фактора. Так Д. Гэддис считал, что негативную роль сыграл помощник президента по национальной безопасности Бжезинский. В отличие от госсекретаря Вэнса, выступавшего за сохранение американо-советского диалога, он критически относился к самой политике разрядки⁵⁷. Сам Бжезинский объяснял свою заинтересованность во вводе советских войск в Афганистан сложившейся к 1980 г. обстановкой в Польше. Вторжение советской армии в Афганистан, по его мнению, могло предотвратить силовое подавление польской оппозиции, как это случилось с Чехословакией в 1968 году⁵⁸.

Субъективный фактор сказывался также на действиях советской стороны. О.А. Вестад обращает внимание на то, что в Москве окончательное решение по Афганистану было принято «больным и изолированным лидером», политическое внимание которого «охватывало крайне ограниченную область», который имел тенденцию принимать решения, оперируя «строго персонализированными терминами: «Для Брежнева Амин был “непорядочным человеком”, который узурпировал власть, убив президента Нур Мухаммеда Тараки всего через несколько дней после того, как тот обнимался с Брежневым в Москве»⁵⁹. По этому поводу необходимо отметить, что вряд ли справедливо возлагать ответственность только на Генерального секретаря ЦК КПСС. Решение о вводе войск не было спонтанным, и в его подготовке принимали деятельное участие другие руководители, прежде всего Ю.В. Андропов, А.А. Громыко, М.А. Сулов, Д.Ф. Устинов. Работала специальная комиссия по Афганистану. Тем не менее, тот факт, что афганская проблема обсуждалась очень узким кругом лиц без привлечения экспертов, бесспорен.

На политику Вашингтона и Москвы в 1979 г. большое влияние оказывала ситуация в самом Афганистане. Курс НДПА на социализм был объявлен в крайне отсталой стране, что создавало серьезные проблемы для Москвы. Основная масса населения была подвержена влиянию традиционных компонентов общественного сознания, таких как этническая психология, высокий уровень религиозности при низком уровне грамотности, идея независимости и объединенного сопротивления общему врагу, то есть джихада против неверных. По словам генерала В. Варенникова, афганцы «до фанатизма преданы памяти своих предков и канонам ислама»⁶⁰. Неспособность лидеров НДПА найти «оптимальные пути и методы проведения модернизации страны», внутривластная борьба и фракционность, личные амбиции, политическая незрелость новой афганской элиты, пришедшей к власти, — все это создавало проблемы для СССР с самого начала «Саурской революции». Из-за своих непродуманных реформ левый режим не пользовался поддержкой со стороны населения, активизировалась оппозиция, в которой заметную роль играли исламистские силы, в НДПА развернулась острая межфракционная борьба за власть.

Слабость режима отмечалась в донесениях американского посольства. США были заинтересованы в падении просоветского режима в Кабуле, хотя допускали, что приход к власти радикальных исламистов, мог иметь «отрицательные последствия для любых будущих социальных и экономических реформ в Афганистане» ⁶¹.

Восстание в провинции Герат в марте 1979 г. положило начало гражданской войне. Вслед за этим последовало обращение Тараки с просьбой «оказать техническую и практическую помощь людьми и вооружением» ⁶². И хотя первые просьбы такого рода встретили вежливый, но твердый отказ, Москва ощущала себя в какой-то степени «заложником своего своенравного протезе» ⁶³. Работники американского посольства в Кабуле очень хорошо это понимали. «Поскольку халькистское руководство постоянно испытывало нарастающее давление со стороны распространявшегося афганского мятежа, оно сразу же всецело и публично доверилось поддержке и покровительству СССР. Например, премьер министр Хафизулла Амин недавно сообщил корреспонденту “Ньюс”, что, если Афганистан подвергнется военному нападению, Советский Союз, конечно, окажет такую помощь, какая будет необходима», — писал в Вашингтон поверенный в делах США в Афганистане Амстуц ⁶⁴. В то же время, американская разведка докладывала, что действия Москвы в Афганистане мотивируются не только желанием сохранить действующий просоветский режим, но и рядом других факторов. На первое место среди них ставилось желание «избежать прямой политической конфронтации с США в этом регионе» ⁶⁵. Весовые потенциалы этих двух политических целей — сохранения режима Тараки/Амина и недопущения прямой конфронтации с США — постоянно сопоставлялись при принятии решений в Москве ⁶⁶.

В. Зубок отмечает, что 17 марта 1979 г. Политбюро в отсутствии Брежнева предложило ввести войска в Афганистан ⁶⁷. Но уже 18 марта тональность всех без исключения выступлений членов Политбюро ЦК КПСС радикально изменилась — было принято решение не вводить войска. Были также названы причины, по которым этого делать не стоило: неготовность Афганистана к «социалистическому выбору» и опасность того, что ввод советских войск спровоцирует внешнюю интервенцию. Также имели место опасения вызвать негативную реакцию мировой общественности. 19 марта на заседании присутствовал сам Брежнев, который и подвел итог дискуссии: «Мне думается, правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну» ⁶⁸. Вплоть до сегодняшнего дня нет окончательного ответа на вопросы: как следует понимать слова Брежнева? Имел ли он в виду, что в афганскую войну вообще втягиваться не надо, или в его фразе ключевым являлось слово «сейчас»? В чем заключалась причина такой быстрой и радикальной смены настроений в Политбюро? Зубок полагает, что 18—19 марта Политбюро приняло точку зрения Брежнева, который категорично выступил против ввода войска, резонно полагая, что эта акция сорвет советско-американские переговоры по ОСВ—2, которым Генеральный секретарь отдавал приоритет по сравнению со всеми иными внешнеполитическими проблемами.

Другая версия предложена К. Брутенцем: 17 числа члены Политбюро находились под впечатлением тревожной информации, посту-

пившей из Герата, и истеричных просьб о помощи со стороны афганского руководства. Через 24 часа оценка обстановки изменилась. За это время А.Н. Косыгин обсудил проблему с Тараки, паника улеглась, и вследствие этого Политбюро приняло более взвешенное решение⁶⁹. В США получила распространение еще одна интерпретация событий, согласно которой 17 марта Политбюро приняло решение, которое впоследствии негласно, но последовательно исполнялось. Дебаты 18—19 марта были не более, чем декорацией, призванной скрыть уже свершившийся факт. «Решение о вводе вооруженных частей находилось в состоянии постоянного развития, начиная с его концептуального оглашения в марте, заканчивая практическим исполнением на Рождество»⁷⁰, — пишет Макичин, подчеркивая, что это было одно и то же решение, которое корректировалось в зависимости от менявшихся условий, но суть его оставалась постоянной.

Очевидно, возобладавшее тогда нежелание втягиваться в конфликт объяснялось тем, что падение действующего правительства в Афганистане в тот момент не казалось неотвратимым, а вот угроза срыва переговоров по ограничению стратегических вооружений была более, чем реальной: такую высокую цену за демонстрацию солидарности с «братской партией» Москва платить не желала.

Есть еще один документ, характеризующий позицию советского руководства весной 1979 г.: «Ввиду преимущественно внутреннего характера антиправительственных выступлений в Афганистане, участие советских войск в их подавлении, с одной стороны, нанесло бы серьезный ущерб международному авторитету СССР и отбросило бы далеко назад процесс разрядки, а с другой, — обнаружило бы слабость позиций правительства Тараки, и могло бы еще больше поощрить контрреволюционные силы внутри и вне Афганистана к расширению масштабов антиправительственных выступлений... Таким образом, наше решение воздержаться от... переброски в Герат советских воинских частей было совершенно правильным. Этой линии следует придерживаться и в случае новых антиправительственных выступлений»⁷¹. Как отмечает Гиббс, рассекреченные американские документы по Афганистану также подтверждают, что первоначально «Советы искали политического, а не военного решения»⁷².

Однако летом 1979 г. позиция кремлевских руководителей постепенно стала меняться. Многие авторы задаются вопросом: «Почему члены Политбюро отошли от своего первоначального решения? По мнению генерала Варенникова, это «остается загадкой и даже тайной»⁷³. В ряде работ отечественных и зарубежных авторов выдвигается версия о не совсем объективной информации, которую поставляли в Москву посол А. Пузанов и представитель КГБ в Кабуле Б. Иванов. Так Ю.М. Воронцов, посол в Афганистане в 1988—1989 гг., в одном из своих интервью сообщил, что руководители СССР, принявшие «роковое» решение, всерьез восприняли слухи о возможности ввода американских войск в Афганистан и создании на южных границах СССР военных баз, опираясь на ошибочную информацию разведслужб»⁷⁴. Насколько справедлива эта версия?

Если сопоставить развитие политической обстановки в Афганистане и вокруг него с процессом обсуждения афганского вопроса в Политбюро, то можно понять, почему в конечном итоге Кремль при-

шел к решению о вводе ограниченного военного контингента. Прежде всего, обстановка на южных рубежах СССР становилась беспокойной, участились провокации, перестрелки с советскими пограничниками⁷⁵. В Кремле к концу года осознали, что шансы на ратификацию американцами Договора об ОСВ—2 нулевые⁷⁶. Осенью 1979 г. обострилась борьба внутри НДПА, закончившаяся смертью Тараки и установлением авторитарного режима Амина. Москва оказалась перед дилеммой: на кого делать ставку — на Амина или Бабрака Кармалю.

Отношения советских лидеров с Амином не складывались, его политика вызывала беспокойство и считалась контрпродуктивной. Кроме того, эти события по времени совпали с захватом американского посольства в Тегеране, что наводило на мысли о том, что американцы будут искать на Среднем Востоке плацдарм, компенсирующий их потери в Иране. Эти опасения подогревались сведениями, поступавшими из советского посольства в Кабуле, о кулуарных интригах Амина и его «подозрительных контактах» с американскими дипломатами⁷⁷. Еще 5 июля 1979 г. советский посол Пузанов после встречи с временным поверенным в делах США в ДРА Б. Флэтином сделал запись, что в политике афганского руководства, с точки зрения американского посольства, наметились «два крупных позитивных момента». Первый из них — демонстрация дружественного отношения к США. Второй — налаживание отношений с Пакистаном⁷⁸. Американский исследователь Д. Гиббс приводит пример, когда в беседе с корреспондентом газеты «Los Angeles Times» Амин «намекнул на возможное изменение внешней политики Афганистана». Однако, пишет Гиббс, советские власти не знали о том, что американцы отказались идти на сближение⁷⁹. О действиях Амина, которые могли бы означать его переориентацию на Запад, поступала информация и из американского посольства в Кабуле⁸⁰. Так Амстуц сообщал, что Амин «пытался ослабить свою зависимость от Москвы»⁸¹. Однако, по его мнению, тот «никогда не был в хороших отношениях с американским правительством, несмотря на то, что дважды учился в США», очевидно из-за своих левых взглядов⁸². 27 сентября 1979 г. Амстуц сообщил в Вашингтон о «дружеской непринужденной беседе» с Амином, во время которой тот «был само очарование, излучал дружелюбие и дал понять, что хотел бы улучшить отношение с Соединенными Штатами»⁸³. Эти переговоры, как говорил Амин своим коллегам в конце декабря, ни к чему не привели. Но они сформировали «базис ... тревожных докладов КГБ о том, что он собирается стать ... вторым Садатом». Его контакты с мусульманским сопротивлением воспринимались как знак возможного сговора с Ираном⁸⁴. В Москве «не исключали, что он может обратиться к США с просьбой ввести войска, если Москва откажет ему в своем расположении»⁸⁵. В таких условиях Кармаль казался более надежным партнером.

Оценивая ситуацию в Афганистане и на Среднем Востоке в целом, в Москве придавали большое значение фактору поддержки американцами афганской оппозиции, которая генетически была связана с радикальными исламистами.

Исторический контекст возникновения советско-афганской войны позволяет сделать вывод, что такой исход событий был предопределен широким комплексом причин и особых исторических обстоя-

тельств. Норвежский историк О.А. Вестади пишет, что при ретроспективном взгляде «интервенция в Афганистан кажется неизбежной трагедией, трагедией, в которой итоговый сценарий был задан восприятиями, персональными качествами и идеологией в гораздо большей степени, чем “интересами” и “стратегией”»⁸⁶. Если первая часть этого вывода кажется вполне приемлемой, с той лишь оговоркой, что «заданность», «неизбежность» состоявшегося сценария была обусловлена как предысторией конфликта, так и составом основных действующих лиц и исполнителей в треугольнике СССР — Афганистан — США, то вторая часть не приемлема в принципе.

Решение о вводе контингента советских войск в Афганистан было трагически неизбежным именно в силу того, что и в Москве и в Вашингтоне в тот момент были склонны абсолютизировать собственные трактовки «национальных интересов» и «стратегических целей» и действовать в соответствии с ними с доктринерской последовательностью, односторонне, без консультаций и учета интересов и стратегических установок других участников. Мысли о сохранении территориальной целостности СССР и защите государственной границы были запечатлены в сознании руководителей СССР в качестве приоритетных государственных интересов, тогда как стратегические задачи внешней политики США формулировались в диаметрально противоположной плоскости. Об устранении конфликта интересов и стратегических установок великих держав в этом регионе их лидеры не помышляли. Как пишет Гиббс, тревога советского руководства за безопасность южных границ была вполне обоснована⁸⁷. Однако Вашингтон не желал принимать во внимание данное обстоятельство.

Авторы «Кэмбриджской истории холодной войны» обоснованно считают, что «советские лидеры неверно оценили возможную реакцию Запада на вторжение в Афганистан»⁸⁸. Почему был допущен этот просчет? Ведь на протяжении по крайней мере восьми месяцев 1979 г. нежелание нести репутационные издержки и навлекать на себя критику западных стран, негодование мирового общественного мнения и враждебность всего мусульманского мира служило сдерживающим фактором для советских руководителей. Очевидно, в Кремле все же рассчитывали, что Вашингтон учтет советскую позицию во время войны США во Вьетнаме. Тогда Москва не отказалась от продолжения диалога в рамках международной разрядки, СССР не отменил встречу на высшем уровне в 1972 г., даже когда американцы бомбили Ханой. Однако сейчас ситуация развивалась по другому сценарию. 28 декабря американский президент обратился с жестким посланием к Брежневу, но о нем знал лишь узкий круг лиц в Политбюро. Картер потребовал немедленного вывода советских войск из Афганистана, заявив, что это создает угрозу миру и «может стать длительным и фундаментальным поворотом в американо-советских отношениях»⁸⁹. Президент упрекнул советское руководство в том, что оно не консультировалось по вопросу ввода войск. В ответном письме Брежнев указал, что «это касается только СССР и Афганистана», и войска будут выведены «как только отпадут причины, вызвавшие просьбу Афганистана к Советскому Союзу». На упрек Картера Брежнев задал встречный вопрос: «А позволительно спросить Вас — Вы с нами консультировались, прежде чем начать массивную

концентрацию военно-морских сил в водах, прилегающих к Ирану, и в районе Персидского залива, да и во многих других случаях, о которых Вам следовало бы, как минимум, поставить нас в известность?»⁹⁰ Тональность этих посланий исключала возможность переговоров.

О негативной реакции мировой общественности предупреждали такие военные руководители, как С. Ахромеев, Н. Огарков, но их мнение почему-то не заинтересовало политическое руководство СССР. В Вашингтоне решили, что СССР должен заплатить «конкретную цену» за агрессию. 23 января 1980 г. президент США выступил с жестким заявлением, вошедшим в историю как доктрина Картера: «Попытка со стороны внешней силы овладеть контролем над Персидским заливом будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено всеми необходимыми средствами, включая военную силу»⁹¹. Стало ясно, что период разрядки международной напряженности завершился. В январе 1980 г. в США был принят пакет санкций против СССР.

Ввод советских войск не привел к спаду вооруженной борьбы оппозиции против правительства. Как отмечалось в «Аналитической записке Института экономики мировой социалистической системы», направленной в ЦК КПСС и КГБ СССР уже 20 января 1980 г., «исламские фундаменталисты резко активизировали пропагандистскую работу среди населения, используя новый лозунг — борьбу против иностранных войск»⁹². Авторы этого документа указывали, что выгоды от этой акции оказались незначительными по сравнению с ущербом, который был нанесен интересам страны.

Итак, можно говорить о «катастрофической ошибке» советского руководства, которое ввязалось в конфликт, не представляя себе четко с самого начала, чем он должен закончиться. Однако, как отмечает британский историк Р. Брейтвейт, политика руководства СССР «не была иррациональной, и к моменту принятия окончательного решения в декабре 1979 года такой исход был практически неизбежен»⁹³. Почему? Политика сверхдержав в тот период уже диктовалась логикой холодной войны, в рамках которой никто не собирался отказываться от своих сфер влияния и интересов. На наш взгляд, переговоры по афганскому вопросу в 1979 г. в случае их инициации поставили бы советское руководство перед необходимостью учитывать мнение США, идти на компромисс, с чем Москва не готова была мириться, полагая Афганистан территорией своих преимущественных интересов. Вашингтон, в свою очередь, продемонстрировал нежелание считаться с геополитическими интересами Советского Союза, используя традиционное для Запада обвинение России в экспансионизме. Кроме того, жесткая позиция США объяснялась важностью с точки зрения американских стратегических интересов региона Персидского залива. Нельзя исключать влияние на формирование советского направления во внешней политике президента Картера «политико-психологического комплекса, связанного с поражением американцев во Вьетнаме»⁹⁴. Также следует учитывать и догматичность мышления советского партийного руководства, межведомственные амбиции, принятие решения узким кругом лиц в Кремле. Завершая перечень причин, предопределивших принятие рокового решения,

необходимо назвать еще две, которые, по нашему мнению имели решающее значение.

Первая из них — советское правительство не считало, что ввод войск в Афганистан является существенным отклонением от обычной для него линии поведения на подконтрольных территориях⁹⁵. Силовые решения неудобных проблем в границах своей сферы влияния к тому моменту стали привычным делом. Поэтому операция рассматривалась как вынужденная краткосрочная мера, необходимая для наведения порядка в «собственном доме», то есть на территории, входившей в сферу советского влияния. Не случайно Брежнев 20 января пообещал Добрынину закончить войну через три — четыре недели. Устинов на Пленуме ЦК КПСС в начале февраля 1980 г. говорил, что для завышения операции потребуется год — полтора⁹⁶. О масштабах погрешности в их прогнозах тогда догадывались единицы.

Вторая — при всей интенсивности советско-американских контактов в 1979 г., афганская тема никогда не становилась предметом систематических консультаций, обмена мнениями и сопоставления позиций. Стороны и не пытались договориться. Механизмы согласования подходов отсутствовали, результатом чего был рост подозрительности и нагнетание враждебности. Элементы изоляционизма (если понимать его как политическое поведение, основанное на односторонних действиях) присутствовали в планировании и операционных установках обеих сторон. «В ноябре — декабре 1979 года американский фактор не всегда учитывался во время наших обсуждений афганских проблем»⁹⁷.

Действия администрации США во время последних международных конфликтов с участием России, включая вторжение Грузии в Северную Осетию, украинский кризис, ситуацию вокруг Сирии и совместные действия против Исламского государства на Ближнем Востоке, в значительной степени являющегося порождением американо-советского противостояния в конце 1970-х гг., нередко воспроизводят стратегическую мотивацию, поведенческие модели и даже приемы информационного сопровождения, характерные для кануна ввода ограниченного контингента вооруженных сил СССР в Афганистан. С российской стороны прослеживается обратная тенденция — демонстрация учета опыта афганской войны, как с точки зрения выбора стратегии и тактики поведения в этих конфликтах, так и в плане взаимодействия с американской стороной при их урегулировании.

Примечания

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

1. Ю.И. Дроздов руководил операцией по взятию дворца Амина в Кабуле. См.: ДРОЗДОВ Ю.И. Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки. М. 1996, с. 101.
2. История российской внешней разведки. Очерки. Т. VI. М. 2014, с. 79. В.А. Кирпиченко, автор главы об Афганистане, — непосредственный участник тех событий.
3. Доклад члена Комитета Государственной Думы ФС РФ по безопасности и противодействию коррупции, генерала армии Н.Д. Ковалёва в Вятском государственном гуманитарном университете на Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 35-летию годовщине ввода советских войск в Афганистан.

4. Постановление Совета народных депутатов СССР от 24.12.1989 № 982-1 «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года». Правда. 28.XII.1989, с. 3.
5. ШЕБАРШИН Л.В. Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М. 1992, с. 202.
6. Архив Национальной Безопасности. Российские Программы. Афганистан 1979—1989. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/rus/Afganistan.html>; The Carter — Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Lysebu, Norway, 17—20 September 1995. Briefing Book. URL: http://nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/fall_of_detente_ebb.html; KALINOVSKY A.M. A Long Goodbye: The Soviet Withdrawal from Afghanistan. Harvard University Press. 2011; МЕРИМСКИЙ В.А. Загадки Афганской войны. М. 2006.
7. Документы внешней политики СССР. Т. 1. М. 1957, с. 123.
8. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1921. Vol. I. Wash. 1936, p. 258.
9. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. IX. Wash. 1986, p. 445, 448—450; KAKAR M.H. Afghanistan. The Soviet Invasion and the Afghan Response, 1979—1982. Berkeley. 1995, p. 9.
10. GIBBS D.N. Reassessing Soviet Motives for Invading Afghanistan. A Declassified History. — Critical Asian Studies, vol. 38, № 2 (June 2006), p. 242; SAIKAL A. Islamism, the Iranian revolution, and the Soviet invasion of Afghanistan. In: The Cambridge History of the Cold War. Vol. 3. N.Y. 2010, p. 122; AMSTUTZ B.J. Afghanistan: The First Five Years of Soviet Occupation. Wash. 1986, p. 21, 29; ТАННЕР С. Афганистан: история войн от Александра Македонского до падения «Талибана». М. 2004, с. 296.
11. ТЕПЛИНСКИЙ Л.Б. История советско-афганских отношений. М. 1988, гл. 6—7; АЛЛАН П., КЛЕЙ Д. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. М. 1999, с. 51—55; DIMITRAKIS P. The Secret War in Afghanistan: The Soviet Union, China and Anglo-American Intelligence in the Afghan War. N.Y. 2013, p. 2.
12. GIBBS D.N. Afghanistan: The Soviet Invasion in Retrospect. — International Politics, vol. 37, № 2, June 2000, p. 240. GARTHOFF R. Détente and Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Revised edition. Wash. 1994, p. 25.
13. ЕРГИН Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М. 2011, с. 728, 760.
14. О Саурской революции в СССР многие ответственные руководители узнали постфактум. См.: АЛЕКСАНДРОВ-АГЕНТОВ А.М. От Коллонтай до Горбачёва. Воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачёва. М. 1994, с. 244; КОРНИЕНКО Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М. 1994, с. 189; СИНИЦЫН И. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М. 2015, с. 256—257.
15. HAHN P.L. Crisis and Crossfire. The United States and the Middle East since 1945. Dulles. 2005, p. 64.
16. GRAEBNER N.A., BURNS R.D., SIRACUSA J.M. America and the Cold War. A Realist Interpretation. Vol. II. Santa Barbara. 2010, p. 428.
17. Nobel Symposium 95. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Lysebu, September 17—20, 1995.
18. Ibid., p. 106.
19. Ibid., p. 37.
20. Ibid., p. 38—39.
21. HASLAM J. Russia's Cold War. From the October Revolution to the Fall of the Wall. New Haven. 2011, p. 323.
22. Ibidem; ГОРДИЕВСКИЙ О. Тайны советской дипломатии. М. 2000, с. 170.
23. «Соединенные Штаты, — заявил министр обороны Гарольд Браун в конце февраля 1979 г., — готовы защитить свои жизненные интересы любыми подходящими мерами, включая военную силу, если это будет необходимо, где бы то ни было на Ближнем Востоке, или где-то еще». Министр энергетики Джеймс Шлезингер выступал в том же ключе: «У Соединенных Штатов имеются жизненно важные интересы в Персидском заливе. США должны действовать, чтобы защитить эти интере-

- сы, даже если дело дойдет до применения военной силы». См.: GRAEBNER N.A., BURNS R.D., SIRACUSA J.M. *Op. cit.*, p. 430.
24. HASLAM J. *Op. cit.*, p. 323.
 25. Nobel Symposium 95. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente*, p. 38, 101, 120.
 26. ШЕБАРШИН Л.В. Ук. соч., с. 175.
 27. Заседание Политбюро ЦК КПСС. 17 марта 1979 года. Об обострении обстановки в Демократической Республике Афганистан и наших возможных мерах. Архив Национальной Безопасности. Российские Программы. Афганистан 1979—1989. Англиязычная версия этого документа представлена организаторами проекта Картер — Брежнев. См.: Transcript Meeting of the SPSU Politburo, «Deterioration of Conditions in the Democratic Republic of Afghanistan and Possible Responses From Our Side», March 17—19, 1979. — The Carter — Brezhnev Project. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book*. URL: http://nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_intervention_in_afghanistan_and_the_fall_of_detente/doc06.pdf.
 28. Nobel Symposium 95. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente*, p. 130.
 29. MACEACHIN D. *Predicting the Soviet Invasion of Afghanistan: the Intelligence Community's Record*. Wash. 2002, p. 35—37.
 30. ДОБРЫНИН А. Сугобо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 г.). М. 1997, с. 455; Nobel Symposium 95. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente*, p. 14—15.
 31. MACEACHIN D. *Op. cit.*, p. 11—15.
 32. Постановление ЦК КПСС № 176 1125 от 12.XI. К положению в «А». Особая папка. Ч. 1. Секретные документы по Афганистану накануне ввода советских войск: договора, стенограммы межправительственных переговоров, просьбы Правительства ДРА о помощи советскими войсками, донесения военных советников и специалистов из Афганистана, решения Политбюро ЦК КПСС, с. 25. URL: http://www.avro.org.ua/sites/default/files/materials/afghanistan/sekretnye_materials/part1.pdf.
 33. Nobel Symposium 95. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente*, p. 22.
 34. KISSINGER H. *Diplomacy*. N.Y. 1994, с. 701.
 35. КИССИНДЖЕР Г. О Китае. М. 2013, с. 399.
 36. VAUGHAN P. Zbigniew Brzezinski and Afghanistan. In: *The Policy Makers. Shaping American Foreign Policy from 1947 to the Present*. N.Y. 2009, p. 122.
 37. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. A Chronology*. This chronology was compiled by M. Byrne and V. Zubok with assistance from the staff of the National Security Archive, p. 26.
 38. DIMITRAKIS P. *Op. cit.*, p. 239.
 39. *The Soviet Union and Afghanistan, 1978—1989: Documents from the Russian and East German Archives*. — Cold War International History Project. Bulletin, issues 8—9, winter 1996/1997. Wash. 1997, p. 157.
 40. В афганской провинции Герат проживали шииты.
 41. Выписка из протокола № 149 заседания Политбюро ЦК КПСС от 12 апреля 1979 года. О нашей дальнейшей линии в связи с положением в Афганистане. Архив Национальной Безопасности. Российские Программы. Афганистан 1979—1989.
 42. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. A Chronology*, p. 29.
 43. Линия Дюранда, установленная в 1893 г., разделила пуштунов между двумя государствами (Афганистаном и с 1947 г. Пакистаном). Пуштунский вопрос был предметом острых афгано-пакистанских споров.
 44. «Афганистан — это Вьетнам для русских». Большая операция ЦРУ. URL: <http://vukr.ru/afganistan-eto-vietnam-dlya-russkix-bolshaya-operaciya-cru.html>.
 45. GATES R.V. *From the Shadows. The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. N.Y. 1996, p. 143—145.
 46. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. A Chronology*, p. 17—18; GARTHOFF R. *Op. cit.*, p. 585.
 47. BRZEZINSKI Z. *Power and Principle. Memoirs of the National Security Adviser, 1977—1981*. N.Y. 1983, p. 426—427.
 48. GATES R.V. *Op. cit.*, p. 146—147.

49. Cable, «US-Pak Talks: Regional Issues», Vance to American Embassy Islamabad, October 24, 1979. — The Carter — Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book. URL: http://nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_intervention_in_afghanistan_and_the_fall_of_detente/doc57.pdf.
50. GOODSON L., JOHNSON T.H. Parallels with the Past: How the Soviets Lost in Afghanistan, How the Americans are Losing. — Orbis 55, № 4, fall 2011, p. 595.
51. BRZEZINSKI Z. «Oui, la CIA est entrée en Afghanistan avant les Russes...». — Le Nouvel Observateur. № 1732, 15—21 janvier 1998, p. 76.
52. Nobel Symposium 95. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente, p. 108; См. также: БРУТЕНЦ К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М. 1998, с. 459.
53. BILLARD R.D. Operation Cyclone: How the United States Defeated the Soviet Union. — Undergraduate Research Journal at University of Colorado at Colorado Springs, vol. 3.2, October 2010, p. 25.
54. Nobel Symposium 95. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente, p. 14, 126.
55. The Soviet Union and Afghanistan, 1978—1989: Documents from the Russian and East German Archives, p. 156.
56. Memorandum, «Reflections on Soviet Intervention in Afghanistan», Brzezinski to the President, December 26, 1979. In: The Carter — Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book. URL: http://nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_intervention_in_afghanistan_and_the_fall_of_detente/doc73.pdf.
57. GADDIS J.L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security Policy during Gold War. N.Y. 2005, p. 346.
58. WHITE J.B. The Strategic Mind of Zbigniew Brzezinski: How a Native Pole Used Afghanistan to Protect His Homeland. A Thesis. Louisiana State University. 2012, p. 87—89. Автор ссылается на признание Бжезинского во время интервью в 2011 г., в то же время он отмечает, что источников для изучения данного вопроса нет.
59. WESTAD O.A. Concerning the Situation in «A»: New Russian Evidence on the Soviet Intervention in Afghanistan. In: Cold War International History Project. Bulletin, issues 8—9, winter 1996/1997. Wash. 1997, p. 128.
60. ВАРЕННИКОВ В.И. Ук. соч., кн. 5, ч. 7.
61. Цит. по: Особая папка, ч. 1, с. 18—19.
62. Стенограмма телефонного разговора между Председателем Совета министров СССР А. Косыгиным и Н.М. Тараки. 18.III.1979 г. Особая папка, ч. 1, с. 4.
63. HASLAM J. Op. cit., p. 321.
64. Cable. “An Assessment of Soviet Influence and Involvement in Afghanistan”, Amstutz to Secretary of State, September 6, 1979. — The Carter — Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book. URL: http://nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_intervention_in_afghanistan_and_the_fall_of_detente/doc53.pdf.
65. Report. “Changes in the Middle East: Moscow’s Perceptions and Options”, Central Intelligence Agency, June 1979. — Ibidem. URL: http://nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_intervention_in_afghanistan_and_the_fall_of_detente/doc34.pdf.
66. The Soviet Union and Afghanistan, 1978—1989: Documents from the Russian and East German Archives, p. 134.
67. ЗУБОК В. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. М. 2011, с. 375. Протокол заседания 17 марта не вошел в «Особую папку». См.: Transcript Meeting of the SPSU Politburo, «Deterioration of Conditions in the Democratic Republic of Afghanistan and Possible Responses From Our Side», March 17—19, 1979. — The Carter — Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book. URL: http://nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_intervention_in_afghanistan_and_the_fall_of_detente/doc06.pdf.
68. Особая папка, ч. 1, с. 8.
69. Nobel Symposium 95. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente, p. 98.
70. МАСЕАЧИН D. Op. cit., p. 46.
71. К пункту XIV прот. № 149. 1 апреля 1979 года, № 279/гс № 25-С-576. Особая папка, ч. 1, с. 12.

72. GIBBS D.N. *Afghanistan: The Soviet Invasion in Retrospect*, p. 253; *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. A Chronology*, p. 17.
73. ВАРЕННИКОВ В.И. Ук. соч., кн. 5, ч. 7.
74. КАРАПЕТЯН Г., ГРАЧЁВ-СЕЛИХ В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. М. 2011, с. 311.
75. YORK H.M. *The Soviet Withdrawal from Afghanistan: Strategic Context*. Fort Leavenworth. 2013, p. 14.
76. Д. Рейнольдс отмечает: «Советы были оскорблены попыткой Картера пересмотреть базис ОСВ—2. К тому моменту, когда договор был подписан в 1979 г. у президента уже не хватало политического влияния для того, чтобы протолкнуть его через Сенат: это усугубило подозрительность Москвы». См.: REYNOLDS D. *Summits. Six Meetings That Shaped the Twentieth Century*. N.Y. 2007, p. 344. Дж. Хэзлэм по этому поводу констатирует: «Москва приняла решение по Афганистану, зная, что разрядка уже умерла, но еще не похоронена». HASLAM J. *Op. cit.*, p. 326—327.
77. KALINOVSKY A.M. *Op. cit.*, p. 21.
78. Из дневника А.М. Пузанова. Запись беседы с временным поверенным в делах США в ДРА Б.А. Флэтином. 5.VII.1979. — Архив Национальной Безопасности. Российские Программы. Афганистан 1979—1989; Nobel Symposium 95. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente*, p. 25, 27.
79. GIBBS D.N. *Afghanistan: The Soviet Invasion in Retrospect*, p. 236.
80. KALINOVSKY A.M. *Op. cit.*, p. 21.
81. AMSTUTZ B.J. *Op. cit.*, p. 43.
82. *Ibid*, p. 44; GIBBS D.N. *Afghanistan: The Soviet Invasion in Retrospect*, p. 236.
83. Cable. “Charge’s Call on President Amin”, Amstutz to the Secretary, September 27, 1979. — The Carter — Brezhnev Project. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book*. URL: http://nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_intervention_in_afghanistan_and_the_fall_of_detente/doc55.pdf.
84. DUNBABIN J.P.D. *The Cold War. The Great Power and their Allies*. N.Y. 2008, p. 394—395.
85. МЕРИМСКИЙ В.А. Ук. соч., с. 72.
86. WESTAD O.A. *Op. cit.*, p. 129. В частности, он пишет: «Ретроспективно интервенция в Афганистан кажется неизбежной трагедией, трагедией, в которой итоговый сценарий был задан восприятиями, персональными качествами и идеологией в гораздо большей степени, чем “интересами” и “стратегией”».
87. GIBBS D.N. *Afghanistan: The Soviet Invasion in Retrospect*, p. 241.
88. NJOLSTAD O. *The Collapse of Superpower Détente, 1975—1980*. — *The Cambridge History of the Cold War*, vol. 3, p. 150.
89. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. A Chronology*, p. 34—35.
90. Выписка из протокола № 177 заседания Политбюро ЦК КПСС от 29 декабря 1979 года. Об ответе на обращение президента Картера по линии прямой связи по вопросу об Афганистане. Особая папка, ч. 1, с. 29.
91. Цит. по: GADDIS J.L. *Op. cit.*, p. 344.
92. Аналитическая записка Института экономики мировой социалистической системы (выдержки): Тезисы соображений о внешнеполитических итогах ввода войск. Особая папка, ч. 1, с. 36.
93. БРЕЙТВЕЙТ Р. *Афган. Русские на войне*. М. 2013, с. 110.
94. *Системная история международных отношений. 1918—2003*. Т. 3. М. 2003, с. 420.
95. В США первым на это обстоятельство обратил внимание Маршалл Шульман — советник госсекретаря С. Вэнса по советской проблематике. См.: Letter («personal think-piece»), Shulman to Vance, February 15, 1980. In: *The Carter — Brezhnev Project. The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente. Briefing Book*. URL: http://nsarchive.gwu.edu/carterbrezhnev/docs_intervention_in_afghanistan_and_the_fall_of_detente/doc80.pdf.
96. *The Soviet Union and Afghanistan, 1978—1989: Documents from the Russian and East German Archives*, p. 166; Nobel Symposium 95. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente*, p. 95.
97. Nobel Symposium 95. *The Intervention in Afghanistan and the Fall of Détente*, p. 92.

Нина Теймуразовна Берия

В.Г. Бухерт

Аннотация. Публикация посвящена исследованию биографии Нины Теймуразовны Берия (Гегечкори), жены известного государственного и политического деятеля советской эпохи Л.П. Берия. В основу положены материалы, обнаруженные в Архиве РАН, касающиеся, в частности, научной деятельности Н.Т. Берия.

Ключевые слова: биография семьи Л.П. Берия, политика СССР в отношении Турции после Великой Отечественной войны.

Abstract. The article investigates the biography of Nina Teymurazovna Beria (Gegechkori), wife of the famous statesman and politician of the Soviet era, L.P. Beria. This article is based on material found in the archives of the Russian Academy of Sciences.

Key words: Biography family of L.P. Beria, Soviet policy towards Turkey after World War II.

Достоверных источников, рассказывающих о биографии жены Л.П. Берии ¹ — Нины Теймуразовны Берия (в девичестве Гегечкори) — до сих пор опубликовано немного. В первую очередь можно назвать интервью самой Нины Теймуразовны, данное в Киеве грузинскому журналисту Теймуразу Коридзе ² и запись бесед Рауля Чилачава ³ с сыном Нины Теймуразовны — С.Л. Берия ⁴, состоявшихся вскоре после смерти его матери ⁵.

Большой интерес представляют воспоминания С.Л. Берия ⁶ и материалы, опубликованные в томе «Политбюро и дело Берия» ⁷. Следующее С.Л. Берия много лет назад замечание, что документы сталинского периода и более позднего времени «предаются огласке лишь избирательно», поскольку «политическая игра» все еще «не окончена» ⁸, справедливо и по сей день. Тем больший интерес представляют те материалы, которые удастся обнаружить в доступных для исследователей архивах. В Архиве Российской академии наук (РАН) в фон-

Бухерт Владимир Генрихович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. E-mail: buhert-1955@mail.ru.

Buhert Vladimir H. — candidate of historical sciences, a senior fellow at the Archive of the Russian Academy of Sciences. E-mail: buhert-1955@mail.ru.

де Отдела подготовки научных кадров Академии наук СССР (ф. 524) хранится личное дело Н.Т. Берия — важное, в совокупности с уже опубликованными материалами, для воссоздания ее подлинной биографии.

Нина (Нино) Теймуразовна Гегечкори — жена Лаврентия Павловича Берия родилась 14 января 1905 г. в с. Мартвили⁹ Сенакского уезда Кутаисской губернии. Ее отец — Теймураз Гегечкори (1853—1918) — «выходец из дворянского рода», мать — Дарья (Дарико) Чиковани (в первом браке — Шавдия) (1873—?) — «княжеского происхождения»¹⁰. Жила семья «в крайней бедности», как и большинство населения Грузии. «Отец мой, — вспоминала Нина Гегечкори, — имел в собственном владении два гектара земли, деревянный дом из трех комнат, под крышей которого постоянно стояли деревянные чаны в случае дождя, не было рабочего скота, не было коровы и даже домашней птицы, т.к. не хватало кукурузы, собранной с этого клочка земли, даже для людей в семье; мясо или кружку молока я видела только в большие праздники, а сахар я первый раз в жизни попробовала в возрасте одиннадцати лет»¹¹. Нужда сопутствовала ей вплоть до замужества. Средства на свое образование Нина Гегечкори заработала тяжелым трудом: пришлось два года батрачить, работая в Кутаиси в доме протоиерея Р. Хундадзе¹². Сама она так вспоминала годы учебы: «Для того чтобы иметь возможность доехать до училища на трамвае, я стирала на весь двор, но поскольку это у меня не всегда получалось, я покрывала расстояние более пятнадцати километров ежедневно босая, одевая тапочки только в подъезде училища»¹³. Начальное и среднее образование Нина Гегечкори получила в 1914—1922 гг. в общеобразовательном техникуме № 14 (Тбилиси)¹⁴.

После смерти отца (отношения с матерью у нее были прохладные), Нину забрал в Тифлис ее сводный брат Николай Шавдия (род. в 1894 г.)¹⁵, счетовод и бухгалтер, у которого она и поселилась, а в 1921 г. переехала к своему дяде — А.А. Гегечкори¹⁶. Материальную помощь ей оказывал другой дядя — Е.П. Гегечкори¹⁷.

Со своим будущим мужем Нина Гегечкори впервые встретилась в камере Кутаисской тюрьмы, где Лаврентий Берия, арестованный меньшевиками, сидел в мае-июле 1920 г. вместе с дядей Нины — А.А. Гегечкори, которого она навещала. Близкое знакомство состоялось позднее — в 1922 г., когда Берия приехал из Баку в Тбилиси. Познакомил их родственник Нины Теймуразовны — Давид Биркая, учившийся в Тифлисском техническом училище. У его отца Л.П. Берия скрывался в период работы в подполье.

После установления советской власти в Грузии А.А. Гегечкори избрали председателем Тифлисского горревкома. У него случались тяжелые нервные припадки после ранения, полученного в 1918 г. в бою с белогвардейцами под казачьей станицей Архонской (Терская область), из-за которого он лишился правой ноги. Впоследствии он покончил с собой. Понятно, что обстановка, в которой приходилось жить Нине, была непростой, тем более, что у нее не сложились отношения с женой А.А. Гегечкори — Верой, которая позволяла себе рупорничество.

За Лаврентия Павловича Нина вышла замуж в 1922 г., когда ей исполнилось 16 с половиной лет, а Берия — 22. Он был тогда замес-

тителем председателя Азербайджанской ЧК. И для нее, и для него этот брак отчасти был вынужденным: Нина, как она сама объясняла, вышла замуж, чтобы не жить в чужом доме, пусть даже и с родственниками. Лаврентию женитьба была необходима, так как предстояла поездка за границу, в Бельгию, для изучения опыта переработки нефти, а неженатого из страны не выпустили бы. Но командировка была отложена, а затем и вовсе не состоялась. От того, что замуж Нина вышла тайно, не сказав об этом родным, по Тбилиси поползли слухи, что жених ее похитил. Почти полвека спустя С.И. Аллилуева¹⁸ рассказывала, что так и было на самом деле, но верить ей в этом вопросе нет оснований. Впрочем, Аллилуева относилась к Нине Теймуразовне с уважением и писала, что та «держалась всегда с огромным достоинством»¹⁹.

Материально семья Берия, по словам Нины Теймуразовны, жила достаточно скромно: «Зажиточно, по-человечески, — говорила она в интервью, — жить тогда считалось неприличным».

После назначения Берия в ноябре 1922 г. заместителем председателя Грузинской ЧК (до конца 1926 г.) молодая семья переехала из Баку в Тифлис. Здесь в 1924 г. у них родился сын — Серго. Это был их второй ребенок, первый умер²⁰.

В 1925—1926 гг. Н.Т. Берия работала счетоводом в Марганцевом управлении (Тифлис). Видимо к этому времени относится ее знакомство с Авереллом Гарриманом²¹, владевшим в досоветской Грузии марганцевыми рудниками, который, будучи очарован Ниной Теймуразовной, ее молодостью и красотой, принял участие в одной из благотворительных акций в помощь голодающим. Впечатление, которое на него произвела Нина Берия, оказалось настолько сильным, что он, многие годы спустя, рассказал о нем ее сыну.

В 1926—1928 гг. Нина работала счетоводом Закавказского отделения Госбанка. В 1928—1932 гг. она училась на агронома по эфирно-масличным культурам во Всесоюзном институте субтропических культур (ВИСК), в 1932—1933 гг. была лаборанткой, затем младшим научным сотрудником Закавказского отделения Всесоюзного института удобрений и агропочвоведения (ВИУА).

К этому времени относится происшествие, которое Серго Берия, будучи его участником, трактует как одно из покушений на его отца, подготовленное председателем ГПУ Грузинской ССР Д.И. Киладзе²².

30 мая 1933 г. на Военно-грузинской дороге была обстреляна машина, в которой ехал 1-й секретарь Закавказского крайкома ВКП (б) Берия с женой и сыном, а также секретарь ЦК КП (б) Грузии по транспорту Х.А. Хацкевич²³, смертельно раненный, умиравший на руках Нины Теймуразовны. Было ли это происшествие причиной ее ухода с работы (возможно, Берия опасался за жизнь жены), во всяком случае, известно, что в 1933—1935 гг. она официально не работала и занималась домашним хозяйством.

В 1935—1938 гг. Нина Теймуразовна была научным сотрудником кафедры почвоведения Сельскохозяйственного института Грузинской ССР.

В 1937 г. разразился серьезный семейный скандал, и Нина Теймуразовна собралась уйти от мужа, увлекшегося «одной красивой женщиной», но осталась после того, как он попросил прощение²⁴. Одна-

ко была и иная подоплека этого скандала, состоявшая в том, что Нина Берия, как могла, протестовала против проводившейся в Грузии политики репрессий, коснувшейся и ее родственников (двух двоюродных сестер и двух племянников). Как вспоминал Серго Берия, она «стала устраивать отцу сцены». Берия пытался убедить жену в правильности своих действий, но это ему «не удавалось»²⁵.

25 ноября 1938 г. Берия был назначен наркомом внутренних дел СССР и Нина Теймуразовна переехала в Москву. Из развлечений московской жизни его матери в памяти Серго остались посещения ею манежа, поскольку она любила лошадей. Близко знавшая ее в более поздние годы Е.С. Катуква²⁶ вспоминала, что Нина Берия «отлично играла в теннис»²⁷.

В 1939—1942 гг. Нина Теймуразовна была аспирантом кафедры агрохимии Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева²⁸. В марте 1940 г. она вступила в ВКП (б).

К концу 1941 г. под руководством профессора Б.А. Голубева²⁹ она закончила работу над своей кандидатской диссертацией «Способы внесения фосфоритной муки»³⁰, которая затем была опубликована.

Успехи в научной работе Нины Теймуразовны совпали с очередным кризисом в ее семейной жизни. Незадолго до своей смерти она так вспоминала о своих взаимоотношениях с Берия в тот период: «Я никогда не вмешивалась в служебные дела своего мужа. В те времена партийные аппаратчики умели ставить жен высокопоставленных чиновников на свое место. Сейчас все по-другому...»³¹ Однако по крайней мере один раз она попыталась вмешаться в служебные дела мужа. Это произошло после ареста 6 августа 1940 г. академика Н.И. Вавилова³².

Вавилов 9 июля 1941 г. был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу. В тот же день он написал прошение о помиловании, отклоненное 26 июля 1940 г. Президиумом Верховного Совета СССР. Н.Т. Берия случившееся с Вавиловым «переживала тяжело». Она попросила мужа встретиться с учителем Вавилова — академиком Д.Н. Прянишниковым³³ «и некоторыми другими учеными», обеспокоенными судьбой Николая Ивановича³⁴. Такая встреча состоялась. Л.П. Берия «удалось аннулировать некоторые свидетельские показания, и смертный приговор был заменен двадцатью годами лишения свободы»³⁵.

Л.П. Берия обратился с ходатайством о помиловании Вавилова в Президиум Верховного Совета СССР. Об этом Вавилов узнал 1 августа 1941 г. в камере Бутырской тюрьмы от уполномоченного Берия, сообщившего, что ему «будет дарована жизнь»³⁶. Затем последовало первое заявление Вавилова от 8 августа 1941 г. на имя Л.П. Берия, в котором он просил предоставить ему возможность сосредоточить свою работу на задачах, «наиболее актуальных для данного времени». 4 октября 1941 г., Вавилов был переведен из Бутырской во Внутреннюю тюрьму НКВД СССР, где 15 октября 1941 г. уполномоченный Берия сообщил в беседе Вавилову, что ему «будет предоставлена полная возможность научной работы как академику». В тот же день Вавилов, в связи с эвакуацией, был отправлен в Саратов. Из тюрьмы УНКВД по Саратовской области он 25 апреля 1942 г. обратился к Берия со своим вторым заявлением³⁷, пытаясь выяснить у него свою «дальнейшую судьбу», и прося ускорить решение по свое-

му делу. Он сообщал, что сидит в камере смертников, поскольку руководство тюрьмы никаких документов об отмене смертного приговора не имеет. Заявление не осталось без ответа.

13 июня 1942 г. заместитель наркома В.Н. Меркулов ³⁸ сообщил председателю Военной коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульриху ³⁹, что НКВД СССР ходатайствует о замене Вавилову высшей меры наказания заключением в лагерь сроком на 20 лет, что было сделано 23 июня 1942 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР.

26 января 1943 г. Вавилов умер в тюрьме УНКВД по Саратовской области. Его смерть имела следствием «тяжелый разговор» Н.Т. Берия с мужем. В гибели Вавилова она винила Т.Д. Лысенко, в адрес которого от Нины Теймуразовны, по свидетельству ее сына, ему не довелось слышать «ни одного доброго слова» ⁴⁰.

Академик Прянишников «до конца своих дней бурно и открыто протестовал против ареста» Вавилова, а после ареста представлял его к награждению Сталинской премией, выдвигал его кандидатуру на выборах в Верховный Совет СССР. Самого Прянишникова не тронули, возможно, «из-за заступничества его аспирантки» Берия ⁴¹.

Известен и другой случай, когда она не скрыла от мужа своего мнения, вызвав его недовольство. Узнав об издевательствах министра госбезопасности Грузии А.Н. Рапавы ⁴² над собственной женой, Нина Теймуразовна поинтересовалась у мужа: «Зачем держать такого идиота на таком ответственном посту?» ⁴³

Будучи лично знакомой с И.В. Сталиным, Нина Берия позволяла себе с ним спорить ⁴⁴, Сталин же считал ее упрямой. Серго Берия усматривал в таком поведении матери независимость характера, свойственную грузинским женщинам ⁴⁵. Однако, безусловно, сказывались и особенности характера Нины Берия, никогда не забывавшей о своем дворянском происхождении.

Нина Теймуразовна воспринимала Сталина «очень суровым» с «жестоким характером» но, вместе с тем, «обыкновенным человеком со своими недостатками и отрицательными чертами». Она при этом не брала на себя роль судьи и даже незадолго до своей смерти говорила о Сталине: «Но кто может даже доказать, что в то время надо было иметь другой характер, что можно было обойтись без жестокости?» ⁴⁶ Впрочем, если она и позволяла себе после смерти Сталина проявлять сочувствие к нему, то только потому, что считала его в жизни очень одиноким человеком.

С 1941 г. Нина Теймуразовна «уже не находилась в близких отношениях со своим мужем» и «не пыталась их возобновить, как и он тоже» ⁴⁷, но о разводе она не думала, сосредоточившись на воспитании сына и своей научной работе.

25 ноября 1943 г. Берия подала заявление в Президиум Академии наук СССР с просьбой принять ее в число аспирантов-докторантов и прикрепить для подготовки диссертации к академику Прянишникову.

1 декабря 1943 г. Прянишников писал в Отдел кадров АН СССР: «Ввиду того, что Н.Т. Берия представила в Совет Тимирязевской [сельско]-х[озияйственной] академии в качестве кандидатского сочинения очень хорошую экспериментальную работу, в положительной оценке которой рецензентами не может быть сомнений, я прошу резервиро-

вать для нее одну из докторантских стипендий по Академии наук, с тем, чтобы окончательное ее зачисление имело место после защиты ею канд[идатской] диссертации, что должно иметь место приблизительно через месяц»⁴⁸.

Распоряжением по Академии наук СССР от 23 февраля 1944 г. Нина Берия была утверждена в докторской аспирантуре с 1 марта сроком на три года для работы над диссертацией под непосредственным руководством Прянишникова⁴⁹. Вскоре — 11 апреля 1944 г. — состоялась защита ею на заседании Совета факультета агрохимии и почвоведения, «после довольно оживленного обсуждения»⁵⁰, кандидатской диссертации. Официальными оппонентами на защите были: доктора сельскохозяйственных наук Ф.В. Чириков⁵¹ и Е.В. Бобко⁵², кандидат сельскохозяйственных наук А.В. Петербургский⁵³. Совет Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева 17 апреля 1944 г. утвердил решение Совета факультета агрохимии и почвоведения о присуждении Берия ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук⁵⁴.

Определенно осложнило судьбу Нины Теймуразовны то обстоятельство, что, по свидетельству П.А. Судоплатова⁵⁵, Берия был «весьма озабочен» тем, как использовать свои старые личные связи, в частности, родственные связи жены, в оперативной деятельности. «Наша резидентура во Франции, — вспоминал Судоплатов, — была буквально завалена его директивами по разработке грузинской эмиграции, в особенности меньшевиков, правительство которых в изгнании находилось в Париже»⁵⁶. Отчасти этот интерес мог быть связан с тем, что грузинская эмиграция во Франции «активно боролась с оккупантами и на очень высоком уровне была связана с деголлевским движением Сопротивления»⁵⁷. Но, думается, что основная причина такого интереса заключалась в другом.

Во время Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. участвовавший в ней Берия познакомился с американским разведчиком Николаем Квиаташвили, который «прекрасно ориентировался» в проблемах лазов — этнографической группы грузин, проживавших в Турции и принявших мусульманство⁵⁸. Именно это стало в их разговоре «общей темой».

14 декабря 1945 г. в выходящей в Тбилиси на грузинском языке газете «Коммунисти» было опубликовано письмо академиков С.Н. Джанашиа⁵⁹ и Н.А. Бердзенишвили⁶⁰ в редакцию газеты, озаглавленное «О наших законных претензиях к Турции». На следующий день перевод письма появился в русскоязычной тбилисской газете «Заря Востока»⁶¹, а затем и в центральной печати, где в заголовке слово «претензии» было заменено на более определенное и категоричное «требования»⁶². В письме высказывалась мысль о необходимости возвращения Грузии некоторых пограничных районов Турции, отошедших к ней по Московскому договору 1921 года. Утверждалось (впрочем, со ссылкой на турецкую печать, а не на позицию официальных турецких властей), что Турция в период Великой Отечественной войны, «оставаясь фактически на стороне немецких захватчиков, вновь зарилась на наши территории». Грузинский же народ своим участием в разгроме фашизма получил, по мнению авторов письма, право предъявить свои «законные требования» о возвраще-

нии утраченных Грузией земель. Характеризуя значение этих земель для Грузии, Джанашия и Бердзенишвили писали: «Речь идет не о незначительном территориальном ущемлении, а о захваченной колыбели нашей народной индивидуальности, о преступлении, рассекшем надвое живое национальное тело». Конкретные территориальные претензии к Турции были сформулированы так: «Грузинский народ должен получить обратно свои земли, от которых он никогда не отказывался и отказаться не может. Мы имеем в виду районы Ардагана, Артвина, Олты, Тортума, Испира, Байбурта, Гююшанэ и Восточный Лазистан, включая районы Трабзона и Гиресуна, т.е. лишь часть территорий, отторгнутых от Грузии».

К территориям, отторгнутым от Грузии, академики, таким образом, относили и земли, заселенные лазами. Исходя из этого, они рассматривали в качестве исторически связанного с Грузией даже район, простиравшийся от г. Самсуна до р. Кызыл-Ирмак. Джанашия и Бердзенишвили утверждали, что его признавала в качестве места расселения лазов в конце XIX в. «турецкая официальная номенклатура».

Позицию двух грузинских академиков вскоре поддержал и третий — А.С. Чикобава⁶³, писавший в статье, опубликованной в «Заре Востока» 20 декабря 1945 г.: «Историческая несправедливость должна быть исправлена. Естественное место лазов — в родной среде единокровных картвельских племен»⁶⁴.

Это письмо, как утверждалось, явившееся «лишь одним мало-значительным эпизодом», было «широко использовано западной и турецкой пропагандой для разжигания вражды к СССР»⁶⁵. Письмом дело не ограничилось: в Наркомате иностранных дел СССР вопросом о территориальных претензиях к Турции занимался С.И. Кавтарадзе⁶⁶, который, по свидетельству Серго Берия, находился под полным влиянием его отца.

Серго пишет о несходстве позиций Сталина и Берия в подходе к Турции. Сталина он представляет сторонником прямого нажима на Турцию, а своего отца — приверженцем более гибкой политики. Но в вопросе территориальных претензий разногласий между ними не было, по-видимому, никаких. О позиции, которую занимал в этом вопросе Берия, его сын вспоминал: «Отец мне часто рассказывал о том, как Турция завладела грузинскими землями, и у меня сложилось впечатление, что судьба мингрелов, живших в захваченных турками районах, была ему небезразлична. Будучи противником пантюркизма, он хотел вернуть грузинские и армянские земли, аннексированные Турцией, и вновь заселить их лазами, изгнанными когда-то из этого региона и поселившимися в горах»⁶⁷.

Было еще одно обстоятельство, которое могло осложнить судьбу Нины Берия. Дело в том, что ее племянник — сын того самого Николая Шавдия, который когда-то привез юную Нину Гегечкори из села Мартвили в Кутаиси, — Теймураз Николаевич Шавдия — понес наказание за измену родине. В июле 1941 г. он сдался в плен немцам и затем перешел к ним на службу. В составе Грузинского легиона командир отделения, унтершарфюрер СС Т.Н. Шавдия участвовал в сентябре-декабре 1942 г. в боях под Туапсе. В ноябре-декабре 1943 г. части Грузинского легиона были переброшены в Северную Францию, где действовали против местных партизан. Воевал против них и

Теймураз Шавдия. Он «участвовал в расстрелах военнопленных союзных войск, в борьбе с партизанским движением и в охране тюрем»⁶⁸. В 1945 г., после окончания войны, Шавдия вернулся в СССР. Его вывез из Франции П.А. Шария⁶⁹, которому было поручено вести переговоры с представителями грузинской эмиграции о возвращении в Грузию ценностей, вывезенных за границу грузинскими меньшевиками в 1921 году. Наличие родственников за границей и активное участие одного из них в войне на стороне врага реально осложнило положение Нины Берия лишь после ареста ее мужа.

Казалось ничто не могло помешать ее научной деятельности. После успешной защиты кандидатской диссертации перед Ниной Берия открывалась прямая дорога и к защите докторской диссертации, над которой она уже работала: «Использование фосфорита и других фосфатов растением в зависимости от способа внесения удобрений и свойств почвы», но тут вмешались личные обстоятельства.

7 апреля 1947 г. Берия обратилась в Отдел аспирантуры АН СССР с просьбой освободить ее по причине нездоровья от учебы в аспирантуре, сохранив за ней право восстановиться позднее, когда позволят обстоятельства. Распоряжением по Отделу аспирантуры АН СССР Берия была отчислена из состава докторской аспирантуры с 15 апреля 1947 года⁷⁰. По причине болезни она с 1948 г. не работала, периодически выезжая на лечение в Карлсбад (Карловы Вары).

Л.Н. Васильева⁷¹ случайно встретила Нину Берия в 1950 г. в Большом театре: «наискосок через фойе в кольце военных быстро идет воздушно-абрикосовая, неземной красоты женщина, улыбаясь то ли стеснительно, то ли растерянно. Золотые волосы⁷². Черты лица мягкие, милые, добрые. А платье, платье невозможно описать, оно льется, струится и обтекает»⁷³.

Нина Теймуразовна отошла от научной деятельности, зато научная карьера ее сына шла в гору: защитив обе диссертации в МГУ, Серго Берия стал (в 1950 г.) кандидатом, а вскоре (в 1952 г.) доктором физико-математических наук.

Предвестником предстоящих перемен в судьбе Нины Берия и ее сына стал арест 18 февраля 1952 г. органами МГБ Грузинской ССР их родственника Теймураза Шавдия. 9 июля 1952 г. он был осужден за измену Родине и приговорен военным трибуналом Закавказского военного округа к 25 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях⁷⁴. Серго Берия выдвигал свою версию ареста Шавдия и писал, что его причиной послужила «нелепая смерть одного из участников застолья», в котором участвовал Шавдия⁷⁵.

После смерти Сталина Нина Теймуразовна предвидела конец политической карьеры мужа, о чем и заявляла ему. Серго Берия и его семья были арестованы 26 июня 1953 г., а его мать — в начале июля того же года. Первый допрос Нины Теймуразовны 19 июля проводил генеральный прокурор Р.А. Руденко. Имеется упоминание еще об одном допросе, состоявшемся 13 августа 1954 года⁷⁶.

После ареста Нина Берия отказалась от дачи показаний и ее «больше не трогали». Вероятно, перед этим произошел эпизод инсценировки расстрела ее сына, о котором Серго Берия вспоминал: «А весной как-то выводят на расстрел. Шесть или семь автоматчиков, офицер. Поставили к стенке, прозвучала команда. Кроме злости уже

ничего не осталось... Лишь позднее узнал, что весь этот спектакль был разыгран для мамы. Она стояла у окна тюремного корпуса — ее все это время держали в Бутырке — и все сверху видела... Для мамы это зрелище окончилось обмороком, а я тогда поседел»⁷⁷.

В Бутырской тюрьме Нина Теймуразовна содержалась больше года в карцере-одиночке. От предложенной ей госпитализации в тюремную больницу она отказалась, чтобы не подтвердить появившихся на воле слухов о том, что она сошла с ума и лежит в психиатрической лечебнице. Действительно было от чего сойти с ума. Однажды следователь сказал, что любовницами ее мужа назвали себя 760 женщин. У нее было свое объяснение этим диким слухам. Все эти женщины были работниками разведки, агентами и информаторами, поддерживающими связь лично с ее мужем. «А что же вы хотели, — говорила она грузинскому журналисту, — чтобы они назвали себя стукачками и агентами спецслужбы?»⁷⁸

Впрочем, следователь П.К. Цареградский⁷⁹, который вел следствие по ее делу, по свидетельству Серго со слов матери, «вел себя на допросах очень корректно».

Берия было предъявлено обвинение в том, что она состояла в переписке с одним из лидеров грузинской эмиграции Е.П. Гегечкори. В качестве доказательства фигурировало обнаруженное в архиве МВД его письмо к ней от 25 апреля 1946 года. В этом письме Гегечкори сообщал, что пришел к выводу: Грузия в борьбе за национальное освобождение «не может и не должна рассчитывать на Запад», что действия в надежде на это он рассматривает «как пустую и даже вредную трату времени». Далее он писал: «Исходя именно из этого, я по своей собственной инициативе думал поддержать наши территориальные требования к Турции. Был момент, когда я считал, что было возможно в соответствующей форме выступление эмиграции, но меня постигла неудача». Впрочем, надежды его не оставляли: «Надеюсь, к этому вопросу мы еще вернемся, и у эмиграции еще будет возможность выполнить свой долг перед Родиной»⁸⁰.

В заявлении в Главную военную прокуратуру от 7 января 1954 г. Берия писала о Гегечкори: «Я его не знала, никогда не видела, он не является моим родственником, и я ни в какой переписке с ним не находилась и не могла находиться»⁸¹. Между тем, по показаниям В.Н. Меркулова, еще в конце 1930-х гг. в Париж было направлено письмо за подписью Н.Т. Берия, имеющее целью напомнить Гегечкори о его племяннице и «наметить возможность контакта с ним»⁸².

Ключевой же вопрос письма Гегечкори, адресованного жене Берия — об участии грузинской эмиграции в содействие СССР в случае конфликта с Турцией — вообще был обойден следователями. Сам Гегечкори, направив письмо своей родственнице, в действительности адресовал его ее мужу⁸³. Можно предположить, что Нина вообще могла ничего не знать о письме.

В заявлении на имя от 7 января 1954 г. Берия просила дать ей возможность воссоединиться с семьей сына или, если ее сочтут в чем-нибудь виновной, не медлить с приведением приговора в отношении ее в исполнение⁸⁴.

Серго Берия вспоминал, что во время заключения его в тюрьме, за него, как ценного специалиста в области оборонной промышлен-

ности, заступались А.И. Савин ⁸⁵, А.А. Расплетин ⁸⁶, Б.В. Бункин ⁸⁷, В.М. Шабанов ⁸⁸. Разумеется, заступничество это, в случае его успеха, должно было благоприятно отразиться и на судьбе его матери.

Постановлением Президиума ЦК КПСС от 17 ноября 1954 г. Серго Берия был лишен степени доктора физико-математических наук и звания инженер-полковника, а 27 ноября 1954 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление об административной высылке Берия и ее сына на спецпоселение ⁸⁹. Сообщил об этом Нине Теймуразовне и Серго председатель Комитета государственной безопасности И.А. Серов (в присутствии генерального прокурора Руденко). Место ссылки предложено было выбрать самому Серго, и он остановился на Свердловске, где можно было найти работу по специальности. Вместе с сыном пожелала отправиться в Свердловск и Нина Теймуразовна, хотя в тот момент у нее была возможность вернуться в Грузию. И сына, и мать доставили в Свердловск в обычном столыпинском вагоне. Нина Теймуразовна устроилась на работу в лабораторию завода «Уралхиммаш». Жизнь ее, как свидетельствует Серго, «окончательно рухнула», и она «просто существовала, как тень или печальное отражение прошлого» ⁹⁰. Но для сына она продолжала оставаться не только любящей матерью, но и другом.

Серго Берия, вынужден был отказаться от фамилии и отчества отца и получил паспорт на имя Сергея Алексеевича Гегечкори. Его брак с внучкой М. Горького Марфой Пешковой ⁹¹ распался. Трое детей от этого брака — дочери Нина (род. в 1947 г.), Надежда (род. в 1950 г.) и сын Сергей (род. в 1953 г.) — остались с отцом и его матерью.

Нина Теймуразовна предприняла попытку вернуться в родное село Мартвили, но из Кутаиси приехали два сотрудника органов и ясно дали понять, что в Грузии ей места нет. Поездка в Грузию, состоявшаяся, по воспоминаниям Серго, была связана с попыткой Нины Теймуразовны забрать к себе находившуюся в доме престарелых под Тбилиси мать ее мужа — Марту Джакели, к тому времени уже полностью ослепшую ⁹². Сделать это ей, однако, не разрешили, а в том же 1955 г. мать Л.П. Берии умерла ⁹³.

Нина Теймуразовна с сыном в 1964 г. переехала в Киев. Покидать Свердловск они не собирались, город им нравился, но врачи предупредили Серго, что его матери надо сменить климат. Со временем Серго стал главным конструктором киевского Научно-исследовательского института «Комета».

Нина Теймуразовна скончалась в Киеве 10 июня 1991 года.

Примечания

1. Берия Лаврентий Павлович (1899—1953) — советский государственный и партийный деятель, маршал, нарком внутренних дел (1938—1945), зам. председателя СНК СССР (с 1941 г.).
2. КОРИДЗЕ Т. Мой муж Лаврентий Берия. — Совершенно секретно, 1990, № 9, с. 30—31.
3. Чилачава Рауль Шалвович (род. в 1948 г.) — украинский дипломат, поэт, переводчик и литературовед.
4. Берия Серго Лаврентьевич (Гегечкори Сергей Алексеевич) (1924—2000) — инженер-конструктор в области радиолокации и ракетных систем.

5. См.: ЧИЛАЧАВА Р. Сын Лаврентия Берия рассказывает... В кн.: БЕРИЯ С.Л. Сын за отца отвечает. Мой отец Лаврентий Берия. М. 2013, с. 5—108.
6. БЕРИЯ С. Мой отец — Лаврентий Берия; ЕГО ЖЕ. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М. 2002.
7. Политбюро и дело Берия. Сб. документов. М. 2012.
8. БЕРИЯ С. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 38.
9. В 1936—1990 гг. называлось Гегечкори.
10. БЕРИЯ С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 6.
11. Политбюро и дело Берия, с. 563.
12. Хундадзе Ражден Фомиц (1845—1930) — педагог, собиратель песен.
13. Политбюро и дело Берия, с. 564.
14. АРАН, ф. 524 (Отдел подготовки научных кадров Академии наук СССР), оп. 9, д. 48, л. 1.
15. Он был сыном Дарико Чиковани от ее первого брака с Нестором Шавдия.
16. Гегечкори Алексей Александрович (парт. псевдоним Саша) (1887—1928) — советский государственный и партийный деятель, нарком внутренних дел и зам. председателя СНК (1922—1924), нарком земледелия (с 1924 г.) Грузинской ССР.
17. Гегечкори Евгений Петрович (1881—1954) — революционер-меньшевик, председатель Закавказского комиссариата (1917—1918), министр иностранных дел (1918—1921), министр юстиции (1921), председатель правительства (1953—1954) Грузинской демократической республики. См.: БЕРИЯ С.Л. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М. 2002, с. 18.
18. Аллилуева Светлана Иосифовна (в эмиграции Лана Питерс) (1926—2011) — дочь И.В. Сталина.
19. АЛЛИЛУЕВА С.И. Только один год. М. 1990, с. 355—357. Эти воспоминания впервые были опубликованы в 1970 г. в Нью-Йорке.
20. Политбюро и дело Берия, с. 124.
21. Гарриман Уильям Аверелл (1891—1986) — американский дипломат, финансист, посол в СССР (1943—1946), министр торговли (1946—1948).
22. Киладзе Давид Семёнович (1885—1937) — председатель ГПУ Грузинской ССР (1933—1934), зам. председателя Закавказского ГПУ (1933—1934), Начальник Управления НКВД Грузинской ССР (1934). Серго Берия ошибочно датирует это событие 1937 г. и приписывает замысел покушения Н.И. Ежову См.: БЕРИЯ С.Л. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти, с. 43.
23. Хацкевич Харитон Аронович (1898—1933) — секретарь ЦК КП (б) Грузии по транспорту (с 1932 г.).
24. БЕРИЯ С. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 27.
25. ЕГО ЖЕ. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти, с. 44—45.
26. Катукова (урожд. Иванова) Екатерина Сергеевна (1913—2015) — вторая жена маршала М.Е. Катукова.
27. ВАСИЛЬЕВА Л.Н. Кремлевские жены. Дети Кремля. М. 2006, с. 310.
28. АРАН, ф. 524, оп. 9, д. 48, л. 1—10б.
29. Голубев Борис Александрович (1893—1952) — агрохимик, декан факультета агрохимии и почвоведения Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева (1937—1948).
30. АРАН, ф. 524, оп. 9, д. 48, л. 3.
31. КОРИДЗЕ Т. Ук. соч., с. 31.
32. Вавилов Николай Иванович (1887—1943) — биолог, академик АН СССР (с 1929 г.), президент ВАСХНИЛ (1929—1935), Всесоюзного географического общества (1931—1940).
33. Прянишников Дмитрий Николаевич (1865—1948) — агрохимик, физиолог растений, академик АН СССР (с 1929 г.), академик ВАСХНИЛ (с 1935 г.).
34. БЕРИЯ С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 342—344.
35. ЕГО ЖЕ. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти, с. 272.
36. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. М. 1999, с. 520.
37. Там же, с. 518—521.

38. Меркулов Всеволод Николаевич (1895—1953) — советский государственный и политический деятель, нарком (в 1946 г. министр) государственной безопасности СССР (1941, 1943—1946), министр государственного контроля СССР (1950—1953).
39. Ульрих Василий Васильевич (1889—1951) — государственный деятель, генерал-полковник юстиции, председатель Военной коллегии Верховного суда СССР (1926—1948).
40. БЕРИЯ С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 342—344.
41. ШНОЛЬ С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М. 2010, с. 185.
42. Рапава Авксентий Нарикиевич (1899—1955) — деятель органов госбезопасности, генерал-лейтенант, нарком внутренних дел (1938—1943), министр государственной безопасности (1943—1948), министр юстиции (1948—1951) Грузинской ССР.
43. Политбюро и дело Берия, с. 125.
44. Серго Берия вспоминал о двух конфликтах его матери со Сталиным: в 1938 г., когда она отказалась переезжать из Тбилиси в Москву, и позже, когда отказалась вступать в партию, куда ей все-таки ей пришлось вступить в 1940 году. См.: БЕРИЯ С. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 55.
45. Там же, с. 27, 67.
46. КОРИДЗЕ Т. Ук. соч., с. 31.
47. Политбюро и дело Берия, с. 126.
48. АРАН, ф. 524, оп. 9, д. 48, л. 13.
49. Там же, л. 14.
50. ЦАГМ, ф. Р-691, оп. 1, д. 137, л. 108; д. 138, л. 231.
51. Чириков Фёдор Васильевич (1883—1964) — агрохимик, профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.
52. Бобко Евгений Василевич (1890—1959) — агрохимик, профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.
53. Петербургский Александр Васильевич (1904—1991) — агрохимик и почвовед, профессор Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева.
54. АРАН, ф. 524, оп. 9, д. 48, л. 4.
55. Судоплатов Павел Анатольевич (1907—1996) — советский разведчик, генерал-лейтенант МВД СССР.
56. СУДОПЛАТОВ П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М. 2001, с. 112.
57. БЕРИЯ С. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 193—194.
58. М.В. Фрунзе во время поездки в ноябре 1921 — январе 1922 г. в Турцию в качестве представителя Украинской ССР для заключения договора, наблюдал лазов в Трабзоне и писал, что они — «главная масса сельского населения всего юго-восточного турецкого Черноморья», и что «их всего около полумиллиона человек». См.: ФРУНЗЕ М.В. Поездка в Ангорю. Собр. соч. Т. 1. Л.—М. 1929, с. 278.
59. Джанашиа Симон Николаевич (1900—1947) — историк, профессор Тбилисского университета (с 1935 г.), директор Института истории им. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР (с 1941 г.), вице-президент АН Грузинской ССР (с 1941 г.), академик АН СССР (с 1943 г.).
60. Бердзенишвили Николай (Николоз) Александрович (1894/95—1965) — историк, директор Института истории им. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР (1948—1958), академик (с 1944 г.), вице-президент (1951—1957) АН Грузинской ССР.
61. Заря Востока. 15.XII.1945, № 247.
62. Правда. 20.XII.1945, № 301; Известия. 20.XII.1945, № 297; Красная звезда. 20.XII.1945, № 297; Правда Украины. 22.XII.1945, № 251.
63. Чикобава Арнольд Степанович (1898—1985) — языковед, профессор Тбилисского университета (с 1933 г.), академик АН Грузинской ССР (с 1941 г.).
64. ЧИКОБАВА А. Несколько слов о лазах. — Заря Востока. 20.XII.1945, № 250.
65. СССР и Турция. 1917—1979. М. 1981, с. 190; История внешней политики СССР. Т. 2. М. 1986, с. 216.
66. Кавтарадзе Сергей Иванович (1885—1971) — советский государственный и партийный деятель, председатель СНК Грузинской ССР (1922—1923), первый зам. прокурора Верховного суда СССР (1924—1928), зам. наркома иностранных дел (с 1941 г.), посол в Румынии (1945—1952).

67. БЕРИЯ С.Л. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти, с. 257.
68. Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. М. 2012, с. 600.
69. Шария Пётр Афанасьевич (1902—1983) — советский партийный и государственный деятель, профессор Тбилисского университета (1948—1952), академик АН Грузинской ССР.
70. АРАН, ф. 524, оп. 9, д. 48, л. 22—23.
71. Васильева Лариса Николаевна (род в 1935 г.) — поэтесса, прозаик и драматург.
72. По свидетельству М.М. Пешковой — невестки Нина Теймуразовны — она «была блондинкой, но красилась в рыжий цвет». См.: ВАСИЛЬЕВА Л.Н. Ук. соч., с. 316.
73. Там же, с. 308.
74. СУХОМЛИНОВ А.В. Кто вы, Лаврентий Берия? М. 2004, с. 69.
75. БЕРИЯ С. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 193—194.
76. Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит, с. 322.
77. БЕРИЯ С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 397—398.
78. КОРИДЗЕ Т. Ук. соч., с. 31. Позднее эту версию развивал в своих воспоминаниях сын Л.П. Берия — Серго. См.: БЕРИЯ С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 27.
79. Цареградский Пётр Константинович (1900—1969) — следователь по важнейшим делам прокуратуры СССР (1944—1961).
80. Политбюро и дело Берия, с. 399.
81. Там же, с. 563.
82. Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит, с. 372.
83. Политбюро и дело Берия, с. 398.
84. Там же, с. 565; БЕРИЯ Н.Т. «Только быстрая смерть избавит меня...» — Источник. 1994, № 2, с. 74—76.
85. Савин Анатолий Иванович (род в 1920 г.) — ученый, специалист в области информационно-управляющих автоматических систем, научный руководитель ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»» (с 2007 г.), академик АН СССР (с 1984 г.).
86. Расплетин Александр Андреевич (1908—1967) — ученый, конструктор в области радиотехники и электроники, академик АН СССР (с 1964 г.).
87. Бункин Борис Васильевич (1922—2007) — ученый, конструктор и организатор производства зенитных ракетных комплексов для ПВО, генеральный конструктор предприятия НПО «Алмаз» (1968—1998). Академик АН СССР (с 1974 г.).
88. Шабанов Виталий Михайлович (1923—1995) — генерал армии, зам. министра радиотехнической промышленности (1974—1978), зам. министра обороны (1978—1990).
89. Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит, с. 730, 738.
90. ЧИЛАЧАВА Р. Сын Лаврентия Берия рассказывает... В кн.: БЕРИЯ С.Л. Сын за отца отвечает. Мой отец — Лаврентий Берия. М. 2013, с. 74, 81.
91. Пешкова Марфа Максимовна (род. в 1925 г.) — старший научный сотрудник Института литературы, жена С.Л. Берия (с 1946 г.).
92. БЕРИЯ С. Мой отец — Лаврентий Берия, с. 7.
93. ЧИЛАЧАВА Р. Ук. соч., с. 9, 84.

Госпитали для иностранных военнопленных на территории Удмуртии в 1943—1949 гг.

Д.В. Перевошиков

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы поступления, содержания, обустройства и медицинского обслуживания иностранных военнопленных, находившихся в специализированных госпиталях на территории Удмуртской АССР в 1943—1949 годах.

Ключевые слова: Удмуртская АССР, Великая Отечественная война, военнопленные, спецгоспитали, условия содержания, медобслуживание, нормы питания, лагеря для военнопленных.

Summary. The article deals with receipt, keeping, arrangement and medical attendance of foreign prisoners of war, who were in special hospitals in the territory of the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in the years of 1943—1949.

Key words: Udmurt ASSR, Great Patriotic war, prisoners of war, special hospitals, conditions of keeping, medical attendance, rates of feeding, POW camps.

Несмотря на множество публикаций о Великой Отечественной войне, недостаточно изученным остается вопрос о содержании и лечении в спецгоспиталях СССР военнопленных из армий гитлеровского блока. А между тем, это был заметный фактор в советской практической медицине тех лет.

На территории Удмуртской АССР в период 1943—1945 гг. находилось семь спецгоспиталей для лечения военнопленных. Эти медицинские учреждения функционировали в городах Глазов и Можга, а также в поселках Ува, Пудем и на станции Областная, расположенной на железнодорожной ветке Ижевск — Кильмезь. Все перечисленные спецгоспитали были организованы вблизи крупных станций. Так учитывалась необходимость быстрой доставки больных или раненых в медучреждения для лечения. Еще одной общей чертой спецгоспиталей на территории республики являлось то, что все они до прибытия военнопленных специализировались на лечении советских бойцов и командиров. Причем, номер медучреждения после перепрофилирования оставался прежним. Но при этом такие госпитали после поступления пленных получали статус специализированных. Здесь поправляли свое здоровье не только бывшие

Перевошиков Дмитрий Викторович — аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. Ижевск. E-mail: dmitryizh76@mail.ru.

Perevoshchikov Dmitry V. — postgraduate student of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of RAS. Izhevsk. E-mail: dmitryizh76@mail.ru.

солдаты и офицеры вермахта, немцы из войск СС, но и воевавшие на стороне Гитлера австрийцы, венгры, итальянцы, румыны, финны, чехи, словаки и представители других национальностей. После выздоровления их отправляли обратно в лагеря военнопленных, располагавшиеся как на территории Удмуртии, так и в других районах страны.

Спецгоспитали республики входили в систему Наркомата здравоохранения. Однако по понятным причинам пациенты охранялись конвоем, подотчетным НКВД СССР. По периметру таких госпиталей строился забор, протягивалось электрооборудование для освещения. Все это дополнялось двумя смотровыми вышками, расположенными по диагонали, где стояли часовые. Таким образом, медицинская часть, а также все вопросы питания, быта и материального обеспечения военнопленных находились в ведении Наркомздрава, а органы внутренних дел выполняли функции пресечения их побегов и оборудования охранной зоны. В Приказе по Наркомату здравоохранения СССР, подписанном главой ведомства Г.А. Митеревым, говорилось: «... 3. Госпитали для военнопленных остаются в системе Наркомздрава СССР и работают на общих основаниях. 4. Спецмероприятия по режиму и охране осуществляются органами НКВД СССР...»¹

Крупнейшим госпиталем для пленных на территории Удмуртии являлся можгинский. Во всех официальных документах он значился под № 3888. Военнопленные находились здесь с марта 1943 по 1949 год. Первая партия прибыла на станцию Сюгинская совершенно неожиданно для медперсонала спецгоспиталя, без предварительного извещения и информации об их количестве, о диагнозах болезней². Спасая жизни пленных, врачи и медсестры подвергали себя смертельному риску. К началу 1944 г. 83 чел. из персонала спецгоспиталя заразились сыпным тифом³. Скончались начальник санэпидстанции города Можги, врач Балезина, диетсестра⁴. В дальнейшем процент смертности среди военнопленных в госпитале значительно снизился. Были найдены пути предотвращения летальных исходов и эффективного лечения типичных заболеваний. Персонал отработал прием прибывающих в эшелонах военнопленных. В 1944 г. начальником спецгоспиталя был капитан медицинской службы А.М. Кудрявцев, его заместителем по политической части — Х.Р. Зарайлян⁵.

Факт столь продолжительного существования госпиталя обусловлен двумя причинами. Город Можга и станция Сюгинская были расположены на важнейшей железнодорожной магистрали, соединяющей европейскую часть с Уралом и Сибирью. Поэтому туда можно было перевезти больных и раненых военнопленных как с фронта, так и из многих лагерей, находившихся в глубоком тылу. Выздоровевших пациентов без особых затруднений отправляли в различные пункты содержания и трудового использования бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока по всей стране. Вторая причина заключалась в том, что данный спецгоспиталь в отличие от некоторых других подобного рода учреждений базировался в очень неплохих условиях — в трех кирпичных корпусах общеобразовательной и акушерской школ, которые отапливались голландскими печами. Он имел свое подсобное хозяйство, давшее в 1942 г. 21 т картофеля. Однако в первые месяцы обслуживания военнопленных здесь ощущалась нехватка постельного белья. В 1943 г. три кирпичных корпуса спецгоспиталя нуждались в ремонте⁶.

Особенностью этого медучреждения являлось также пребывание там офицеров и даже представителей высшего состава войск СС. По воспоминаниям бывшего медработника спецгоспиталя З.Г. Блиновой, они лечились в нем вплоть до его закрытия⁷. Одни эсэсовцы впоследствии были осуждены советскими следственными органами как военные преступники, другие отправились на пункты репатриации и вскоре вернулись в Германию.

19—20 января 1944 г. спецгоспиталь обследовала комиссия, в отчете которой сообщалось об обслуживании в данном учреждении 1032 военнопленных. Больные размещались на двухъярусных нарах, а страдающие туберкулезом — на койках и топчанах. При этом отмечалось наличие в госпитале 138 выздоровевших пациентов. Признаков завшивленности обнаружено не было. Пациенты мылись регулярно — 1 раз в десять дней. Начиная с июня 1943 г., во всех спецгоспиталях СССР нормы питания военнопленных были повышены до уровня ежедневного рациона проходивших курс лечения раненых или больных советских бойцов и командиров⁸. Удмуртия в этом вопросе исключением не стала. Туберкулезные больные спецгоспиталя № 3888 питались 4 раза в сутки, получали ежедневно настой шиповника. Прочие пациенты потребляли пищу 3 раза в день, выпивая дополнительно настой хвои. Однако при этом в медучреждении было установлено отсутствие электрического освещения, а также отмечены нехватка белья, низкая температура в палатах⁹.

В апреле 1944 г. госпиталь посетила еще одна комиссия, зафиксировавшая прибытие 328 больных военнопленных из лагеря № 58, располагавшегося в Мордовии, в городе Темников¹⁰. В этой партии 52 чел. оказались здоровыми. Прибывшие медики из комиссии определили их подлежащими отправке в оздоровительную команду при лагере¹¹. Не исключено, таким образом, что некоторые военнопленные симулировали и, притворившись больными, пытались избежать работ в месте содержания. В 1949 г. спецгоспиталь № 3888 был расформирован. Министр здравоохранения УАССР Н.Ф. Рупасов поблагодарил всех работников этого медучреждения за добросовестный труд¹².

В Можге непродолжительное время существовал еще один спецгоспиталь — № 5880. В конце 1944 г. сюда поступила первая партия больных военнопленных. Однако в период с января по октябрь 1945 г. в госпитале находилось небольшое количество пациентов, и одной из комиссий был отмечен факт его неполной загрузки¹³.

Второе лечебное учреждение для пленных, появившееся в Удмуртии в 1943 г., размещалось в поселке Ува. Там, главным образом, проходили медобслуживание пациенты, прибывшие из лагеря № 75, находившегося в поселке Рябово. Спецгоспиталь № 2646 базировался в деревянном здании общеобразовательной школы, недалеко от железнодорожной линии. Его начальником был Н.С. Мещеряков. Среди иностранных пациентов госпиталя отсутствовали раненые. Военнопленные поступали сюда в основном с гнойным плевритом, дистрофией, туберкулезом. Вместе с советскими медработниками в госпитале № 2646 трудился пленный врач-немец, который неплохо владел русским языком¹⁴. Однако госпиталь просуществовал недолго. В марте 1944 г. его персонал покинул пределы Удмуртии и передислоцировался в район действия войск 3-го Белорусского фронта, в село Уваровичи¹⁵.

Два медицинских учреждения для лечения пленных находились также в городе Глазове. Это спецгоспитали № 3779 и № 5882. Первый из них занял кирпичное здание бывшей женской гимназии на пересечении улиц Кирова и Маркса. После эвакуации советских раненых его обнесли забором высотой 2,75 м, охранную зону обеспечили освещением, построили входные ворота, контрольно-проходную будку и две смотровые вышки. Госпиталь № 5882 располагался на углу улиц Сибирской и Маркса. В двух этих медучреждениях планировалось разместить по 1000 военнопленных¹⁶.

6 ноября 1944 г. на станцию Глазов прибыл охраняемый эшелон со спецконтингентом. 8 ноября госпитали № 3779 и № 5882 начали прием военнопленных. Врачи при этом отмечали большую завшивленность бывших солдат из армий гитлеровского блока¹⁷. Среди военнопленных, оказавшихся в Глазове, были врачи и студенты-медики. Все они привлекались к лечению своих сооте-

чественников. Иногда немцы-врачи проводили операции, а наши медсестры им ассистировали.

Военнопленные, проходившие лечение в госпиталях, часть работ по их содержанию и обслуживанию выполняли сами: доставляли в бочке воду с реки, заготавливали дрова на зиму. В сопровождении конвоя они также отвозили умерших на кладбище¹⁸. Часть из них была захоронена в районе деревни Сыга, западнее Глазова¹⁹. Некоторых снаряжали на работу в колхозы для уборки урожая. Ближе к концу войны иностранных пациентов, среди которых кроме граждан Германии были австрийцы, итальянцы, румыны, венгры, расконвоировали. Они без охраны покидали пределы спецгоспиталя. Военнопленными был организован в городе духовой оркестр. Иностранные музыканты выступили на городском концерте, добравшись до места назначения без охраны. После выздоровления военнопленные отправлялись в лагерь № 510, располагавшийся в районе поселка Дзякино и железнодорожной станции Жаба. Путь вылечившихся офицеров лежал на станцию г. Владимира. Отсюда их доставляли в специализированный лагерь № 160 для командного состава, размещенный в Суздале²⁰.

В ноябре 1944 г. военнопленные начали поступать и в госпиталь № 5122 небольшого поселка Соцгородок, находившегося в 1,5 км южнее станции Областная²¹. Кроме немцев здесь проходили лечение словаки, румыны, итальянцы. Е.И. Веретенникова, один из медработников госпиталя, вспоминала, как однажды немец Новак (возможно, австриец или чех. — *Д.П.*), 1924 г. рождения, ей сказал: «Сестра Лиза, нам Гитлер обещал земли русской. Я эту землю получу — 2 метра глубиной». Его положение было безнадежно: двухсторонний гнойный плеврит. Новак был похоронен недалеко от госпиталя на местном кладбище военнопленных, расположенном вдоль узкоколейной железной дороги²². Специализированное медицинское учреждение № 5122 было расформировано в декабре 1946 года²³.

В октябре 1944 г., после отправки раненых красноармейцев и офицеров в другое медучреждение, на северо-западе республики в поселке Пудем появился еще один госпиталь для пленных, располагавшийся в трех одноэтажных зданиях местной школы. По рекомендации специальной комиссии, обследовавшей госпиталь № 5879, здесь предполагалось разместить 600 больных военнопленных²⁴. Они прибыли осенью 1944 года. Около двух десятков пациентов так и не смогли оправиться от тяжелых болезней и были захоронены на одном из местных кладбищ. В 1946 г. этот спецгоспиталь был расформирован, и учащиеся вернулись в свою школу²⁵.

Фактические цифры военнопленных, проходивших медобслуживание в Удмуртии, не вполне совпадали с планируемыми ранее. В ноябре 1944 г. в можгинских госпиталях № 3888 и № 5880 находилось соответственно 1500 и 450 больных, в поселке Соцгородок — 220 пленных. В пудемском спецгоспитале поправляли свое здоровье 300 бывших военнослужащих вермахта и союзных ему армий. В Глазове в это время лечились 870 пленных. В специализированных медучреждениях № 3779 и № 5882 находились 570 и 300 человек соответственно²⁶.

Подавляющее большинство пациентов, обслуживавшихся в спецгоспиталях Удмуртии, составляли не раненые, а больные, страдавшие различными заболеваниями. Причины смертельных случаев, как правило, заключались в позднем квалифицированном медицинском вмешательстве. Многие военнопленные начинали чувствовать недомогание еще на фронте, в окопах. Болезни у них были запущены. Составы с бывшими солдатами и офицерами вермахта отправляли в пункты назначения далеко не в первую очередь, поэтому эшелоны сутками простаивали на промежуточных станциях и шли до места назначе-

ния довольно долго. В акте от 18 мая 1943 г. о прибытии поезда с пленными, поступившими в госпиталь № 3888, отмечалось: «...военнопленные в момент погрузки в пути следования находились в тяжелом состоянии; многие из следовавших умирали в пути. Также были смерти во время выгрузки эшелона и транспортировки больных в госпиталь. Всего с момента разгрузки эшелона до поступления в палаты умерло 44 человека. Военнопленные были крайне истощены, обессилены... Помимо поголовного истощения и бессилия часть военнопленных уже в момент разгрузки эшелона находилась в лихорадящем состоянии...». Такие обстоятельства привели к тому, что из прибывших в период с 21 марта по 15 апреля 706 чел. 390 скончались²⁷.

Благодаря лечению, находившемуся на достаточно высоком уровне, постепенно число военнопленных в спецгоспиталях уменьшалось. Выздоровевших пациентов отправляли обратно в лагерь. Вскоре после окончания Великой Отечественной войны необходимость в функционировании семи медучреждений для военнопленных в Удмуртии отпала. Центральная ликвидационная комиссия отдела эвакуационных госпиталей Наркомата здравоохранения УАССР в конце декабря 1945 г. расформировала госпитали № 5880 и № 5882²⁸. Незадолго до этого военнопленных из Глазова отправили специальным эшелонам на запад. Их путь лежал в Берлин, на распределительный пункт²⁹.

К 1949 г. только один из спецгоспиталей — можгинский, № 3888 — продолжал свою работу, так как находился в наилучших условиях и в очень удобном для приема больных месте. Кроме того, учитывалась возможность появления необходимости лечения здесь некоторого количества японских военнопленных, которые после разгрома Квантунской армии в августе 1945 г. прибывали в европейскую часть СССР в немалом количестве. Многие из них через Можгу и станцию Кизнер доставлялись в Елабугу, в лагерь № 97. Госпиталю была передана часть имущества расформированного специализированного медучреждения № 5880.

Несмотря на явную неприязнь по отношению к солдатам и офицерам вражеских армий, эсэсовцам, оказавшимся в советском плену, медики Удмуртии, подавляя эти чувства, создавали удовлетворительные условия для лечения военнопленных, старались выполнить свой врачебный долг до конца. В ряде случаев они шли на явный риск и самопожертвование в стремлении погасить очаги инфекции среди пациентов и снизить показатели смертности. При этом иногда гибли сами. Этим медработники доказали свою гуманность по отношению к врагу и, тем самым, превосходство над ним.

Примечания

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР), ф. Р-568, оп. 2, д. 18, л. 11.
2. Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Сб. документов. Ижевск. 1995, с. 170.
3. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР), ф. 16, оп. 1, д. 3815, л. 100.
4. ВИЧУЖАНИН А.Г. Можга. Городок над Сюгинкой-рекой. Ижевск. 2001, с. 195.
5. ЦГА УР, ф. 568, оп. 2, д. 38, л. 3.
6. ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 3815, л. 104.
7. ВИЧУЖАНИН А.Г. Ук. соч., с. 195.
8. ЦГА УР, ф. Р-568, оп. 2, д. 18, л. 102.
9. Там же, д. 29, л. 7—7об.
10. Венгерские военнопленные в СССР. М. 2005, с. 281.
11. ЦГА УР, ф. Р-568, оп. 2, д. 29, л. 26.

12. ВИЧУЖАНИН А.Г. Ук. соч., с. 195.
13. ЦГА УР, ф. Р-568, оп. 1, д. 161, л. 40.
14. ЧУМАКОВА А.И. На перекрестке судеб. Ижевск. 2006, с. 69.
15. Там же, с. 247.
16. ЦГА УР, ф. Р-568, оп. 2, д. 29, л. 50—55.
17. Там же, л. 80.
18. ГРУДИНА Е.А. Эвакогоспитали города Глазова. В кн.: В едином строю. Очерки. Ижевск. 2015, с. 92.
19. Венгерские военнопленные в СССР, с. 423.
20. ГРУДИНА Е.А. Ук. соч., с. 92.
21. ЦГА УР, ф. Р-568, оп. 2, д. 29, л. 79.
22. ЧУМАКОВА А.И. Ук. соч., с. 72.
23. Там же, с. 70.
24. ЦГА УР, ф. Р-568, оп. 2, д. 29, л. 52.
25. ЧУМАКОВА А.И. Ук. соч., с. 78—79.
26. ЦГА УР, ф. Р-568, оп. 2, д. 26, л. 270.
27. Удмуртия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 171.
28. ЦГА УР, ф. Р-568, оп.1, д. 161, л. 40—41, 43—44.
29. ГРУДИНА Е.А. Ук. соч., с. 92.

Е.А. Щаденко и репрессии в Красной армии в 1937—1938 гг.

А.А. Гуляев

Аннотация. В данной работе на основе архивных документов и других источников исследуется подлинная роль Е.А. Щаденко в осуществлении репрессий в Красной армии в 1937—1938 годах. Большое внимание уделяется человеческому фактору в формировании характера происходивших в стране и армии процессов.

Ключевые слова: Е.А. Щаденко, Киевский военный округ, «Большой террор», Красная армия, Главный военный совет РККА.

Abstract. This article, based on the archival documents and other sources, investigates the genuine role of E.A. Schadenko in repressions which took place in the Red Army in the period of 1937—1938. Much attention is paid to the human factor in forming the character of the processes occurring in the army and the country.

Key words: Y.A. Schadenko, Kiev Military District, «The Great Terror», the Red Army, The Chief Military Council of the Red Army.

В ряде исследований, посвященных 1937—1938 гг., подчеркивалось участие известного политработника Ефима Афанасьевича Щаденко в репрессиях, развернувшихся в рамках «Большого террора» в войсках Киевского военного округа (КВО) и всей Красной армии с июня 1937 года¹. Однако фактов, подтверждающих эти данные, приводилось недостаточно или не приводилось вообще. Архивные материалы и широкий анализ имеющихся в различных исследованиях отдельных деталей позволяют глубже изучить этот вопрос.

В мае 1937 г. политическое руководство СССР приняло решение воссоздать военные советы округов и флотов. Членом Военсовета КВО был назначен корпусной комиссар Е.А. Щаденко. В этой должности он пробыл недолго, но оставил значительный след в истории округа как один из активных участников репрессий.

Самой распространенной формой репрессий в отношении командного и начальствующего состава² Красной армии являлось увольнение со службы по политическим мотивам. В июне 1937 г. военсоветы округов получили «право увольнять и давать санкции на арест комначсостава до командира полка и ему соответствующих»³. Ранее это была исключительная прерогатива наркома обороны и его заместителей. Оформлялись увольнения приказами войскам окру-

Гуляев Алексей Александрович — историк. E-mail: Krzyzanovsky.1917@yandex.ru.

Gulyaev Aleksey A. — historian. E-mail: Krzyzanovsky.1917@yandex.ru.

гов по личному составу, вступавшими в силу после их коллегиального подписания командующим, членом Военсовета и начальником штаба, либо их заместителями. Эти документы позволяют установить, в увольнении скольких офицеров участвовал тот или иной представитель командования округа. Всего с момента прибытия нового руководства в КВО и до перевода Щаденко на другую должность приказами по округу было уволено 1512 офицеров⁴. Согласно тезису исследователя О.Ф. Сувенирова, 85% офицеров в годы репрессий отстранялись от должности по политическим мотивам (включая арестованных)⁵. Из названного выше числа Щаденко подписал приказы на увольнение 1061 человека. Из них по политическим мотивам — около 900.

Сложно сказать, сколько человек было уволено по личной инициативе Щаденко. Его подписи на приказах подтверждают лишь согласие на увольнение; инициатором мог быть кто-то другой. Какая-то часть командиров была уволена после фактического ареста, то есть вообще без участия Военсовета. В этом случае увольнение было лишь формальностью. Из указанного числа уволенных за подписью Щаденко 171 чел. был «оформлен» по статье 44 пункт «в» Положения о прохождении службы комначсоставом РККА (то есть в связи с арестом). Но нередко увольнение по такой статье осуществлялось и до фактического ареста. Поэтому формальных увольнений было меньше. О проявлении Щаденко личной инициативы в увольнении офицеров свидетельствует, например, такой случай. В приказе № 0207 от 2 сентября 1937 г. имелся пункт об увольнении начальника 4-го отделения оперативного отдела штаба КВО интенданта 1-го ранга К.Т. Жемчугова. Сначала по какой-то причине его вычеркнули из приказа. Но затем Щаденко собственной рукой наложил рядом резолюцию: «уволить»⁶.

Участие Щаденко в репрессиях выражалось не только в производстве увольнений. 29 сентября 1937 г. приказом по округу «за развал работы» был отстранен от должности помощник начальника санитарного отдела КВО бригаврач Б.Я. Суслов. Судя по цвету карандаша, которым Щаденко подписал приказ, он лично дополнил текст фразой «с преданием суду»⁷. Косвенно Щаденко участвовал в «разгроме» кадров военной прокуратуры КВО: 16 июня приказом за его подписью был уволен прокурор округа диввоенюрист Е.Л. Перфильев. Правда, в документе говорилось, что увольнение производится «на основании приказа народного комиссара обороны СССР»⁸. Также Щаденко активно занимался сбором компромата на офицеров и пересылкой его в различные инстанции, в том числе в НКВД.

Служивший тогда в КВО командиром 2-й кавалерийской дивизии А.В. Горбатов вспоминал: «Щаденко с первых же шагов стал подозрительно относиться к работникам штаба. Приглядывался, даже не скрывая этого, к людям, а вскоре развернул весьма активную деятельность по компрометации командного и политического состава, которая сопровождалась массовыми арестами кадров»⁹. Уже на июньском 1937 г. пленуме Военного совета при наркомате обороны сам Щаденко делился наработанной им методикой по поиску компромата: «Мы должны заострить нашу большевистскую бдительность... суметь вскрывать все методы работы врагов. Имейте в виду, что в Киевском и других округах враги рассадили своих людей на различные участки работы... Поэтому проверяйте аттестационные материалы, проверяйте их биографические сведения, их связи... Вы тогда многое разоблачите, вы... поможете Николаю Ивановичу (Ежову. — А.Г.) выкорчевать до конца врагов... Должен сказать вам, простое перелистывание материалов, сличение биографических данных и послужных списков уже вскрывает очень много противоречий. Люди пишут в разное время и забывают о том, что они писали раньше»¹⁰.

Тогда же сам нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов бросил в адрес Щаденко такую реплику: «Тот материал, который ты мне прислал, очень интересный»¹¹. Выявлена копия упоминаемого в работе Н.М. Якупова доноса на Ф.А. Ингауниса. Но тут следует дать важные пояснения. Во-первых, это сообщение наркому обороны было подписано не только Щаденко, но и Федько, деятельность которого Якупов напрасно изображал исключительно в светлых тонах¹². Копия является машинописной, что не дает возможности определить, кто был непосредственным автором документа. Во-вторых, помимо сведений о близости Ингауниса к Якиру, в ней говорится о недостатках в его работе. Например о том, что он не только не боролся с вредительством при строительстве аэродромов, но и сам «вносил в проекты дополнения, еще более усугубляющие недоброкачественность строителей», в частности, «в Судилкове авиагородок был внесен в болото, хотя по первоначальному проекту этого не было»¹³. Конечно, в духе времени, новое руководство округа в этом усматривало умышленное вредительство. В то же время, нет оснований считать, что сама информация о качестве работы Ингауниса является надуманной.

Доносы писали и другие офицеры округа. Комдив В.Н. Львов 10 июня 1937 г. направил Военсовету обширный доклад, содержащий компромат на многих офицеров округа. Сделать это он «решил, в новом свете чудовищных преступлений и предательства, раскрытых... докладом [Федько] и выступлением т. Щаденко»¹⁴. Иными словами, своими действиями Военсовет КВО привлекал к участию в репрессиях новых военнослужащих.

Как уже говорилось, в 1937 г. Военсоветы получили право санкционировать аресты части офицеров. Согласно постановлению от 13 июня 1937 г., Военсовет КВО, рассмотрев материалы НКВД УССР на начальника склада НКО № 80 М.И. Финенко и помощника начальника отделения отдела артиллерии округа техника-интенданта 1-го ранга Б.М. Ойгенштена, санкционировал их арест¹⁵. Постановление подписано Федько и Щаденко, но не имеет номера. Поэтому возможно, что данный документ не вступил в силу. Однако бесспорно, что Щаденко был согласен с необходимостью ареста этих людей.

В то же время, некоторых командиров Щаденко еще в 1937 г. брал под свою защиту. Так, в приказе КВО по личному составу № 0201 изначально имелся пункт об увольнении из РККА командира батальона 298-го стрелкового полка капитана Е.К. Ружина. Щаденко вычеркнул его фамилию, наложив резолюцию «проверить»¹⁶. Благодаря этому Ружин не подвергся репрессиям, продолжил службу в рядах Красной армии, а в годы Великой Отечественной войны находился на преподавательской работе¹⁷.

Восстановление отдельных офицеров на службе в КВО началось уже в 1937 году. В период пребывания Щаденко в округе приказами Военного совета было восстановлено 26 офицеров, из них за его подписью — 22 человека. На одном из таких случаев остановимся более подробно.

Приказом КВО по личному составу от 5 августа 1937 г. за подписями Федько, заместителя начальника политуправления округа полкового комиссара А.И. Борисова и начальника штаба округа комбрига И.Г. Захаркина был уволен командир батальона 179-го стрелкового полка Я.И. Ермаков¹⁸. Он к тому времени еще не прошел переаттестацию на военное звание и, видимо, подал жалобу по факту своего увольнения, попав в поле зрения Щаденко. Несмотря на то, что Ермаков еще в 1935 г. был исключен из ВКП(б) как служивший в Белой армии¹⁹, Щаденко счел возможным восстановить его в рядах Красной армии. Приказ о восстановлении Ермакова в РККА за подписями Федько, Щаденко и Захаркина датируется 24 октября 1937 г.; но на прежнюю командную должность его не назначили, а допустили к исполнению обязанностей начальника продовольственного снабжения 174-го стрелкового полка. Щаден-

ко бесспорно принимал личное участие в определении судьбы этого командира. Об этом свидетельствует то, что 7 мая 1938 г. приказом по округу Ермаков был вновь допущен к исполнению должности командира батальона 179-го стрелкового полка. В тексте приказа прямо говорилось, что назначение производится «по приказанию зам[естителя] наркома обороны т. Щаденко»²⁰. В том же году он был аттестован и получил звание майора. Подполковник (с 1940 г.) Ермаков, будучи командиром 701-го стрелкового полка 142-й стрелковой дивизии, участвовал в Великой Отечественной войне на Ленинградском фронте, где 17 сентября 1941 г. был контужен; позже проходил службу в тыловых частях²¹.

В ноябре 1937 г. Щаденко назначили заместителем народного комиссара обороны и начальником Управления по командному и начальствующему составу (УКНС) РККА. На эту должность его выдвинул лично И.В. Сталин, которому потребовался свой доверенный человек для контроля за кадрами в армии.

С самого начала работы начальником УКНС Щаденко, с одной стороны, старался выкорчевать всех «врагов народа», с другой, — ликвидировать некомплект комначсостава РККА, в том числе путем восстановления в должностях несправедливо уволенных.

«Личный вклад» Щаденко в процесс репрессий в новой должности был существенным. С первых дней работы он начал «громить» известных ему «врагов» и изыскивать новые пути сбора компромата: в конце ноября затребовал из КВО материалы на комкора Н.Н. Криворучко «для принятия соответствующих мер»²², а в декабре 1937 г. направил Ворошилову заявление «о том, что [А.И.] Егоров в беседе с... [ним] во время ужина высказал недовольство неправильным освещением и умалением его, Егорова, роли в период гражданской войны и незаслуженным возвеличиванием роли Сталина и Ворошилова»²³. По утверждению генерала армии А.В. Хрулёва, в 1938 г. Л.З. Мехлис требовал его ареста; сначала Щаденко защищал Хрулёва, но позднее изменил свое мнение²⁴. Известно также, что Щаденко участвовал в принятии решений об аресте многих офицеров и выдаче соответствующих санкций по запросам НКВД. Например, 27 июня 1938 г. он санкционировал арест 18 политработников — от политука до полкового комиссара²⁵.

Но наибольший интерес представляет участие Щаденко в утверждении нормативных актов, регламентирующих осуществление репрессий в РККА, причем как способствовавших их эскалации, так и, напротив, — свертыванию. Важна его деятельность по созданию структур, занимавшихся решением вопросов, связанных с репрессиями. Здесь наблюдается явная эволюция представлений Щаденко о том, как должен быть организован механизм осуществления репрессий со стороны лиц, наделенных административной властью в армии.

24 июня 1938 г. Щаденко участвовал в заседании Главного военного совета (ГВС) РККА, который постановил: «командный и начальствующий состав РККА следующих национальностей: немцев, поляков, латышей, эстонцев, корейцев, финнов, литовцев, турок, румын, венгров и болгар всех пограничных округов немедленно уволить в запас. Тех из них, независимо от того, в каком округе служит, на которых имеются компрометирующие материалы, передать органам НКВД». На заседании 27 июня 1938 г., в котором Щаденко также участвовал, ГВС постановил «принять предложение ... Мехлиса... об изъятии из РККА всех колчаковцев, активно борющихся против советской власти, находящихся... на командных должностях в Дальневосточном фронте, Забайкальском и Сибирском военных округах»²⁶. В развитие последней инициативы 22 июля 1938 г. Щаденко обратился к Ворошилову с предложением дать распоряжение военсоветам объединений «проверить всех бывших эсеров, меньшевиков, анар-

хистов, дашнаков, муссаватистов, боротьбистов и членов других антисоветских партий и лиц, не доказавших своей активной работой безусловную преданность партии Ленина-Сталина и социалистической Родине, уволить в запас, а на высший комсостав представить списки»²⁷. Но нарком обороны его не поддержал.

Важно, что в принятых ГВС решениях и предложении Щаденко для подлежащих репрессиям лиц были обозначены достаточно четкие критерии (национальность, служба в белых армиях и т. д.). Это отличает чистки 1938 г. в армии. В 1937 г. никаких критериев задано не было. В июле 1938 г. Щаденко вполне доверял способности военсоветов осуществить увольнения без перегибов, в рамках заданных критериев.

Следует отметить, что Щаденко проявил немалую активность для реабилитации и возвращения в ряды армии тех, кто, по его мнению, был уволен несправедливо. Уже 20 января 1938 г. он издал директиву военсоветам округов, начальникам центральных управлений НКО и военных академий, требовавшую пересмотреть все увольнения за 1937 г. и все представления на увольнения. В директиве констатировалось, что «в подавляющей массе мотивы увольнения являются недостаточно обоснованными, а компрометирующие материалы непроверенными»; осуждалась практика, когда «сами командиры и начальники, подлежащие увольнению, для личной беседы не вызывались»²⁸. Такое впечатление у Щаденко сложилось в результате изучения поступавших в его ведомство с мест многочисленных представлений к увольнению. В сущности, Щаденко выступал с критикой формально-бюрократического отношения местного и центрального (кроме, конечно, своих вышестоящих начальников) военного руководства к осуществлению репрессий.

Несмотря на издание директивы, процесс восстановления уволенных на местах шел очень вяло и спорадически. Сам Щаденко занимался другими вопросами. Удивительно, но переломным моментом в этом деле стали результаты проведения военсоветами в жизнь решений ГВС по увольнению «националов» и колчаковцев. Получив в августе 1938 г. данные о мотивах, по которым военные советы увольняли людей, Щаденко окончательно разочаровался в способности местных военных руководителей осуществлять репрессии без перегибов. Об их ошибках он указывал в письмах Ворошилову²⁹. В 1940 г. он писал Сталину: «Офицеров выгоняли все, кому не лень, разбираться же в правильности пало на долю мне и Мехлису со своим аппаратом»³⁰.

Именно с этого момента Щаденко стал централизованно проводить политику по восстановлению несправедливо уволенных офицеров. По его инициативе «в августе 1938 г. была создана... комиссия для разбора жалоб уволенных командиров, которая... проверяла материалы уволенных путем личного вызова их, выезда на места работников управления, запросов парторганизаций, отдельных коммунистов и командиров, знающих уволенных, через органы НКВД»³¹. Благодаря ее работе уже в последние месяцы 1938 г. в РККА были восстановлены 762 офицера³².

Одновременно Щаденко стал настойчиво доказывать наркому обороны, что необходимо запретить военсоветам самостоятельно увольнять офицеров. В первых числах сентября он обратился к нему с соответствующим письмом³³. К письму Щаденко приложил телеграмму, предлагая разослать ее военсоветам округов за подписью наркома, следующего содержания: «Увольнение из РККА командного, политического и начальствующего состава властью Военсоветов прекратить и впредь не допускать ни одного случая увольнения или отстранения от должности без моей санкции или санкции моего заместителя т. Щаденко.

В дальнейшем по этим вопросам строго руководствоваться моим приказом № 0163 1937 года»³⁴. Кроме того, Щаденко предлагал и на местах создать

комиссии для пересмотра дел уволенных офицеров. Однако этой инициативе не был дан ход.

В октябре 1938 г. Щаденко вновь поставил эти же вопросы перед Ворошиловым³⁵. Действуя настойчиво, он добился своего. Из стенограммы выступления Щаденко на ноябрьском 1938 г. пленуме Военного совета при наркомате обороны видно, что в округах тоже сдвинулся с места вопрос о восстановлении уволенных. Округа начали проявлять активность в этом вопросе. Сведения об этом имеются в литературе, хотя специально эта тема пока не исследовалась.

Щаденко приложил немало усилий для налаживания работы механизма реабилитации несправедливо уволенных офицеров. Но он не изменил свои взгляды на репрессии в армии. О сохранении упомянутой двойственности в убеждениях Щаденко и характере работы красноречиво свидетельствует выдержка из его выступления на ноябрьском 1938 г. пленуме Военного совета: «Управлением по командному и начальствующему составу РККА за этот год была проведена огромная работа... Наши ошибки: 1. Мы не очистились еще от того, от кого надо очиститься. Враги и прихвостни врагов народа еще кое-где остались и делают свое грязное дело. 2. Слепо доверяли справкам и механически, непроверенно увольняли людей... Надо считать, в округах около 50% уволено без оснований»³⁶. Как видим, Щаденко оставался яростным сторонником продолжения поисков «врагов народа», уточняя, что их немного. Важно отметить, что, характеризуя процессы репрессий и реабилитации несправедливо уволенных, он хоть и указывал в первую очередь на недостатки в этой работе военсоветов, но, употребляя местоимение «мы», в сдержанной форме признавал наличие ошибок и за собой.

Таким образом, в должности заместителя наркомата обороны и начальника УКНС Щаденко выступил в двух ипостасях — и как ярый поборник борьбы с врагами, и как последовательный борец с бюрократическим отношением к офицерам, инициатор налаживания механизма реабилитации и восстановления в РККА несправедливо уволенных.

Остановимся на вопросе, какими мотивами руководствовался Щаденко, участвуя в описанных процессах? Во-первых, думается, им двигала искренняя убежденность в необходимости и правильности репрессий. Приводившиеся выше факты красноречиво об этом свидетельствуют. Добавим к ним еще два. 18 июня 1937 г. Щаденко в личном письме супруге так характеризовал ситуацию в КВО: «Вредительская сволочь целыми годами гадила, а нам надо в недели, максимум в месяц-два, не только ликвидировать все последствия вредительства, но и быстро двигаться дальше»³⁷. Столь резкие эмоциональные выражения в частном письме близкому человеку свидетельствуют о его искренности. А вот в другом документе, написанном в связи с принятием нового текста присяги в феврале 1939 г., Щаденко сформулировал такое положение: «Совершенно естественно, что основным и главным условием успеха в работе должно явиться дальнейшее разоблачение отъявленных врагов народа, троцкистско-бухаринских бандитов, их пособников — лодырей, пьяниц, морально разложившихся, и выращивание новых, беспредельно преданных, смелых, храбрых, самоотверженных кадров, способных успешно решать любые задачи в любых условиях»³⁸. Примечательно, что этот документ появился уже по окончании периода массовых репрессий. Он свидетельствует, что Щаденко был последователен в своей позиции относительно репрессивной политики в СССР, был ее убежденным сторонником. Раскрывает документ и второй мотив Щаденко: прослеживается четкое понимание им сущности репрессий не только как процесса удаления неблагонадежных и опасных для советской власти людей из Красной армии, но и как способ «дать дорогу» молодым политически преданным и, что особенно важно, компетентным кадрам. В

сущности, Щаденко полностью разделял установку Сталина по кадровому вопросу о выдвижении руководящих работников по двум принципам — политическому и деловому³⁹.

Щаденко, безусловно, был одним из активных участников репрессий в Красной армии. В то же время публикуемые в последнее десятилетие документы и появляющиеся исследования показывают, что сам процесс репрессий и его причины не столь однозначны. Репрессии в том виде, в каком они происходили в действительности, явились результатом сложного сплетения общих интересов советского государства и личных интересов участников процесса; их проведение мутировало под воздействием механизмов работы бюрократической иерархии. В результате нередко репрессируемый казался тому или иному участнику процесса не живым человеком, а собранным на него компроматом, «бумажкой». Не столь однозначны были и причины репрессий. В последнее время появляются данные о злоупотреблении властью, очковтирательстве, воровстве и тому подобных явлениях, имевших отношение к некоторым пострадавшим от репрессий, в том числе и офицерам РККА⁴⁰. Это, конечно, не отменяет того факта, что очень многие пострадали безвинно.

Сложная структура процесса репрессий заставляет иначе смотреть на его участников. В деятельности Щаденко можно твердо отметить три момента. Во-первых, он руководствовался интересами Советского Союза, а не собственными, карьерными и т. п., отождествляя эти интересы со своими личными. Для него репрессии являлись актом классовой борьбы, позволяющей расчистить дорогу для выдвижения подлинно советских кадров с целью построения коммунизма. Во-вторых, Щаденко являлся одним из тех, кто своей активностью задавал тон происходившим процессам, был «на острие меча». Полагая нужным сам процесс, но видя и его издержки, он был не только в числе активнейших проводников репрессий, но и пытался настойчиво бороться с их «издержками», став инициатором создания механизма реабилитации несправедливо уволенных. В-третьих, оба вышеназванных обстоятельства не спасли его от участи осуществлять действия, которые даже ему самому казались позже перегибами, что он с горечью признавал. Все сказанное о сложности феномена репрессий и специфике участия в них Щаденко, позволяет отнести его к сознательно действовавшему человеку своего времени, глубоко интегрированному в происходившее. Он не был «мрачным безликим палачом», каким его считали многие исследователи ранее.

Примечания

1. Краснознаменный Киевский: Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа, 1919—1988. Киев. 1989, с. 114; ХОРЕВ А. Карьера комиссара (За строкой военного архива). — Красная звезда. 16.XI.1991; ЯКУПОВ Н.М. Трагедия полководцев. М. 1992, с. 160—161, 244; КОРОЛЬЧЕНКО А.Ф. Выбитый генералитет: Историческое повествование. Ростов-на-Дону. 2000, с. 255—257; ПЕЧЁНКИН А.А. Высший командный состав Красной Армии накануне и в годы Второй мировой войны: дисс. док. ист. наук. М. 2003, с. 185, 206; ЧЕРУШЕВ Н.С. 1937 год: элита Красной Армии на Голгофе. М. 2003, с. 131.
2. Командный и начальствующий состав — аутентичный термин; далее автор оперирует более поздним, но тождественным ему термином «офицер». К этой категории автор относит всех, кто находился в должности командного и начальствующего состава, включая временно занимавших такие должности младших командиров и красноармейцев.
3. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1—4 июня 1937 г.: Документы и материалы. М. 2008, с. 543.

4. Здесь и далее количество уволенных и восстановленных офицеров КВО приказами по округу подсчитано автором по: Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 25 880, оп. 4, д. 202, 208—211, 226—228.
5. СУВЕНИРОВ О.Ф. Трагедия РККА 1937—1938. М. 1998, с. 137.
6. РГВА, ф. 25 880, оп. 4, д. 210, л. 14.
7. Там же, л. 189.
8. Там же, д. 202, л. 15.
9. ГОРБАТОВ А.В. Годы и войны. М. 1989, с. 117.
10. Военный совет..., с. 165—166.
11. Там же, с. 166.
12. ЯКУПОВ Н.М. Ук. соч., с. 242—244.
13. РГВА, ф. 25 880, оп. 5, д. 3, л. 227.
14. Там же, л. 182.
15. Там же, д. 2, л. 13.
16. Там же, оп. 4, д. 210, л. 2.
17. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), ф. 33, оп. 682 525, д. 37, л. 303—303об.
18. РГВА, ф. 25 880, оп. 4, д. 209, л. 333, 336.
19. ЦАМО РФ, учетно-послужная карта (УПК) Ермакова Якова Ильича.
20. РГВА, ф. 25 880, оп. 4, д. 211, л. 25; д. 267, л. 111.
21. ЦАМО РФ, УПК Ермакова Я.И.
22. РГВА, ф. 25 880, оп. 5, д. 3, л. 615.
23. М.Н. Тухачевский и «военно-фашистский заговор». — Военно-исторический архив, 1998, № 2, с. 58.
24. КУМАНЁВ Г.А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск. 2005, с. 235.
25. СУВЕНИРОВ О.Ф. Ук. соч., с. 81.
26. Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М. 2004, с. 107, 109—110.
27. Цит. по: СУВЕНИРОВ О.Ф. Ук. соч., с. 83.
28. Репрессии в Красной Армии (30-е годы). Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. 1996, с. 290.
29. ПЕЧЁНКИН А.А. Ук. соч., с. 206.
30. РГВА, ф. 37 461, оп. 1, д. 141, л. 1об.
31. Военный совет... 1—4 июня 1937 г., с. 550.
32. Репрессии в Красной Армии..., с. 422.
33. ЛОШКОВ Д.Б. Командные кадры Красной Армии накануне Великой Отечественной войны (1939 — июнь 1941 гг.): дисс. канд. ист. наук. М. 2003, с. 42.
34. РГВА, ф. 37 837, оп. 22, д. 115, л. 28.
35. ПЕЧЁНКИН А.А. Ук. соч., с. 205—207.
36. Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1938, 1940 гг.: Документы и материалы. М. 2006, с. 155.
37. Родина. 1989, № 5, с. 31.
38. РГВА, ф. 37461, оп. 1, д. 33, л. 4.
39. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. — Вопросы истории. 1995, № 12, с. 13.
40. См., например: СМИРНОВ А.А. Крах 1941 — репрессии ни при чем! «Обезглавил» ли Сталин Красную Армию? М. 2011.

Пьер-Шарль Левек — французский исследователь истории и этнографии России

И.В. Кучумов, Э.В. Мельник, Л.Ф. Сахибгареева

Аннотация: В статье анализируется творчество французского историка Пьера-Шарля Левека (1736—1812). Его «Российская история» была первым в мире сочинением, где история нашей страны излагалась от князя Рюрика до императора Павла I. В этом фундаментальном труде Левек показал, что русские двигались к цивилизации вместе с остальными европейскими народами. Гораздо менее известна «История народов, подвластных России» (1783) Левека. Она представляет собой подробное описание этнографии населения Северной Евразии — от жителей Курильских островов и Камчатки до обитателей Скандинавии и Прибалтики. Большое внимание Левек уделял сравнительному анализу цивилизаций и культур этого континента. Им была предложена оригинальная классификация этносов, основанная на синтезе сведений о материальной и духовной культуре. Это позволяло европейской науке XVIII в. учитывать историю России при разработке концепций всемирной истории.

Ключевые слова: Пьер-Шарль Левек, история России, русско-французские научные связи, этнография России, эпоха Просвещения.

Abstract. The article describes the work of the French historian Pierre-Charles Lévesque (1736—1812). His “Russian History” was the first work in the world presented the history from Prince Rurik to Emperor Paul I of Russia. In this fundamental work Lévesque showed that Russians moved to the civilization together with other European peoples. “Des différents peuples soumis à la domination des Russes (The history of the peoples subject to Russia)” (1783) by Lévesque is less known. It is a detailed description of the Ethnography of the population of Northern Eurasia — from the inhabitants of the Kuril Islands and Kamchatka to the inhabitants of Scandinavia and the Baltic States. Lévesque is paying much attention to the comparative analysis of civilizations and cultures of this continent. He suggested the original classification of ethnic groups, based on a synthesis of information about material and spiritual culture. This allowed European science of the 18th century to consider the history of Russia in the development of concepts of world history.

Key words: Pierre-Charles Lévesque, history of Russia, Russian-French scientific relations, Ethnography of Russia, Age of Enlightenment.

Кучумов Игорь Вильсович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. E-mail: ivku@yandex.ru; *Мельник Элеонора Валерьевна* — кандидат исторических наук, доцент Уральского института государственной противопожарной службы МЧС РФ. E-mail: coursisctca@rambler.ru; *Сахибгареева Лилия Фанилевна* — кандидат филологических наук, доцент Башкирского института физической культуры (филиал) Уральского государственного университета физической культуры. E-mail: Sakhigbareevalf@yandex.ru.

Kuchumov Igor V. — PhD in history, senior research officer at the Institute for Ethnological studies named after R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ivku@yandex.ru; *Melnik Eleonora V.* — PhD in history, associate professor at the Ural Institute of State Firefighting Service of Ministry of Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters. E-mail: coursisctca@rambler.ru; *Sakhigbareeva Lilia F.* — PhD in philology, associate professor at the Bashkir Institute of Physical Culture (branch) of the Urals State University of Physical Culture. E-mail: Sakhigbareevalf@yandex.ru.

В славной плеяде ученых, изучавших историю России, имя известнейшего французского историка XVIII—начала XIX в., литератора и переводчика, антиковеда, философа и знатока изящных искусств, кавалера ордена Почетного легиона и члена Академии надписей и изящной словесности Пьера-Шарля Левека практически не упоминается. Только в самое последнее время стали предприниматься попытки объективно и тщательно проанализировать его вклад в российскую историографию¹.

Пьер-Шарль Левек родился в Париже 28 марта 1736 г. в семье мелких чиновников-буржуа. Окончив пансион, он поступил в «Коллеж Четырех Наций», затем на протяжении тринадцати лет зарабатывал на жизнь трудом гравера. На этом поприще он приобрел широкую известность и снискал славу одного из ведущих представителей этого вида искусства.

В 1761 г. Левек опубликовал свое первое литературное произведение религиозно-философского характера, которое называлось «Мечты Аристобула, греческого философа, с кратким изложением жизни Формозы — французского философа». Вслед за этим вышли его книги «Человек нравственный» (1775) и «Человек размышляющий» (1779), в которых достаточно отчетливо просматривалось влияние теорий Монтескье. Позднее Левек признавался, что в те годы он находился под влиянием ряда французских философов². Возможно, именно философские работы Левека привлекли внимание Д. Дидро, который, подружившись с начинающим литератором, стал ему покровительствовать. Именно по рекомендации Дидро Левек в 1773 г. был приглашен Екатериной II в Россию, где шесть лет преподавал французский язык и логику в сухопутном Кадетском корпусе, а в 1774—1775 гг. — историю и географию в Академии художеств³.

Вернувшись на родину, Левек вместе с коллегами завершил публикацию «Словаря живописных искусств, скульптуры и гравюры», начатого К. Ватле, принял участие в издании «Коллекции античных моралистов» Дидо Старшего и де Бура, опубликовал свою многотомную «Францию во времена пяти первых Валуа, или Историю Франции с восшествия на престол Филиппа Валуа до смерти Карла VII» (1788). К этому времени авторитет ученого был столь велик, что в 1790 г. Коллеж де Франс поручил ему занять пост главы Кафедры истории и моральной философии. Вскоре после основания Национального института наук и искусств (с 1806 г. — Институт Франции) Левек 20 ноября 1795 г. стал членом его секции истории по классу (отделению) моральных и политических наук, а после реформирования этой организации, с 28 января 1803 г. числился по классу древней истории и литературы. 19 декабря 1803 г. ученый получил от первого консула орден Почетного легиона и крест. Курсы лекций Левека по античности легли в основу его многотомной «Критической истории Римской республики» (1807) и столь же обширных «Очерков античной истории Греции» (1811). В 1795 г. им был издан перевод «Истории Фукидида, сына Олоруса», несколько десятилетий считавшийся образцовым. Скончался ученый 12 мая 1812 г. в Париже. До конца жизни он продолжал поддерживать отношения с Россией, ее литераторами, учеными и художниками.

Во время пребывания в Санкт-Петербурге Левек наряду с преподавательской деятельностью интенсивно трудился над созданием многотомной «Российской истории», в которой впервые последовательно излагалось прошлое нашей страны со времен призвания Рюрика до царствования Екатерины II. Следует заметить, что до появления знаменитого сочинения Н.М. Карамзина произведение Левека было единственным в мировой историографии систематизированным и полным сочинением по русской истории. В своем начинании французский ученый во многом был первопроходцем. Не имея возможности использовать архивные источники — до 60-х гг. XVIII в. они не публиковались — Левек в «Предисловии» к своему труду отмечал, что пытался привлечь все доступные ему на тот момент материалы, подтверждением чему служит состав-

ленный им «Толковый (аннотированный) каталог основных сочинений, послуживших для написания Российской истории» — фактически, первая библиографическая сводка по этой теме ⁴.

Левек стремился к объективному изложению исторического материала. Его творческим девизом были слова: «Писать историю согласно оригинальным текстам и отодвигая любые литературные... ухищрения». Однако первоначально благоволившая к историческим изысканиям французского гостя Екатерина II, увидев во что они вылились, сменила милость на гнев и крайне резко отозвалась о детище французского историка ⁵. Императрица ожидала появления панегирического труда, превозносящего ее царствование, сочинения, которое можно было продемонстрировать Западу в качестве аналога вольтеровской «Истории Российской империи при Петре Великом». Рост национального самосознания, внешнеполитические успехи «золотого века» Российской империи, бурное развитие страны, в течение нескольких десятилетий сумевшей занять место в ряду цивилизованных стран Европы, давнее недоверие к иностранцам способствовали тому, что отрицательную оценку Екатериной сочинения Левека подхватили многие русские историки и писатели. Вскоре объективный, написанный на основе передовых достижений исторической науки европейского Просвещения труд французского ученого был вытеснен выдержанными в «патриотическом» и эмоциональном ключе сочинениями его российских современников и последователей и постепенно забыт.

И все же, несмотря на «высочайшую» критику, по «Истории» Левека учились воспитанники крупнейших образовательных учреждений России, включая Кадетский корпус и Воспитательный дом благородных девиц (Смольный институт), использовалась она и в домашнем обучении. «Российская история» Левека имела во многих русских частных библиотеках конца XVIII — середины XIX века. Не могли игнорировать ее и те, кому позже были присвоены лавры «отцов» русской историографии ⁶, и зарубежные историки того времени ⁷. «Российская история» пользовалась большим спросом у читателей и переводилась на европейские языки. У нас в свое время издали только ее первый том ⁸; по причине «высочайшей» критики выпустить остальные книги не удалось. Спустя два с лишним столетия, в 2011 г., московская книжная мастерская «Ламартис» предприняла первый полный перевод корпуса «Российской истории» по последнему восьмитомному французскому изданию 1812 года. Однако выпущенный тиражом в сто экземпляров в подарочном исполнении этот роскошный четырехтомник стоит почти сто тысяч рублей, отсутствует в крупнейших библиотеках страны и практически недоступен ни специалистам, ни более широкому кругу читателей.

В «Истории» Левека дано целостное определение эпохи Древней Руси (IX — середина XI в.) как варварского периода, внутри которого происходило оформление государственных, экономических, правовых, церковных институтов. Причину становления специфической политической системы в России Левек стремился объяснить, обратившись к началам российской государственности. В этом вопросе он стоял на позиции умеренного норманизма. Левек видел в призвании варягов стремление славян получить сильного властителя. Он первым из французских ученых обратился к изучению «Русской Правды» ⁹. По его мнению, ее появление направило русских на путь просвещения. Становление российской государственности Левек связывал с постепенным укреплением начал монархической власти. По его мнению, Россия всегда тяготела к единоличной власти, и любое отступление от избранного пути централизации и укрепления единодержавия сопровождалось губительными для страны последствиями внешнего и внутреннего характера (раздробленность, монгольское нашествие, Смута), которые замедляли движение к единому государству.

Применительно к русскому средневековому обществу историк ввел понятие «феодальное правление» и сформулировал его характерные особенности. Он полагал, что «феодальное правление» на Руси в XI—XV вв. напоминало ситуацию в Западной Европе. Феодализм Левек рассматривал как политическое явление. Он старался показать неизбежность государственного объединения в качестве узлового события российской истории. Ученый полагал, что сильное государство может привести общество к процветанию. «Славное окончание» процесса формирования централизованного Московского государства французский историк связывал с личностью Ивана III¹⁰. Деятельность этого монарха на поприще объединения русских земель оценивалась Левеком чрезвычайно высоко. Французский исследователь считал, что правитель является ключевой фигурой всей русской истории. На примерах средневековья Левек доказывал, что русским всегда требовалась направляющая рука. По мнению ученого, именно нравы русского общества того времени породили такого тирана, как Иван Грозный. Пытаясь пересмотреть односторонние оценки этого царя, историк, однако, признавал, что не всегда влияние монарха на судьбу народа было положительным.

Варварская эпоха продолжалась, по мнению Левека, до конца русского средневековья (XVII в.), и уже к началу XVIII в. постепенно сложились необходимые условия для начала перехода России к цивилизации¹¹. Поэтому он считал неизбежным появление на русском престоле царя-реформатора. Левек критически относился к мифологизированному образу Петра I, созданного корифеем Просвещения Вольтером и воспринятого большинством европейцев, и поэтому ставил под сомнение методы и итоги его правления.

Эпоху дворцовых переворотов Левек рассматривал как переходный этап между двумя узловыми эпохами русской истории — царствованиями Петра I и Екатерины II. Французский мыслитель полагал, что насильственные смены власти замедляли продвижение России к цивилизации.

В своей «Истории» Левек впервые в историографии предпринял серьезный научный анализ царствования Екатерины II, который в дальнейшем углублял и совершенствовал. Если в первом издании своего труда (1783) он видел в государыне идеал просвещенного монарха, то позднее, учтя критические высказывания о ней М.М. Щербатова, К.К. Рюльера, Ж. Кастера и В. Кокса, Левек пришел к выводу, что русское общество оказалось не готовым воспринять некоторые либеральные начинания императрицы¹². Неоднозначно оценивая екатерининскую эпоху, он выявил несоответствия между просветительскими замыслами императрицы и реальными результатами ее реформаторской деятельности, указав на неутешительные итоги последнего периода ее царствования.

В своем фундаментальном для того времени труде Левек попытался выявить в истории русского общества органическое и стадийное развитие, показал, что русские вместе с остальными европейскими народами поэтапно двигались к цивилизации.

Другим, гораздо менее известным сочинением Левека стала его «История народов, подвластных России» («Histoire des differents peuples soumis a la domination des Russes»), которая фактически еще не подвергалась специальному анализу в историографии. На этот раз внимание ученого привлекло многонациональное население Российской империи.

Интерес широкого круга историков, географов и естествоиспытателей XVIII в. к народам России был «непосредственно связан с развитием идеи европейского Просвещения, включавшей в себя народоведение как часть общей программы рационального познания окружающего мира» и привел к тому, что полиэтничное население российской части Евразии стало полноправным субъектом просветительской ойкумены¹³. Прогресс науки в XVIII в. обострил интерес европейцев к «отсталым» культурам, объем информации о которых, полученной в результате

географических открытий, стремительно увеличивался. В то время существовало два основных подхода философов-просветителей к аборигенам. Представители первого рассматривали их как «благородных дикарей», превосходящих «цивилизированных» людей своей исконной добродетелью (черта, исчезающая при соприкосновении с цивилизацией); представители второго — как грубых варваров, лишенных всякой морали и нравственности. Обобщенный Дикарь становится не просто частым литературным персонажем эпохи Просвещения, но и орудием борьбы мировоззрений. Его, как некое мерило ценностей, мыслители используют для обличения или, наоборот, превознесения европейской цивилизации.

За несколько лет до появления Левека в Санкт-Петербурге русским правительством было инициировано грандиозное и не имевшее аналогов в истории человечества мероприятие по комплексному научному изучению территории Российской империи несколькими отрядами так называемых «физических» экспедиций. Их сотрудники проделали огромную работу по описанию народов империи и сбору этнографического материала. Одним из результатов этих экспедиций стал выход книги Иоганна Готлиба Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей», опубликованной на немецком языке (и сразу же переведенной на русский и французский) в Санкт-Петербурге в 1776—1780 годах.

Левек относился к тем кабинетным ученым, которые анализировали и систематизировали свидетельства, добытые их коллегами-полевыми. Обложившись книгами, за своим письменным столом он мысленно отправлялся в такие места, куда еще не ступала нога ни одного француза. В то время виртуальные «поездки» по миру были частым явлением. Не кто иной, как И. Кант, в «Антропологии с прагматической точки зрения» (1789) приравнял чтение записок путешественников к реальным путешествиям. Ранее это признавали Беа де Мюра (в «Письмах об англичанах, французах и о путешествиях», 1728) и составители некоторых толковых словарей. «Парижане эпохи Просвещения предпочитают изучать нравы заезжих чужеземцев, не покидая города. Действие почти четверти романов и сказок происходит в далеких странах, в весьма условном Востоке — французам нравятся воображаемые путешествия»¹⁴. С помощью научных отчетов Левек «проехал» по Поволжью, Крайнему Северу, Сибири и Дальнему Востоку, описав культуру и быт «встреченных» им на пути народов. Но насколько объективной может быть информация, добытая таким способом? Французский литературовед и психолог Пьер Байяр ответил на этот вопрос довольно провокативно: «Нет никаких доказательств того, что, именно путешествуя, мы можем лучше узнать город или страну, с которыми до того были незнакомы. Наоборот, все наводит нас на противоположные мысли, в том числе и опыт многих писателей: бесспорно, лучший способ рассуждать о далеких краях — делать это, не выходя из дома». Порой описания земель, где авторы никогда не бывали, «оказываются куда реалистичней, чем тексты писателей, которые сочли своим долгом отправиться в эти места лично»¹⁵.

Основой для создания «Истории народов...» послужило «Описание...». Левек радикально переработал сплошной, не разделенный на параграфы текст И. Георги. В первую очередь он разбил каждый этнографический очерк на маленькие «главы», подчиняющиеся определенной схеме описания того или иного народа. Как правило, Левек начинает описание народа с краткой обрисовки физической географии мест его обитания, затем переходит к общей характеристике этноса, показывая внешний вид и нравы его представителей, а также систему хозяйства. В дальнейшем отдельные «главы» автор посвятил описанию религии, обрядов (в частности, свадебного и похоронного) и обычаев, умудряясь вместить в небольшой по размеру очерк значительный объем информации. Эта

структура в целом совпадает со схемами инструкций, выдававшихся реальным экспедициям, и соответствует присущему XVIII в. духу инвентаризации ¹⁶.

Маршрут ментального путешествия Левека серьезно отличался от реальных академических экспедиций. Свое странствие он начал с Камчатки, двигался на запад (в Сибирь), затем сворачивал на северо-запад, а потом опять на восток. Реальные европейские путешественники, как и отдельные кабинетные мыслители (ср.: «Добавление к путешествию Бугенвиля» Д. Дидро) обычно попадали из «цивилизации» в «дикость» и «варварство», продвигаясь с запада на восток. Воображаемая же экспедиция позволяет начать ее из любого места и допускает произвольные перемещения в пространстве. «Чтобы лучше понять род людской, нужно сначала изучить его во младенчестве, то есть в состоянии дикости, когда зародились наши идеи, пороки, добродетели, безумства, ремесла и знания. Чем примитивнее народ, чем меньше он затронут прогрессом, который возможен только благодаря долгому саморазвитию и длительным связям с соседями, тем явственнее мы увидим, каким был человек в своем первородстве и как он стал цивилизованным», — отмечал Левек в предисловии к своему труду ¹⁷. Поэтому его «маршрут» проходил из «дикости», или ранней истории человечества, в «цивилизацию». По такому же пути двигались в направлении к «цивилизованному» миру ментальные путешественники, существовавшие на страницах многочисленных произведений популярного тогда жанра «Писем», авторами которых выступали Монтескье, Пуллен де Сен-Фуа, Жубер де Ла Рю, маркиз д'Аржана, мадам де Графиньи и Мобер де Гуве.

Изучив многонациональное население Российской империи в ходе своей «экспедиции», Левек фактически признал правоту представлений Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и аббата Г.Т.Ф. Рейналя о «благородном дикаре», не испорченном цивилизацией. По мере приближения в своей «поездке» к культурным странам автор ИНР лишний раз убеждался в моральном превосходстве дикаря над якобы цивилизованным европейцем. Российский «дикарь» у Левека, подобно героям «Россиянина в Париже» Вольтера и «Польских писем» Марата, в моральном отношении часто превосходит европейца, но его образ создан не в результате игры воображения, как у Руссо или Дидро ¹⁸ и вышеупомянутых авторов фантастических «Писем», а на основании строгих этнографических описаний.

В «Истории народов...» Левек продолжал развивать заявленные в своих ранних философских произведениях — «Человеке нравственном» и «Человеке размышляющем» — идеи эволюционного общественного развития. Более того, на примере народов России Левек продемонстрировал сложившуюся вертикаль эволюционного развития человечества. Обычно считается, что эпоха Просвещения ассоциировала цивилизацию с прогрессом. Однако идея развития человечества от темного прошлого к светлому будущему разделялась далеко не всеми европейскими мыслителями того времени — достаточно вспомнить трактаты Руссо «Рассуждения о науках и искусствах» и «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми».

Именно тщательное знакомство с этнографией народов России позволило Левеку скорректировать свои представления об абсолютном прогрессе движения к цивилизации, его стала тревожить нравственная сторона столкновения европейской культуры с «дикостью». Проанализировав происходящие в этой связи изменения традиционных ценностей, в частности, у лопарей, Левек воскликнул: «О несчастный народ! У тебя практически ничего нет; естество никогда не даст тебе тех пагубных излишеств, тех безделушек, перед которыми преклоняемся мы и которые одновременно и развращают, и наказывают, делая нас гораздо несчастливее тебя, и ты уже приближаешься к нашей испорченности! Теперь ты ценишь не человека, а его богатство! Ты считаешь не того, кто

добродетелен, а того, у кого больше оленей; ослепленный, как и мы, алчностью, ты стал таким же бессердечным и презираемым. Твоя безжалостная рука отталкивает просящего о помощи, в твоём холодном сердце нет больше жалости, ты не узнаешь больше удовлетворения от делания добра, никогда не получишь благодарности от облагодетельствованного тобой старика, не увидишь слез умиленного твоей заботой старика-отца. Ты стал терзаем жадностью, ревностью, самыми низменными помыслами; ожесточившись почти как мы, ты уже испытываешь наши страдания»¹⁹. Таким образом, труд Левека обладал, как и у перечисленных выше авторов, признаками оксидентализма.

Финал «Истории народов...», подобно многим произведениям мировой литературы, остался открытым: Левек, в отличие от героев современных ему псевдоэтнографических сочинений и, в частности, «Робинзона Крузо» Д. Дефо, «не вернулся» из своего воображаемого путешествия в цивилизацию — его сочинение неожиданно, без всякого эпилога, без морализаторского обобщения и осмысления, обрывается на «посещении» якутов... И читателю остается только гадать — неужели автор предпочел цивилизованному миру сибирские морозы или готовится к новым странствиям по России? Что было в этой недосказанности? Не победили ли в сознании Левека-«путешественника» руссоистские воззрения, и он, в отличие от реального Левека, решил навсегда остаться в ледяной стране? Главный конфликт произведения остался неисчерпанным, а выводы автора оказались неоднозначными, что может вызывать у читателя чувство неудовлетворенности. Поставленные в ИНР проблемы вышли за пределы этого произведения, которое, в отличие от многих синхронных ему сочинений, не смогло их решить, и, оставаясь «открытым», переложило поиск ответа на своих адресатов.

И все же, будучи гораздо (но не абсолютно!) нравственнее европейцев, туземец у Левека остается диким. Привлекая большой этнографический материал, Левек опровергает представления своих современников об идиллии, существовавшей в отношениях дикаря и природы. Таким образом, изучение этнографии народов российского Востока позволило ученому критически относиться к представлениям о прогрессе как исключительном благе, и пересмотреть довольно распространенные тогда в европейском обществе идеализированные представления о раннем этапе истории человечества.

Левек предложил систематизировать этносы «не по месту их обитания, или, лучше сказать, кочевания, и не по времени их открытия, а по степени умственного развития и особенностям образа жизни», то есть по признаку социально-экономического и культурного развития. Позаимствовав отдельные идеи у ведущих мыслителей Просвещения, ученый дополнил их критериями культурного и когнитивного развития. Левек постоянно указывает на ту или иную отличительную черту экономики каждого народа, предвосхищая хозяйственно-культурную типологизацию населения определенной территории. В частности, с высоты современного знания на страницах ИНР можно увидеть прообразы характеристик, пусть и четко не выделенных, но все же едва намеченных типов таежных охотников и рыболовов, арктических охотников на морского зверя, рыболовов бассейнов крупных рек, охотников-оленоводов тайги и оленеводов тундры — основной объем книги составляет описание огромной и своеобразной «сибирской цивилизации» или, если рассуждать как Левек, «сибирской не-цивилизации».

В определенной мере на страницах «Истории народов...» просматриваются и зачатки будущих представлений об историко-этнографических областях. Естественно, автор XVIII в., обладавший к тому же довольно ограниченной информацией об объектах своего исследования, которые наука только начинала открывать, не мог даже в самых общих чертах обозначить то, что было сформулировано гораздо позднее, в XIX—XX веках. Но, имея в своем распоряжении весьма фрагментарный материал, Левек, видимо, интуитивно ощущал возмож-

ность его комплексного обобщения по языковому, культурному и экономико-географическому принципам. В «Истории народов...» можно обнаружить намек на выделенные почти 200 лет спустя Прибалтийскую, Волго-Камскую, Западно- и Восточносибирскую, Камчатско-Чукотскую историко-этнографические области (последние три составляют Сибирскую историко-этнографическую провинцию). Несколько отличающаяся от «Описания...» структура раздела о кавказских народах у Левека позволяет (во всяком случае нам) увидеть за его описанием едва заметные контуры обозначенной в последние десятилетия Кавказской историко-этнографической провинции. Однако для автора «Истории народов...» это были только смутные, не оформившиеся даже в предположения догадки.

Как нам представляется, в теоретических установках, которые были положены в основу «Истории народов...», был заложен большой и во многом до сих пор не реализованный научный потенциал, который, говоря словами видного российского этнографа Н.А. Томилова, «фактически может... способствовать созданию собственно этнографической классификации народов мира и отдельных регионов. А это с объективной необходимостью должно переориентировать науку с изучения народов в зависимости лишь от лингвистической группировки на новые решения этнологических проблем, если исходить из этнографической классификации... Пока этнологическая наука делает только первые шаги в направлении изучения историко-этнографических общностей и создания этнографической классификации народов России и в целом всего мира»²⁰.

В целом же, как и записки реальных академических пилигримов, «История народов...» типологически близка к античным периегедам, или хорографиям. Но в любом, как реальном, так и воображаемом, странствии необходимы ориентиры, по которым человек определяет положение объектов относительно себя. У Левека такими ориентирами в пространстве этносов и культур являются «оставленные» И.Г. Георги (и авторами сочинений, составивших основу ОВН) метки в виде «референтных народов», в сравнении с которыми характеризуются другие этнические группы. «По чертам лица похожи несколько на калмыков... По примеру калмыков употребляют они... Подобно калмыкам, для лучшего удоя башкирцы... Весь наряд их обоих полов сходен с башкирским... В обрядах своих, относящихся к обхождению, свадьбам, похоронам и прочему, уподобляются башкирцам... Их избы напоминают черемисские... Сговор и церемония ее почти та же, что и у черемисов... У женщин различных орд имеется, как и у черемисов...» — подобного рода сравнения неоднократно встречаются на страницах «Истории народов...». Воображаемый характер путешествия позволял Левеку широко пользоваться и другими инструментами для ориентации в пути: пространственными категориями европейской культуры Нового времени (он постоянно сравнивает все обнаруженное им у «дикарей» с тем, что имеется «у нас») и темпоральными — наследием античной цивилизации (господствовавший в эпоху Просвещения культ древних Греции и Рима был универсальным мерилем собственного уровня развития). Все это позволяло автору «Истории народов...» верифицировать личные оценки той или иной локальной культуры в различных пространственных, хронологических и цивилизационных контекстах и тем самым контролировать степень объективности (разумеется, для того времени) своего исследования.

Азиатская Россия в изображении Левека — это не набор полуфантастических, порожденных сознанием философов ориенталистских концептов и образов, а реальная научная конструкция. Она морально превосходит Европу, но и сама не свободна от нравственных изъянов. Являясь дополнением к многотомной «Российской истории», «История народов...» позволила ее автору на российском материале гораздо более аргументированно и убедительно обосновать идеи, которые пытались донести до образованного общества ведущие французские просветители. В конечном счете, своей «экспедицией» Левек стремился

добавить народы российского Востока к обширному набору инструментов, с помощью которых ведущие мыслители того времени пытались создать научную историю человечества. Собранные в воображаемом «поле» материалы по этнографии Поволжья, Сибири и Дальнего Востока исследователь позднее широко использовал в своем компаративистском труде, посвященном сравнительному анализу религий Евразии²¹.

Французский ученый основательно изучил Россию, проникнув в глубины ее истории и «избороздив» огромные пространства нашей страны. Созданные им цельные, а не фрагментарные, как у его предшественников, труды оказали значительное влияние на развитие русской историографии конца XVIII — начала XIX века. «Российская история» (вместе с входящей в ее состав «Историей народов...») Левека стоит в ряду первоклассных историко-философских трудов, которые способствовали формированию представлений о России в глазах европейского и, в частности, французского, общества.

Примечания

1. СВЕРДЛОВ М.Б. Пьер-Шарль Левек и его «История России». — Университетский научный журнал (Филологические и исторические науки, искусствоведение). 2014, № 9, с. 13—35; АНДРЕЕВ В.В. Пьер-Шарль Левек о Русской Правде Ярослава Мудрого. — Общество. Среда. Развитие. 2015, № 1, с. 77—81.
2. LEVESQUE P.-CH. L'homme moral, ou Les principes des devoirs: suivis d'un aperçu sur la civilisation. Paris. 1784, p. 391.
3. MAZON A. Pierre-Charles Levesque humanist, historien et moralist. — Revue des études slaves. Т. 42. Paris. 1963, p. 18—23.
4. LEVESQUE P.-CH. Histoire de Russie. Т. 1. Paris. 1783, p. XVI—XXXVI.
5. СВЕРДЛОВ М.Б. Ук. соч., с. 13—14.
6. ЩЕРБАТОВ М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 5. СПб. 1789, ч. II, с. 17—18, 67, 331; КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского. Т. 1. М. 1993, с. 83.
7. FORTIA DE PILES. Voyage de deux Français en Allemagne, Danemark, Suede, Russie et Pologne, fait en 1790—1792. Т. 3. Paris. 1796, p. VII.
8. Российская история, сочиненная из подлинных летописей, из достоверных сочинений и из лучших российских историков господином Левеком. М. 1787.
9. Написанное Левеком в 1804 г. исследование о «Русской Правде» было опубликовано только в XX в. См.: MAZON A., LARAN M. Pierre Charles Levesque. Memoire sur la Pravda Russkaya. — Revue des etudes slaves. 1962, t. 41, p. 27—60.
10. LEVESQUE P.-CH. Histoire de Russie. Nouvelle edition. Т. 2. Hambourg. 1800, p. 366.
11. Ibid., t. 4, p. 143.
12. EJUSD. Histoire de Russie, et des principales nations de l'empire Russe. Quatrième edition. Т. 6. Paris. 1812, p. 71.
13. ЗАГРЕБИН А.Е. Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII — первая половина XIX в.). Ижевск. 2006, с. 9.
14. СТРОЕВ А. Россия глазами французов XVIII — начала XIX века. В кн.: Логос 1991—2005. Избранное. Т. 2. М. 2006, с. 469.
15. БАЙЯР П. Искусство рассуждать о странах, в которых вы не бывали. М. 2014, с. 8—9, 25.
16. СЛЕЗКИН Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия. В кн.: Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология. М. 2005, с. 124.
17. LEVESQUE P.-CH. Histoire de Russie, et des principales nations de l'empire Russe, t. 17, p. 2.
18. ТОКАРЕВ С.А. Истоки этнографической науки (до середины XIX в.). М. 1978, с. 114.
19. LEVESQUE P.-CH. Histoire de Russie et des principales nations de l'empire Russe, t. 7, p. 407—408.
20. ТОМИЛОВ Н.А. Историко-этнографические общности или историко-этнографические области? — Вестник Омского ун-та. 2004, № 4, с. 89.
21. LEVESQUE P.-CH. Troisième excursion sur l'origine septentrionale des grecs, Prouvée par quelques — unes de leurs opinions et de leurs pratiques religieuses. In: Histoire de Thucydide, fils d'Olorus, traduite du Grec. Т. III. Paris. 1795, p. 278—322.

Из истории политического объединения Шекинского царства и Кахетинского княжества

Ш.Г. Алиев

Аннотация. В работе исследуется история политического объединения Шекинского царства и Кахетинского княжества, завершившегося только к 1014 году. Этот процесс изобилует сложными и противоречивыми моментами. По этой причине у современных исследователей нет единого подхода к этому событию. Некоторые историки, искажая факты, пытались преподнести политический союз как присоединение Шекинского царства к Кахетинскому княжеству. Однако научные исследования, проведенные в азербайджанской историографии, дали возможность выявить объективную истину и внести ясность в соответствующие страницы истории.

Ключевые слова: взаимоотношения, политическое объединение, присоединение, феодальные государства.

Abstract. This paper investigates history of political unification of Sheki realm and Kakheti principality ended only in 1014. This process was full of difficulties and controversial moments. Therefore, for a long time there is no single approach of modern researchers to the aforementioned act of unification. Some historians, deliberately and grossly distorting historical facts, tried to present this event not as a political union, but as a connection of Sheki realm to the Kakheti principality. However, researches carried out in Azerbaijan historiography made it possible to reveal the objective truth and to make the relevant pages of history clear.

Key words: interrelations, political unification, connection, feudal states.

Исследование существующих испокон веков межгосударственных союзнических взаимоотношений между Азербайджаном и Грузией имеет большую научно-практическую значимость. Обоснование с научной точки зрения исторических основ добрососедских отношений между двумя народами является одной из актуальных проблем, стоящих перед азербайджанской историографией.

Важное место в исследовании данной проблемы занимают дружественные отношения периода Средневековья, возникшие между Шекинским феодаль-

Алиев Ширинбек Гаджалили оглы — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Бакинского славянского университета. E-mail: bsuinterstud@mail.az.

Aliiev Shirinbek Hajjali oglu — PhD in history, associate professor, head of the department at Baku Slavic University. E-mail: bsuinterstud@mail.az.

ным государством и различными политическими образованиями Грузии. Появившееся в качестве законного преемника Кавказской Албании и сохранявшее титул «царя албанцев»¹ Шекинское царство (886—1104) просуществовало около 230 лет². Оно отличалось от феодальных государств, образованных в описываемый период на территории Азербайджана (Саджиды, Салариды, Раввадиды, Ширваншахи, Шеддадиды), преобладающей численностью христианского населения³. Именно этот фактор оказал серьезное влияние на политическую, экономическую, религиозную и духовную близость Грузии и Шекинского царства, которое находилось в кольце мусульманских государств, заложивших прочный фундамент тюркско-исламского сообщества в лице Ширваншахов, Шеддадидов и Тифлисского мусульманского эмирата. В отличие от других феодальных государств Азербайджана, ведущих «священную войну против неверных»⁴, Шекинское царство наряду с соседними христианскими странами становилось мишенью проводимой ими политики. Кроме того, непосредственная географическая близость Шекинского царства к Грузии, наличие границы с Кахетинским княжеством и Абхазо-Картлийским царством делало неизбежным развитие этих отношений.

Территориальные споры и претензии, региональное соперничество и вытекающие из них вооруженные столкновения, а также религиозно-идеологическая борьба, совместное противостояние чужеземным завоевателям, политическое объединение и династические браки занимали важное место в отношениях Шекинского царства с различными политическими образованиями Грузии. Возникший в начале XI в. как результат объединения совместных усилий в борьбе с чужеземными завоевателями, этот политический союз явился одним из основных событий, оказавших фундаментальное влияние на последующее развитие вышеуказанных феодальных государств.

Процесс политического объединения Шекинского царства и Кахетинского княжества, заверченный только к 1014 г., изобиловал сложными и противоречивыми моментами. По этой причине у современных исследователей нет единого подхода к вышеуказанному событию. Некоторые историки, целенаправленно и грубо искажая исторические факты, пытаются преподнести его не как политический союз, а как присоединение Шекинского царства к Кахетинскому княжеству. Однако научные исследования, проведенные азербайджанскими учеными, дали возможность выявить объективную истину и внести ясность в соответствующие страницы истории.

Прежде чем говорить о политическом объединении двух государств — Азербайджана и Грузии — надо отметить, что до этого акта Шекинское царство имело союзнические отношения с различными политическими образованиями Грузии.

Из грузинских источников известно, что Шекинский царь Адарнерсех (хотя годы правления точно не установлены, известно, что он был у власти с 903 по 944 гг.), женившись на сестре эристава Гургена царице Динаре, установил родственные связи с Картлийской царской семьей⁵. В действительности этот шаг шекинского царя преследовал целью установление тесных отношений между двумя ранее враждовавшими государствами. В результате Шекинскому царству до начала XI в. удалось обезопасить себя от вторжения картлийских феодалов.

Родившийся от этого брака Ишхан/Ишханик (был у власти в 50-х гг. X в.) позднее заменил отца на царском престоле. Его мать Динара уговаривала сына принять диофизитство⁶. Однако в результате усилий антихалкедонских сил страны монофизитство в 958 г. вновь стало господствующим религиозным течением⁷. Тесные связи с различными политическими образованиями Грузии сохранялись и после правления царя Ишхана. «Греческий магистр по имени

Давид», иными словами правитель грузинской области Тао Давид Куропалат, в знак уважения подарил пришедшему к власти сыну Ишхана Сенекариму (приблизительно правил в 958—999 гг.) корону и царскую мантию⁸.

В источниках, особенно в отличающихся своей объективностью грузинских средневековых летописях, указывается, что основным фактором, повлиявшим на возникновение союзнических отношений между Шекинским царством и Кахетинским княжеством, с их последующим развитием и слиянием этих стран в единое государство, явилось объединение усилий в борьбе против попыток завоевания усилившегося Абхазо-Картлийского царства. В 70-х гг. X в. ставшее гегемоном в Грузии и занявшее первенство в деле объединения всего государства⁹ Абхазо-Картлийское царство в начале XI в. еще больше усилило давление на Кахетинское княжество и Шекинское царство.

Грузинский источник описывает начатую Абхазо-Картлийским царем Багратом III (975—1014) войну с целью завоевания кахетинских и шекинских земель. Баграт III потребовал от Кахетинского хорепископа (титул правителя в Кахетинском княжестве) Давида возвратить крепости, ранее принадлежавшие Картлийскому царству. В ответ на возражение хорепископа Давида (976—1010) Баграт с несметным количеством войск двинулся на Кахетию: «Расположился в Тианети и начал громить Кахети. И не мог ему противостоять Давид, ибо неисчислимы были силы [Баграта]. Начал воевать против крепостей в тогда же обрел страну Герети, (Шекинское царство в грузинских источниках называется Герети. — Ш.А.), поставил мтаваром Абулала и вернулся восвосяи. В ту же самую пору, когда вернулся царь абхазов Баграт, вновь откололись люди Герети и примкнули к Давиду [и] занял Давид Герети. Спустя некоторое время после этого он помер. Вновь вошел Баграт со своими войсками в Герети и во второй раз занял ее. Самолично прибрал царицу Динар, стал посягать на Кахети и силами своими недостижимыми захватил крепости кахетские. Запер Квирке в Бочорме, в течение года осаждал крепость войском, а затем взял Бочорму. Завоевал он полностью Герети и Кахети, захватил Квирке и держал его при своем дворе»¹⁰.

Из внешне детально описанной информации становится ясно, что она носит по большей части эпизодический характер. Так, например, по грузинским источникам невозможно выяснить, каким способом Баграт III во время своего первого похода расположился в Тианети (провинция находится в междуречьи Иори и Арагви) и, разграбляя Кахетию, захватил Шекинское государство, растянувшееся от Телави до Шеки (военным путем или добровольным признанием его власти шекинцами). В то же время, даже не описывается реакция представителей местной царской династии, хотя бы царской дочери Динары, на существующую ситуацию и их положение во время назначения Абулала князем Шекинского царства.

Современные грузинские исследователи, ссылаясь на эту информацию, предполагают присоединение в 1008 г. (по мнению некоторых исследователей в 1010 г.) Шекинского царства к Кахетинскому княжеству¹¹. Однако возникает вопрос: почему хорепископ Давид, захватив Шекинское царство, не принял титул царя и продолжал оставаться хорепископом? Видимо грузинские летописцы и современные исследователи обошли стороной этот вопрос. Все это ставит под сомнение серьезность информации, предоставленной грузинскими источниками. Даже если серьезно воспринять эту информацию, ее можно объяснить следующим образом: оказавшись лицом к лицу с реальной угрозой и во избежание разрушения и бедствий страны, шекинские феодалы без сопротивления покорились Баграту III. После того, как опасность миновала, они вышли из подчинения и в борьбе против Баграта III присоединились к хорепископу Давиду. Согласно грузинскому источнику, Давид захватил Герети, то есть Ше-

кинское царство. Однако захват Шекинского царства хорепископом Давидом, который потерпев поражение от Баграта III, оказался в трудной ситуации, и чья страна была разграблена, выглядит неубедительно. Видимо этот союз был не политическим, а, скорее всего, объединением сил и усилий в борьбе против общего врага. Отсутствие царского титула у хорепископа Давида является еще одним тому доказательством.

Даже из вышеуказанного источника видно, что заменивший Давида на троне его сын Квирике (1010—1038) в первые четыре года своего правления (до 1014 г.) не контролировал Шекинское царство. Грузинский источник в этот период не именует Квирике не только царем, но и хорепископом. Видимо, очередной поход Баграта III после смерти Давида не позволил Квирике полностью взять власть в свои руки. После двухлетней борьбы плененному Квирике удалось заново прийти к власти лишь в результате смерти Баграта III (1014 г.)¹².

Грузинский источник, повествующий об очередном походе Баграта III (1010—1012 гг.) на Шекинское царство, поверхностно описывает эти события. Правда, здесь в отличие от первого похода повествуется о пленении царской дочери Динары (главный представитель правящих кругов Шекинского царства). Помимо этого, хотя в этом источнике дается частичная информация об осаде и захвате столицы Кахетии Бочормы, в нем нет никаких данных о захвате столицы Шекинского царства (город Шеки) или же других крупных городов (Тейла/Телави, Вежини, Киш) и крепостей. Из источника следует, что Шекинское царство в очередной раз без сопротивления покорилось Баграту III. Видимо, после смерти хорепископа Давида союз между Кахетинским княжеством и Шекинским царством распался и, в отличие от кахетинцев, шекинское население в очередной раз без сопротивления покорилось Баграту III. Захвативший страну Баграт III, чтобы предотвратить сопротивление населения Шекинского государства, взял в плен царскую дочь Динару (тогда ей уже должно было быть свыше 90 лет). Несомненно, чтобы внести ясность в эту проблему, возникает потребность в дополнительных источниках информации. В настоящее время отсутствие таких материалов не дает возможности прийти к конкретным выводам.

В 1014 г. Баграт III скончался и его место занял Георгий I (1014—1027). Согласно информации грузинского автора Сумбата Давитисдзе, правители Шеки и Кахетии отделились от этой страны (Абхазо-Картлийского царства) после прихода к власти Георгия: «И когда воцарился Георгий, отложились от него страна Герети-Кахети, и изменою азнауров были схвачены эриставы (царя), и завладели своими странами их первоначальные владетели»¹³.

Согласно Вахушти, после смерти Баграта, Квирике III, заново захватив Герети и Кахетию, объявил себя царем¹⁴. Выходит, что это произошло не в 1010 г., согласно современным грузинским исследователям, а в 1014 г. после освобождения из плена. Грузинский источник впервые указывает Квирике «царем ранов и кахов» в связи с событиями, имевшими место в 30-х гг. XI века¹⁵. Начиная с 1014 по 1030-е гг. вышеуказанный источник не упоминает имени царя Квирике. С этой точки зрения, невозможно конкретно определить, в каком году Квирике принял титул царя.

Как правило, современные грузинские исследователи заявляют о присоединении Шекинского царства к Кахетинскому княжеству. В действительности же здесь речь может идти об объединении двух государств на равноправных началах. Об этом свидетельствуют нижеприведенные факты:

1. В грузинских источниках страна называется «Герети-Кахетинским царством». Как было отмечено, в грузинских источниках под названием Герети подразумевается Шекинское царство. Сохранение названия Шеки/Герети и в

том числе упоминание его первым, скорее всего, говорит о политическом объединении, а не о присоединении.

2. Наличие у правителей титула «царя ранов и кахов», то есть «царя албанцев и кахов»; в некоторых источниках этот титул упоминается как «царь геров и кахов».

3. С правовой точки зрения титул «царь ранов и кахов» опирается на царство Шеки/Герети и титул «царя ранов/геров».

4. В армянских источниках страна именуется «Албанским царством», а глава государства Квирике «царем Албании».

5. Упоминание в арабских источниках и после объединения страны «Шекинским царством».

6. Отсутствие какой-либо формы зависимости между Шекинским царством и Кахетинским княжеством. Обладание равными правами феодалов Шеки и Кахетии в управлении страной.

7. Несмотря на то, что после объединения кахетинские земли временами переходили под полный контроль Абхазо-Картлийского царства (иногда даже на продолжительный срок), Шекинское царство продолжало борьбу за существование и возвращение утраченных земель.

8. Согласно Вахушти, после объединения в качестве столицы страны был выбран город Телави, находившийся на территории Шекинского царства.

9. По мнению того же Вахушти, только в XV в. Кахетинское царство, заново возрождаясь, распространило свое название на Герети, и правители в прямом смысле слова стали именоваться царями Кахетии.

По нашему мнению, было бы правильнее сравнить Шекинское (Герети-Кахетинское) царство с образовавшимся немного ранее описываемого периода Абхазо-Картлийским царством. Например, «царь абхазов и картлийцев» Багра́т III был объявлен царем в Картли в 975 г., а три года спустя, в 978 г., в Абхазетии (Западная Грузия). Таким образом, две страны были объединены под властью единого царя. В исламском востоке эта страна называлась Абхазским царством. В действительности же в отношениях между Картли и Абхазетией не было какой-либо формы зависимости. В свою очередь Квирике III, приняв титул царя в Шекинском царстве, отказался от хорепископства и одновременно стал именоваться «царем ранов и кахов». В Шекинском царстве династия правителей, беря свое начало от Григора Хаммама, своими корнями восходит к династии владетелей Гирдымана. Хорепископ Кахетии Квирике III тоже в свою очередь был представителем Гирдыманской династии (в грузинских источниках Гардабани). Из грузинского источника становится ясно, что в начале IX в. гирдыманцы (гардабанцы), ведущие борьбу за власть в Кахетинском княжестве против санаров, в 30-х гг. IX в. овладели тронem, принадлежавшим санарским хорепископам и стали господствующей династией¹⁶. Можно предположить, что после прекращения правления господствующей династии в Шекинском царстве, законным преемником и наиболее достойным кандидатом на царский трон являлся представитель Гирдыманской династии хорепископ Кахетии Квирике III. Видимо, Квирике с шекинской царской семьей связывали еще какие-то родственные отношения.

Вызывает интерес тот факт, что в армянских источниках объединенное царство, как и прежде Шекинское царство¹⁷, именуется «Албанским царством»¹⁸. Видимо, армянские авторы твердо помнили, что как Шекинское царство, так и Кахетинское княжество являлись одним из государств, возникших на территории Кавказской Албании. В арабских и некоторых армянских источниках (Самуэль Анеси) эта страна вновь называется Шекинским царством¹⁹.

Надо отметить, что обладание шекинскими царями, а также царями объединенной Шеки-Кахетии титулом «царя ранов/албанцев», является одним из

важных факторов, который может пролить свет на многие неизвестные моменты. Этот титул был основным символом, показывающим, что вышеуказанные царства являются законными преемниками Кавказской Албании. Этот факт сам по себе делает бесполезным усилие некоторых современных грузинских исследователей стереть название Албании с Герети-Кахетии. Обладание титулом «царь Албании» придавало юридическую окраску деятельности соответствующих царей, претендовавших на установление контроля над землями Кавказской Албании. Все это указывает на ведущую роль албанцев и Шекинского края в объединенном Шекинско-Кахетинском царстве.

Активизировавшиеся в регионе после объединения с Кахетинским княжеством отношения Шекинского царства с различными политическими образованиями и силами Грузии еще больше оживились. Основным конкурентом включившегося в региональное соперничество Шекинского царства, являлось Абхазо-Картлийское царство. Несмотря на многочисленные столкновения, между ними временами возникали и союзнические отношения.

Примечания

1. Летопись Картли. Тбилиси. 1982, с. 66; Матиане Картлиса. Тбилиси. 1976, с. 47—48; ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. История царства Грузинского. Тбилиси. 1976, с. 127; МУСХЕЛИШВИЛИ Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии. Тбилиси. 1982, с. 38.
2. ГАДЖИАЛИ Ш. Северо-западный Азербайджан: Ингилойцы. Баку. 2001, с. 116—173.
3. Летопись Картли, с. 53; Матиане Картлиса, с. 34; ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. Ук. соч., с. 127; Ахмед ибн Лютфуллах (Мунаджим-Баши). Джамии ад-Дувал. Труды института истории АН Азерб. ССР, т. XII. Баку. 1957, с. 219.
4. МИНОРСКИ В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М. 1963, с. 56.
5. Матиане Картлиса, с. 34; Летопись Картли, с. 53.
6. Там же.
7. МУСХЕЛИШВИЛИ Д.Л. Ук. соч., с. 82, прим. 191.
8. КАЛАНКАТУКЛУ М. История Албании. Баку. 1993, с. 203.
9. Матиане Картлиса, с. 35—39; Летопись Картли, с. 54—58.
10. Матиане Картлиса, с. 40; Летопись Картли, с. 59; Картлис цховреба (История Грузии). Тбилиси. 2008, с. 149.
11. МУСХЕЛИШВИЛИ Д.Л. Ук. соч., с. 40.
12. Вахушти Багратиони, с. 128.
13. Картлис цховреба, с. 228; ДАВИТИСДЗЕ С.. История и повествование о Багратионах. Тбилиси. 1979, с. 161; Сумбат сын Давида. Жизнь и известие о Багратидах. Тифлис. 1900, с. 38.
14. ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ. Ук. соч., с. 128.
15. Матиане Картлиса, с. 47—48; Летопись Картли, с. 66.
16. Летопись Картли, с. 82—83, прим. 15.
17. ДРАСХАНАКЕРТЦИ О. История Армении. Ереван. 1984, гл. XLIV, 119, с. 161.
18. МУСХЕЛИШВИЛИ Д.Л. Ук. соч., с. 43.
19. Там же.

Политика России на Южном Кавказе в XVIII — начале XIX в. в трудах современного историка

М.С. Искендерова

Аннотация. В связи с межнациональными конфликтами конца XX — начала XXI в. тема изученности внешней политики России на Южном Кавказе приобретает особую актуальность. Геополитическое и геостратегическое значение Кавказа, в том числе Южного Кавказа, всегда находилось в центре внимания научных исследователей. Работы современных историков, посвященные изучению данных вопросов, отразили концептуальные изменения, произошедшие в исторической науке с распадом СССР.

В работе предпринята попытка проведения историографического анализа трудов одного из представителей современной азербайджанской историографии Т.Т. Мустафазаде, свободных от идеологических постулатов советского периода, что позволяет выявить и оценить сущность политики России на Южном Кавказе, показать различные методы ее реализации в данном регионе.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Пётр I, колониальная политика, христианский фактор, Османская империя.

Abstract. In connection with the interethnic conflicts in the late XX — early XXI century the study of the theme on Russia's foreign policy in the South Caucasus is of particular importance. Geopolitical and geostrategic importance of the Caucasus, including the South Caucasus has always been in the center of attention of researches. Works by contemporary historians devoted to the study of these issues have reflected the conceptual changes in historical science occurred with the collapse of the USSR.

In the article was attempted to conduct historical analysis of works of one of the representatives contemporary Azerbaijani historiography T.T. Mustafazade, free of ideological postulates of the Soviet period, which allow to identify the essence of the colonial policy of Russia in the South Caucasus, reasonably demonstrate various methods of implementation of this policy in the region.

Key words: Southern Caucasus, Peter the Great, colonial policy, christian factor, Ottoman Empire.

Проблемы истории Кавказа и, в частности, политика России в этом регионе, всегда привлекали пристальное внимание ученых как советского, так и постсоветского периода. После распада Советского Союза открылись широкие возможности для глубокого объективного научного изучения данного вопроса, без давления идеологизированных постулатов советской эпохи.

Политика России на Южном Кавказе в XVIII — начале XIX в. занимает основное место в исследованиях видного историка Т.Т. Мустафазаде. Выбор для рассмотрения трудов именно

Искендерова Марзия Сабир гызы — доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института Истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджанской Республики. E-mail: kazimovar@mail.ru.

Iskenderova Marziya S.— doctor of philosophy on history, leading researcher of the Institute of History named by A.A. Bakikhanov of National Academy of Sciences. Azerbaijan. E-mail: kazimovar@mail.ru.

этого ученого объясняется широтой охвата им различных сторон указанной проблемы, весомостью и значимостью каждого из исследований автора. Одним из узловых вопросов при рассмотрении сущности политики России на Южном Кавказе в этот период является прикаспийский поход. Автор уделяет большое внимание описанию кризиса, охватившего Сефевидское государство в начале XVIII в., поскольку именно им стремились воспользоваться Россия и Турция в своей завоевательной политике¹. При изучении причин прикаспийского похода Мустафазаде разделяет позиции ряда современных историков. Вместе с тем, он справедливо говорит о широкомасштабных захватнических планах Петра I, не ограничивавшихся только прикаспийскими областями². Автор пишет: «Для обеспечения себе опоры в Закавказье Пётр I планировал создание под скипетром России объединенного грузино-армянского союза (царства) во главе с грузинским царем Вахтангом VI»³.

Публикации материалов по формированию планов прикаспийского похода предшествовали подготовительные мероприятия — обстоятельное изучение результатов известной миссии А. Золынского и других отправленных в регион экспедиций, деятельности в Шемахе русского вице-консульства и т.д. Все это помогло собрать необходимую информацию о торговой и стратегической значимости данного региона для определения его места в восточной политике России и дало возможность автору обоснованно утверждать, что целью похода Петра I было «закрепиться в богатых сырьевыми ресурсами и имевших большое стратегическое значение прикаспийских провинциях»⁴.

Одним из главных объектов научного исследования Мустафазаде являются этапы российско-османского противостояния в XVIII в., позволяющие разобраться в факторах и событиях, препятствовавших или благоприятствовавших успешному претворению в жизнь завоевательной политики России. Автор справедливо выделяет столкновение интересов России и Османской империи на Кавказе как основу указанного соперничества. Важное значение имеет определение места Южного Кавказа и, в первую очередь, Азербайджана в этом противоборстве. При рассмотрении дипломатических и других мер российского правительства прослеживается желание России не допустить Османскую империю или кого-либо еще в этот регион⁵.

Скрупулезное изучение источников и метод объективного исторического исследования позволили автору обстоятельно изложить вопросы российско-османского соперничества, в том числе определить место азербайджанских земель в качестве основного объекта споров на переговорах, завершившихся подписанием Стамбульского договора (1724 г.)⁶, приведшего к разделу территории Азербайджана между двумя государствами. Автор справедливо отмечает, что противостояние интересов Османской и Российской империй препятствовало политическому и экономическому развитию данного региона. Стамбульский договор автор характеризует как несправедливое соглашение, поправшее интересы южнокавказских народов⁷.

В то же время Мустафазаде подчеркивает стремление российского правительства создать из христиан Южного Кавказа — грузин и армян — свою опору и использовать их в собственных интересах⁸.

Акцентируя внимание на известном императорском указе от 10 ноября 1724 г. о переселении армян на территорию Ширвана, считавшемся венцом политики Петра I в вышеуказанном регионе, автор утверждает, что российские власти поощряли армян, улучшая условия их жизни за счет мусульманского населения. Вместе с тем, ученый, опираясь на фактический материал, делает заключение о безуспешности переселенческой политики царизма в целом. Более того, он констатирует изменение впоследствии курса русского командования в демографической политике и отказ от выселения мусульман ввиду опасения восстановить против русских местное население⁹.

Важными и интересными являются размышления автора по поводу неспособности царского правительства «достигнуть ощутимых результатов в деле восстановления и развития хозяйства прикаспийских областей» без кардинальных изменений в налоговой политике и отказа от своих военно-феодалных и колониальных методов.

Говоря о причинах подписания Рештского договора (1732 г.), Мустафазаде раскрывает тайные планы России, решившей уступить земли южнее Куры Ирану¹⁰. Более того, автор занимает в данном вопросе позицию, отличающуюся от мнения некоторых историков, считаю-

щих подобную политику российского правительства недалеким. Напротив, автор полагает, что в данном вопросе Россия исходила из учета реальной обстановки и собственных возможностей. Автор противопоставляет ее осложнениям, наблюдавшимся в отношениях Османской империи с Ираном ¹¹.

Мустафазаде остается последовательным в своей оценке политики на Южном Кавказе, проводимой Россией и во второй половине XVIII в., раскрывая ее суть и методы через изучение взаимоотношений империи с южнокавказскими правителями и местным населением, соотношения международных сил, российско-гаджарского противостояния, христианского фактора и т.д.

Автор приводит ряд фактов, свидетельствующих об осторожности и гибкости политики России, не забывавшей о своих экспансионистских планах, но не имевшей возможности претворить их в жизнь после окончания русско-османской войны (1768—1774 гг.) ¹².

В работах Мустафазаде красной нитью проходит мысль о том, что в кавказской политике России, во всех ее проявлениях, царизм исходил исключительно из собственных интересов. На примере Губинского ханства, истории которого автор посвящает отдельную монографию ¹³, прослеживается не только двойственность политики России, но и ее безоговорочное стремление к единоличному господству в южнокавказском регионе, в том числе в Азербайджане.

Рассматривая на основе архивных документов оставшийся вне поля зрения историков период существования Губинского ханства с 80-х гг. XVIII в. до начала XIX в., и представив обширные сведения о деятельности Фатали хана Губинского, для которого отношения с Россией являлись определяющими, Мустафазаде смог определить основные принципы политики России на Южном Кавказе в целом.

Откровенным проявлением ее двойственности автор считает отрицательное отношение российского правительства к успешному походу Фатали хана Губинского в южные земли Азербайджана в 1784 году. Согласно объективной позиции автора, усиление Губинского ханства шло вразрез с политическими замыслами России. Отсюда и требование царского правительства покинуть захваченные Фатали-ханом Ардебиль и Мешкин, которое ему пришлось выполнить ¹⁴.

Особое место в работах Мустафазаде отводится рассмотрению вопроса о создании на Южном Кавказе социальной опоры царизма в лице проживавшего здесь христианского населения ¹⁵. При этом указывается, что «российская дипломатия использовала российских армян и гарабагских меликов в качестве агентов для достижения своих политических целей на Южном Кавказе» ¹⁶.

Мустафазаде заключает, что «одним из методов осуществления завоевательной политики Российского государства в XVIII—XIX вв. было сначала образовать на какой-либо территории зависимую от себя государственную структуру с последующим окончательным его захватом» ¹⁷.

Апеллируя фактами, автор демонстрирует осуществляемую в регионе политику «разделяй и властвуй». Так, Россия, с одной стороны, подталкивала Ибрагимхалил хана к союзу с Ираклием II против Фатали хана Губинского, а с другой, — настраивала против гарабагского хана албанских христиан в лице гарабагских меликов и албанского католикосата ¹⁸.

В работе также подчеркивается, что сепаратизм меликов отвечал интересам России. Поэтому обстоятельно рассматривается процесс превращения меликов в марионеток России, стремившейся к созданию опоры из христиан в указанном регионе и формированию буферного государства против Турции ¹⁹.

В работе показано дифференцированное отношение российского правительства к южнокавказским правителям, включавшее искусное использование распрей между ними. Россия взяла на себя роль арбитра и стремилась направить ситуацию в выгодное для себя русло ²⁰.

Одним из важных вопросов для автора является проблема раздела Азербайджана. Особый интерес вызывает одна из таких попыток, связанная с предложением занявшего трон в Центральном Иране после смерти Керим хана в середине 80-х гг. XVIII в. Али Мурад хана «уступить» России территории североазербайджанских ханств, в том числе и Гарабагского, для создания здесь буферных христианских государств — Армении, Албании и грузинского царства.

Дав объективную оценку объединительной политике Фатали хана Губинского, стремившегося подчинить и Южный Азербайджан, Мустафазаде подчеркивает несоответствие усиления Губинского ханства целям России на Южном Кавказе. Этот факт послужил аргументом для принятия Россией предложений Али Мурад хана, хотя в итоге они не осуществились²¹.

Важным и определяющим является изучение факторов как обуславливавших активизацию России в определенные периоды на Южном Кавказе, так и тормозивших осуществление ее планов. Так, в работах объективно показано, что, если победа России в русско-турецкой войне (1787—1791 гг.) лишила Османскую империю возможности быть камнем преткновения на пути реализации экспансионистской политики России, то в лице взявшего в Иране власть в свои руки Ага Мухаммеда Гаджара усматривалась сила, препятствовавшая замыслам России в указанном регионе. Автор раскрывает перипетии отношений между этими двумя странами²².

Рассмотрев значимость союза Губинского ханства с Картли-Кахетией для укрепления позиций России на Южном Кавказе, автор, вместе с тем, не игнорирует намерение России руками Фатали хана Губинского приостановить продвижение усилившегося в это время в Иране Ага Мухаммед Гаджара из-за невозможности самой выступить против него, что является очередным подтверждением маневренности политики России²³.

В целом, освещение российско-гаджарского противостояния включает различные стороны политики России: от осторожности и двойственности вплоть до агрессивных действий царизма против Ага Мухаммед Гаджара, о чем ярко свидетельствует поход русских войск во главе с В. Зубовым (1796 г.). Изучая такие вопросы, как причины и повод этого выступления, а также завуалированность далеко идущих целей российских войск, Мустафазаде пишет, что в стоявшую перед Зубовым задачу входило «не только вытеснить Ага Мухаммед хана из Южного Кавказа, но и, пройдя через Иран, выйти к Индийскому океану»²⁴. Кроме того, внимание автора акцентируется на одной из главных задач Зубова — усилении христианского фактора на Южном Кавказе²⁵.

Автор придерживается последовательной позиции и в вопросе о намерении российского правительства создать на азербайджанских землях армянское государство²⁶. Отсюда и обстоятельное изложение действий находившихся в составе русской армии христиан, в частности Иосифа Аргутинского, через призму обращений которого к меликам Гарабага о цели прихода русских войск, и выясняется стоявшая перед Россией задача создать себе опору в лице местных христиан²⁷. Намеченный, но не реализованный в 80-х гг. XVIII в. план создания христианских буферных государств был первоочередной задачей российского правительства. Подтверждением этому служат и действия самого Зубова, обстоятельно изложенные автором²⁸.

Показав разницу в планах и действиях российских войск в период прикаспийского похода Петра I и вторжения в Азербайджан Зубова, автор приходит к выводу, что в 1796 г. царское правительство ставило целью полностью поработить весь регион²⁹.

Более того, подчеркивается значимость Баку в захватнических планах России. Об этом свидетельствует и укрепление бакинского порта после занятия города, связанное с намерением российского правительства превратить Баку в базу снабжения своих войск.

Придерживаясь позиции большинства историков по поводу внешней политики Павла I, отличавшейся враждебностью к действиям его матери Екатерины II, чем и объясняется отзыв русских войск из Южного Кавказа, Мустафазаде основными ее звеньями видит расстройство бюджета государства, к которому привел поход Зубова, а также борьбу с Англией, занимавшую первоочередное внимание нового царя. Объективна и точка зрения по поводу негативного отношения местного населения к русским, сопротивления отстраненных от управления правителей и т.д.³⁰.

В работах Мустафазаде получил отражение и новый этап соперничества за Южный Кавказ, относящийся к началу XIX века. Автор дает оценку методам осуществления захватнической политики России, в арсенале которой имелись как поощрительные, так устрашающие методы, вплоть до силовых³¹. Последнее ярко демонстрируется деятельностью Цицианова, в лице которого автор показывает яркого проводника царской политики, а также ненавистника азербайджанского народа³².

Вместе с тем, следует отметить, что в целом вышеуказанный этап противоборства за Южный Кавказ в работах Мустафазаде затронут лишь отчасти. Однако даже на основе представленного материала он смог показать не столько преимущество военной мощи России в

ходе русско-иранских (1804—1813 гг., 1826—1828 гг.) и русско-турецких (1806—1812 гг., 1828—1829 гг.) войн, сколько целенаправленную аннексионную политику в отношении всего Южного Кавказа, в том числе Азербайджана.

Автор связывает с Манифестом Александра I о присоединении Картли-Кахетинского царства к России (1801 г.) начало захвата Азербайджана Россией³³. Более того, подчеркивается использование территории Грузии в качестве плацдарма для занятия азербайджанских ханств³⁴.

Констатируя значимость известного Георгиевского договора 1802 г., автор пишет: «Подписание этого договора по сути означало продолжение увлеченной в 80-х годах XVIII в. русской дипломатией идеи создания на южных границах России “стены” против угрозы Ирана и Турции. Однако, вскоре присоединившиеся к союзу стороны подверглись нашествию не Ирана, а России»³⁵.

Интересным и важным является утверждение автора о том, что политика Цицианова отвечала чаяниям грузинских феодалов, издавна претендовавших на азербайджанские земли, в частности Гянджу. Сравнивая условия перехода в состав России азербайджанских ханств, Мустафазаде стремится показать всю картину жесткого неприятия Россией любого сопротивления своей политике³⁶.

Автор рассматривает статьи Кюрекчайского договора, которые, по его мнению, наглядно демонстрируют отрицательные последствия для азербайджанских ханств, а именно — Гарабагского и Шекинского — вхождения в состав России. Это еще раз доказывает, какую тонкую и дальновидную политику вела Россия в южнокавказском регионе³⁷.

Интересными и важными являются рассуждения Мустафазаде по поводу убийства Ибрагимхалил хана Гарабагского русским майором Лисаневичем. Вывод о причастности русского командования к этому преступлению, а также констатация ликвидации Гарабагского ханства в 1822 г., как и Шекинского (1819 г.), и преобразования их в провинции, управляемые русским комендантом, — все это ярко демонстрирует колониальный характер политики царизма³⁸.

Автор раскрывает позицию России и в отношении аннексии и ликвидации Бакинского ханства, осуществлению которой не помешала даже смерть главнокомандующего русских войск Цицианова, убитого под стенами Баку³⁹.

Разбирая условия Гюлистанского договора (1813 г.) и подчеркивая его позднее опубликование, связанное с противоречиями, возникшими при разделе территории бывшего Лянкяранского ханства, автор считает необходимым выразить свое отношение к одной из исторических несправедливостей — юридически неоправданному разделу территории Азербайджана между Россией и Ираном⁴⁰.

Внимание автора привлекли не только условия Туркменчайского договора (1828 г.), согласно которым, как известно, Нахчыванское и Иреванское ханства перешли под власть России⁴¹. Рассмотрены также цели, преследуемые при этом царизмом, заключавшиеся в стремлении укрепить свои южные границы и создать здесь собственную социальную опору.

Мустафазаде справедливо отмечает, что Иреванское ханство занимало стратегически важное для России положение. Именно этим он объясняет особый к нему интерес. Автор обосновывает расположением Иреванского ханства на границе с Османским государством включение его в экспансионистские планы, предусматривавшие использование его территории в качестве военного плацдарма против Османского государства⁴¹. Неслучайно акцентируется внимание на указе Александра I, в котором Иреванское ханство указано первым в ряду тех территорий, которые должна была завоевать Россия⁴².

Более того, поощрительные меры в отношении Паскевича, возглавлявшего захват Иревана, со стороны царского правительства и в целом все мероприятия, связанные с этим событием, являются ярким свидетельством его значимости в политике России. Автор отмечает, что кульминационной точкой в этой политике стало переселение из Южного Азербайджана в Иреван, Нахчыван и другие земли Северного Азербайджана 40 тыс. армян⁴³.

Подытоживая изложенное, следует отметить, что историографический анализ указанных работ вовсе не означает, что их библиографический список не может быть дополнен. Для рассмотрения избраны наиболее значительные в концептуальном отношении труды, тесно связанные с общим состоянием и направлением исторической науки.

В целом, следует подчеркнуть, что почти по всем основным этапам и важнейшим событиям политики России на Южном Кавказе в указанный период Мустафазаде сказал свое веское слово, освещая, в первую очередь, важнейшие и переломные периоды, чем, несомненно, и определяется ценность указанных работ и его непосредственный вклад в историческую науку.

Примечания

1. MUSTAFAZADƏ T.T. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində Osmanlı-Azərbaycan münasibətləri. Bakı. 2002, c. 25–26.
2. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri (XVIII əsrin ikinci yarısı — XIX əsrin əvvəllərində). Bakı. 2013, c. 39–40.
3. ЕГО ЖЕ. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку. 1993, с. 27.
4. ЕГО ЖЕ. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 26–27; ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 39–42.
5. ЕГО ЖЕ. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 32–37, 44.
6. Там же, с. 55–62; ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 40–41; ЕГО ЖЕ. Азербайджан и русско-турецкие отношения..., с. 74.
7. MUSTAFAZADƏ T.T. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 62–63; ЕГО ЖЕ. Азербайджан и русско-турецкие отношения..., с. 83–84.
8. ЕГО ЖЕ. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 77–79.
9. ЕГО ЖЕ. Азербайджан и русско-турецкие отношения..., с. 143–144.
10. MUSTAFAZADƏ T.T. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 124.
11. ЕГО ЖЕ. Азербайджан и русско-турецкие отношения..., с. 185–191.
12. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 93–109.
13. ЕГО ЖЕ. Quba xanlığı. Bakı. 2005.
14. Там же, с. 150–152.
15. MUSTAFAZADƏ T.T. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 125.
16. Там же, с. 126–129; ЕГО ЖЕ. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 175–176.
17. ЕГО ЖЕ. Азербайджан и русско-турецкие отношения..., с. 192.
18. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 155; ЕГО ЖЕ. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 217–218.
19. ЕГО ЖЕ. Qarabağ xanlığı, с. 139.
20. Там же, с. 148–149, 168, 204.
21. ЕГО ЖЕ. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 196–198.
22. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 176–193.
23. ЕГО ЖЕ. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində Osmanlı-Azərbaycan münasibətləri..., с. 22. Хотя не игнорируется тот факт, что в начале 80-х гг. XVIII в., как известно, Россия выступала против объединения Фатали-ханом Южного Азербайджана.
24. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 204–205.
25. Там же, с. 205; ЕГО ЖЕ. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 242.
26. MUSTAFAZADƏ T.T. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 205.
27. ЕГО ЖЕ. Quba xanlığı, с. 172–173.
28. Там же, с. 163–165.
29. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan xanlıqlarının qısa tarixi. Bakı. 2011, с. 265.
30. MUSTAFAZADƏ T.T. XVIII yüzillik — XIX yüzilliyin əvvəllərində..., с. 248–249; ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 24; ЕГО ЖЕ. Quba xanlığı, с. 194–195.
31. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 253.
32. Там же, с. 253–254; MUSTAFAZADƏ T.T. Quba xanlığı, с. 210; ЕГО ЖЕ. Azərbaycan xanlıqlarının qısa tarixi, с. 173.
33. ЕГО ЖЕ. Qarabağ xanlığı, с. 183.
34. Там же.
35. MUSTAFAZADƏ T.T. Quba xanlığı, с. 209.
36. Там же, с. 211–213.
37. Там же, с. 190; ЕГО ЖЕ. Azərbaycan xanlıqlarının qısa tarixi, с. 152.
38. Там же, с. 191, 194–199, 203, 205; 153.
39. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan xanlıqlarının qısa tarixi, с. 164–166.
40. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri..., с. 285; ЕГО ЖЕ. Qarabağ xanlığı, с. 203, 205.
41. ЕГО ЖЕ. Azərbaycan xanlıqlarının qısa tarix, с. 253.
42. Там же, с. 252.
43. Там же, с. 263–264.

Българската армия в Първата световна война (1915—1918).
София. Военно издателство. 2015. 360 с.

Болгарская армия в первой мировой войне (1915—1918).
София. Военное издательство. 2015. 360 с.

В истории стран и народов Балкан первая мировая война оставила глубокий след. В Болгарии столетие вступления страны в мировую войну было отмечено появлением обобщающего военно-исторического исследования «Болгарская армия в Первой мировой войне», подготовленного ведущими специалистами центра военно-исторических исследований Национальной военной академии «Г.С. Раковский» под руководством известных болгарских военных историков Станчо Станчева, Тодора Петрова, Игната Криворова.

Для болгарской исторической науки процесс изучения истории первой мировой войны складывался непросто, по-своему отразив те политические повороты, которые страна переживала в течение минувшего века. Первые исследования появились по горячим следам событий войны и принадлежали ее очевидцам и участникам¹. В социалистической Болгарии тема первой мировой войны на долгие годы стала «неудобной», что объяснялось не только идеологическими установками, но и новой блоковой реальностью в Европе. Определенный энтузиазм среди болгарских специалистов вызвало появление в СССР в 1975 г. двухтомной «Истории Первой мировой войны»², которое было воспринято как сигнал к актуализации данной темы (с. 9). Однако подготовка собственного подобного издания оказалась отложенной на десятилетия.

Новая книга болгарских историков целиком выдержана в жанре военно-исторического исследования, в центре внимания которого находятся проблемы состояния и развития вооруженных сил страны, анализ театров военных действий и военных кампаний, итоги борьбы на фронтах. Решению поставленных задач служит богатый статистический материал и прекрасный подбор иллюстраций.

Приступая к своей работе, авторы не могли уйти от вопроса о причинах вступления Болгарии в войну на стороне германского блока. Такой ход событий представляется закономерным, если учитывать, что итоги Второй Балканской войны и условия Бухарестского мирного договора 1913 г. не могли быть приняты Болгарией как справедливые и ждали своего пересмотра в будущем. Поддержку в противоборстве с соседями и недавними союзниками — Сербией, Румынией, Грецией — тогдашний болгарский кабинет, известный своими прогерманскими настроениями, склонен был искать у Центральных держав. Давая оценку внешней политике страны в предвоенные годы, авторы подчеркивают неспособность монарха и болгарской правящей элиты извлечь уроки из

истории развития национально-объединительных процессов в Европе, что имело для Болгарии и ее народа роковые последствия.

Эта точка зрения в основном отражает преобладающий в болгарской историографии взгляд. Согласно ему, цели, которые Болгария преследовала в войне, носили справедливый, освободительный характер, а критике и дискуссии в данном случае подлежат лишь способы их реализации и выбор стороны конфликта. Размышляя над вопросом, являлся ли союз с Германией и Австро-Венгрией наилучшим решением для болгарского национального дела, авторы стараются быть выше пристрастий и апологий. «Не снимая ответственности с болгарских политиков, дипломатов и государственных деятелей и не оправдывая их, мы не должны забывать, что в те напряженные и судьбоносные для нашей страны времена глобального катаклизма далеко не все зависело от их желания, возможностей и сильных сторон. Но мы не можем не выразить наше искреннее сожаление, что многие из них не оказались на высоте момента» (с. 28).

В начале XX в. подготовка войск и командных кадров в Болгарии испытывала преимущественное влияние французской военной традиции, с которой авторы связывают многие заблуждения и устаревшие представления о практике ведения боевых действий. Их носителями становились офицеры, проходившие академический курс во Франции и в России. Отчасти это объяснялось и тем, что армия Турции, которая долгое время считалась главным потенциальным противником, обучалась по германским образцам. Стремление учесть опыт Балканских войн и внешнеполитический поворот к коалиции с Центральными державами заставили болгарских военных более внимательно отнестись к германской военно-научной школе. Внести серьезные изменения в систему обучения войск и регламентирующие документы до начала мировой войны уже не удалось, однако постепенное восприятие в болгарской военно-профессиональной среде германских военно-теоретических взглядов авторы считают исключительно позитивным явлением.

Степень готовности болгарских вооруженных сил к участию в большой европейской войне оценивается исследователями как весьма посредственная. Армия не преодолела многих негативных последствий поражения во 2-й Балканской войне, а оперативные планы были рассчитаны на кратковременную кампанию только против Сербии и не учитывали возможную перемену политической обстановки с продолжением войны на различных направлениях

против нескольких противников (с. 79). И все же, на фоне остальных воевавших европейских армий боевой путь болгарской армии в кампаниях первой мировой войны представляется уникальным. Сражаясь на относительно изолированном театре военных действий, ей пришлось иметь дело с армиями шести государств — противников Болгарии — Сербии, Румынии, Греции, Франции, Великобритании, России. Почти за три года войны — с октября 1915 г. по сентябрь 1918 г. — она не имела серьезных неудач, заняла и успешно удерживала территории, которые даже превосходили притязания политического руководства страны, и оказалась перед лицом поражения только в силу общего разгрома коалиции.

Весь период участия болгарской армии в мировой войне авторы разделили на два основных этапа. Первый — маневренный — с октября 1915 г. до конца 1916 г. связан с наибольшими успехами болгарского оружия в операциях против Сербии и Румынии. В координации с союзниками болгарские войска нанесли ряд поражений сербам, заняв территорию Косова и Вардарскую Македонию, остановившись в декабре 1915 г. на границе с Грецией. Дальнейшее наступление на юг, к вожделенной Солуни (Салоникам), пришлось остановить под давлением германского союзника, не желавшего вступления в войну Греции на стороне Антанты. На этом основании авторы сетуют на то, что различия в политических и стратегических целях союзников по Центральному блоку дали возможность англо-французским силам укрепить Салоникский фронт и подготовиться к упорному сопротивлению (с. 133). Спустя восемь месяцев, вступление в войну Румынии дало возможность болгарской армии проявить себя на новом участке фронта. В первых числах сентября 1916 г. болгары энергичной атакой овладели хорошо укрепленной крепостью Туртукай, захватив большое количество пленных и богатые трофеи.

На осень 1916 г. приходится трагический рубеж в истории российско-болгарских отношений. По горькой иронии в Добрудже румынские и российские дивизии сражались против болгарских и турецких. Впрочем, авторы подчеркивают, что военное противостояние России и Болгарии имело все же свои границы, обусловленные особыми отношениями двух стран. Российское руководство категорически отказалось от возможности использовать Черноморский флот для бомбардировок с моря портов Варны и Бургаса, несмотря на настоятельные требования союзников (с. 252).

Второй этап борьбы — позиционный — с начала 1917 г. до окончания войны в сентябре 1918 г. носил отпечаток усталости и истощения ресурсов. Тяжелые времена переживала национальная экономика. За годы войны в армию было мобилизовано более 1 млн чел., то есть почти 20% населения страны (с. 8),

что составляет самую высокую долю мобилизованных среди стран-союзниц по Центральному блоку. К лету 1918 г. армия уже переживала серьезные трудности со снабжением. С выходом из войны Румынии центр тяжести военных действий переместился на Южный фронт. Позиционная борьба не приносила видимых результатов, но требовала больших усилий и жертв. Наиболее ярким ее примером в болгарской военной истории считаются бои за высоту Большая Яребична в конце мая 1918 года. Упорными атаками греческих и французских частей высота была занята. Защищая ее, болгары потеряли более 2,8 тыс. чел. убитыми и 1,7 пленными. Потерю Большой Яребичны болгарские военачальники оценивали как тревожное событие, полагая, что она явилась следствием упадка духа в частях (с. 291). Заключительным актом первой мировой войны на Балканах стало успешное наступление Антанты, начавшееся на Салоникском фронте 14 сентября 1918 года. Отход болгарских и германских войск из Македонии принял катастрофический характер. Процесс разложения армии ускорил решение политического руководства по выходу Болгарии из войны. Интересно, что получившие тогда в войсках распространение факты неповиновения и протеста, в частности знаменитое Владайское восстание, охватившее ряд болгарских частей и жестоко подавленное с помощью германских войск, оказались острожно обойдены вниманием авторов.

Отдельная глава посвящена анализу развития военного искусства в Болгарии в период мировой войны. В области стратегического планирования болгарское главное командование не всегда могло выступать совершенно самостоятельно, находясь под сильным германским влиянием. Окончательное оформление получило оперативное искусство, основы которого закладывались еще в ходе Балканских войн. Тактика войск постепенно изживала некоторые довоенные заблуждения и воспринимала новые приемы ведения боевых действий, отвечавшие современному этапу развития военной техники. Несмотря на неутешительные итоги мировой войны, болгарские военные получили выдающийся позитивный опыт, который впоследствии вывел болгарскую армию и военную науку в ряд наиболее передовых на Балканах.

И.Н. ГРЕБЁНКИН

Примечания

1. НЕДЕВ Н. България в Световната война (1915—1918). Бегъл исторически преглед. София. 1925; ХРИСТОВ А. Исторически преглед на Общоевропейската война и участието на България в нея. София. 1925; ЖЕКОВ Н. Българското Войнство 1878—1928. София. 1928.
2. История Первой мировой войны 1914—1918 гг. М. 1975.

Contents

Articles: **A.S. Stikalin.** XXth congress of CPSU and the concrete-historical circumstances of the dismissal of Cominform. Historical profiles: **Y.P. Solovjev.** Ivan Mikhailovich Labintsov. Contributions: **S.V. Kholyaev.** Turn of “The Union of 17th October” to the revolution; **R.I. Poroshin.** Earl P.A. Shuvalov and P.P. Albedinsky: careers and political views of fellow dignitaries; **S.G. Malkin.** Army and Scotch politics of Great Britain in the middle of XVIII century. Diplomacy in history: **T.A. Vorobyova, V.T. Yungblud.** Afghanistan in policy of the Soviet Union and the United States in 1979 year. History and fates: **V.H. Buhert.** Nina Teymurazovna Beria. People. Events. Facts: **D.V. Perevoshchikov.** The hospitals for foreign prisoners of war in the territory of Udmurtia (1943—1949); **A.A. Gulyaev.** E.A. Schadenko and repressions in the Red army in 1937—1938 years; **I.V. Kuchumov, E.V. Melnik, L.F. Sakhibgareeva.** Pierre-Charle Levesque — the french explorer of history and ethnography of Russia; **SH.G. Aliev.** From the history of political unification of Sheki realm and Kakheti principality. Historiography: **M.S. Iskenderova.** The politics of Russia at the South Caucasus in XVIII — early XIX century in the works of modern historian. *Reviews on books:* Bulgarian army during the first world war (1915—1918) (by I.N. Grebionkin).

Учредитель: **ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»**

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894

Главный редактор **А.А. ИСКЕНДЕРОВ**

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 10, 2016

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.09.2016. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1400. Заказ 2586-2016. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2017 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**